

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

АЛЕКСАНДР

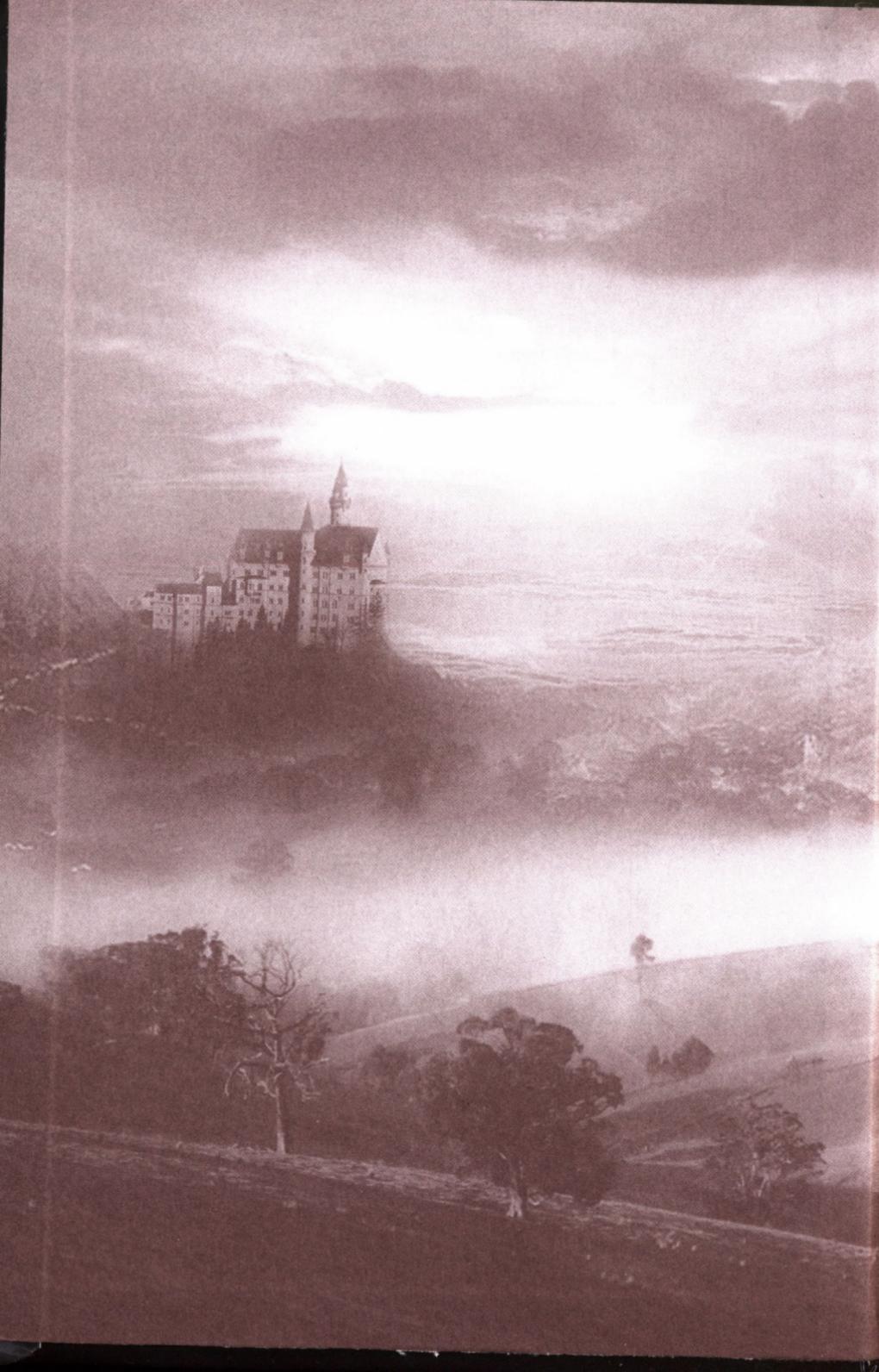
БУШКОВ

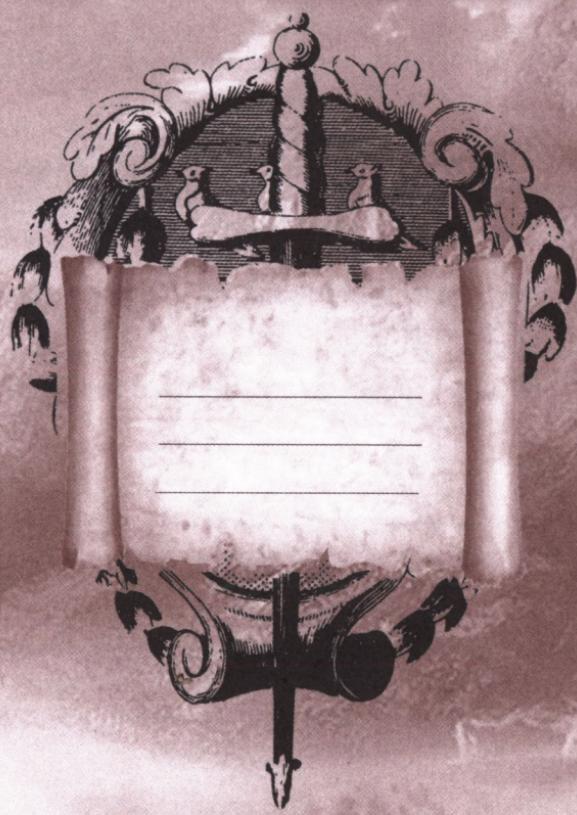

ИЗ НИ \oplus ТКУДА В НИКУДА

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СВАРОГА

В занимательности Александрю Бушкову не откажешь
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше – только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, как понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

...Великолепная фэнтезийная проза. Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуманный мир. Мощная магия, мрачные пророчества. Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.

Русская фантастика

Добросовестное отношение к военным и державным реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность мотивов и обоснованность поступков персонажей...

Книжное обозрение

Есть писатели, которые несут золотые яйца,
а есть — которые пишут хорошие книги.

Александр Бушков старается это совмещать.

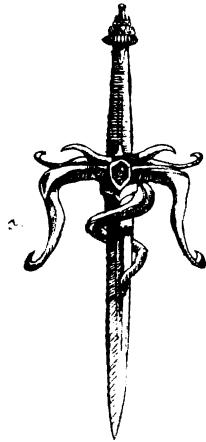
Русский журнал

Таларский цикл — самый любимый поклонниками Бушкова. Это изумительный язык: легкий, занимательный, понятный, с приятным юмором.

Ozon.Ru

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ИЗ НИОТКУДА
В НИКУДА

Москва
ОЛМА Медиа Групп
2013

УДК 821

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Б 90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова
«Из ниоткуда в никуда» принадлежит
ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения
издателя считается противоправным и преследуется по закону.

*Авторы стихов, приведенных в романе: Гарсиласо де ле Вега,
Ольгерд Довмонт, Шандор Петефи.*

Обложка: Сергей Ивацук

Книга печатается в авторской редакции.

Бушков А.

Б 90 Из ниоткуда в никуда: Роман. — М.: ОЛМА Медиа
Групп, 2013. — 304 с. (Сварог – фантастический боевик).

ISBN 978-5-373-05494-2

Пока молодая правительница Империи Четырех Миров Яна-
Алевтина готовится пойти под венец, лорд Сварог граф Гэйр продолжает биться над загадкой Токеранга и Горрота. Как сорвать «шапку-невидимку» с Горрота и проникнуть в логово токеретов?..

Воскресшие покойники, токереты во плоти, секретные истории, извлеченные из тайных архивов, разгадка силы апейрона, обретение наследника. Вся эта повседневная королевская жизнь в светском бризе любви, который стремительно набирает силу и поднимает, поднимает Сварога... над Таларом. Так просыпается Древний Ветер. Но хватит ли его силы, чтобы выиграть решающую битву?

УДК 821

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-373-05494-2

© Бушков А. А., 2013
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
(издание), 2013

*Настроив лютню и виолу,
расскажем в золоте сентябрьских аллей,
какое отношение к престолу у королей.*

Марина Цветаева.

Глава I

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Подземный завод произвел на Сварога впечатление несравненно большее, нежели Арсенал. И не оттого, что оказался раза в четыре крупнее. Из-за своего вида. Бесконечные анфилады высоких сводчатых залов заполнены самой что ни на есть диковинной на вид машинерией, где ничему названия с ходу не подберешь. Все это, конечно, сейчас не работало, но, по объяснениям Мяуса, могло быть扑щено в ход в любой момент — у каждого диковинного агрегата с тупым терпением роботов стояли кучки Золотых Гномов (вот уж которую сотню лет).

Из чистого любопытства Сварог приказал запустить один из не похожих на станки стариков — ради экономии времени выбрав самую маленькую по размеру, а значит, и самую быструю в изготовлении боевую единицу из Арсенала. Гномы тут же засуетились, одни полезли куда-то вверх по спиральным лесенкам, другие принялись что-то нажимать и крутить. Внутри прозрачных цилиндров завертелись синие спирали, покрытые разноцветными шариками, наполовину торчавшие из высоких ящиков шестерни пришли в размеренное движение, крутились туманные диски, перебегали цепочки огоньков. Буквально через пару минут откинулась передняя крышка не-

видного серого ящика размером с коробку для ботинок, и оттуда на блестящей пластине выехал Золотой Воробей. Убедившись, что он не горячий, Сварог хозяйственно прибрал его в карман и двинулся дальше под бесстрастный баритон Мяуса.

И вскоре не на шутку обрадовался, обнаружив устройство по производству таких богато украшенных и комфортных летающих лодок — летавших, как оказалось, не так уж высоко, но быстро. Ну да, Фаларен давно должен был придумать какое-то средство передвижения, чтобы не гонять по пустякам Вентордеран. Сварогу эти штуки пришлись как нельзя более кстати: до сих пор, чтобы попасть от точки «Ворота» в Виллердеран, и ему самому, и его гостям приходилось именно что гонять Вентордеран, как такси — лиг двести. Теперь проблема снималась: настамповывать десятка два лодок и поставить их возле «Ворот». Свои быстро научатся с ними обращаться, а чужие сюда не попадут.

Не теряя времени, он велел сделать десятка два лодок и доставить их к указанной точке. Пошел дальше. Натолкнулся на очень интересный цех — где, если можно так выразиться, мастерили диверсантов и шпионов. Совершенно безобидная, обычная на вид шелудивая лошадка может, получив приказ, шаражнуть лучевым ударом так, что окружающим мало не покажется. Облезшая собака, подобравшись к пороховому погребу, взорвется сама и погреб взорвет (похоже, именно до этих технологий самостоятельно додумались те, в Горроте). Ну, и так далее — безобидные овечки, ничем не примечательные коты, свиньи, сороки и прочая живность, на которую никто никогда и не подумает. Правда... По некотором размышлении Сварог пришел к выводу, что и эта диверсионная шатия-братия в данный момент бесполезна, поскольку точно так же не может быть использована против Горрота — опять-таки выдашь себя, показав, чем располагаешь...

Вот роботы-шпионы в виде той же разнообразнейшей живности вполне могут быть употреблены в дело. В какой-нибудь из комнат Акобара Брашера с сообщни-

ками обсуждает планы и строит козни — а в дальнем темном углу примостились самая обычная вроде бы мышка, записывающая каждое словечко. Или над «запретной» частью дворца вдруг начнет кружить самая обыкновенная ворона. Стоит попробовать. Но не раньше, чем выяснится, что произошло с Золотой Щукой. Кто их там знает, горячих умельцев — вдруг они в состоянии моментально засекать такие устройства?

Один нюанс: во всем огромном заводе так и не нашлось устройств, способных производить ручное оружие наподобие карманных бластеров или более солидных по габаритам стрелялок. Какие бы военные кампании в свое время ни планировал Фаларен, пехотой он при этом явно не собирался пользоваться — в чем, быть может, и был тогда прав. Одних боевых машин вполне достаточно. И, как показывает история, найдется превеликое множество людей, готовых перейти на сторону завоевателя, пусть даже такого экзотического...

Выйдя из подземелья (вход в которое, как и в Арсенал, был замаскирован безобидным изящным павильоном), направляясь к Вилдердерану, Сварог в который уж раз подумал, что покойный предшественник, несмотря на все его пороки, был чертовски неглуп. Спрятав под землю завод и Арсенал, он словно бы убрав Хелльстаду серьезности. Нельзя ведь сказать, что наверху вовсе уж ничего не знали о Хелльстаде. Невидимая защита Хелльстада простирается не на такой уж большой высоте, и пролетающий над ней наблюдатель мелких деталей, конечно, не рассмотрит, но уж замки-то узрит. В досье, беззастенчиво извлеченном из компьютеров Кабинета Канцлера (оно оказалось чуточку полнее, чем соответствующее досье восьмого департамента), прилежно описаны и оба замка, и военно-морской санаторий (назначения коего, как следовало из глубокомысленных, но бесполезных аналитических обзоров, так и не поняли в обеих конторах) — санаторий стоял словно бы сам по себе, Фаларен его навещал пару раз в год, и только Ну, лично для Сварога тут было все ясно: короля иногда

охватывала ностальгия по прежним временам, и он проводил там ночку.

Ну, и большинство неразумных обитателей Хелльстада можно было рассмотреть с высоты так, чтобы составить о них некоторое представление — имелись отчеты о наблюдениях и за глорхами, и за гармами, и много за кем еще. А уж когда в свое время Фаларен по известному капризу решил устроить в Вилердеране настоящий королевский двор, для чего собрал сотни три придворных и прислуги, легко догадаться, что среди них оказались не только разведчики земных королей, но и люди восьмого департамента и Канцлера. Толковой информации от них от всех, как опять-таки легко догадаться, не поступило и на копейку. Поскольку ничего они не могли видеть, кроме замка с парком, за пределы коего их не выпускала система защиты. Ну, а компьютерный центр так и остался тайной даже для тех, кто прекрасно знал слово «компьютер»...

Одним словом, Фаларен в свое время неплохо все про-считал: с одной стороны, Хелльстад благодаря своим чудищам внушает панический ужас, с другой, он в чем-то и неинтересен: ничего любопытного для профессионалов, один замок летает, другой стоит, есть еще Орлиное Гнездо и санаторий. Пожалуй, нужно сохранять эту традицию и далее...

Не входя в компьютерный зал, он заглянул внутрь. Ну что ж, нормальная деловая обстановка: на компьютере, что расположен у правой стены, увлеченно работает Элкон, а в противоположном конце зала на совесть трудится Литта. Никто, конечно, и не собирался в сжатые сроки обучать ее компьютерной грамоте — к чему? Ей просто-напросто показали клавишу, с помощью которой она могла менять фотографии, и другую — чтобы при появлении нужной остановить ее на экране. Для данной ситуации вполне достаточно...

Да уж, Литта трудилась на совесть — насколько мог рассмотреть Сварог со своего места, фотографии сменяли друг друга уже секунд через пять вместо запланированных пятнадцати: ну, собственно, этого времени вполне хватит,

уж своего-то покровителя-мучителя она должна опознать моментально...

Сварог недовольно поморщился: рядом с ней, на хрупком столике стояли бутылка, бокал и блюдо с пирожными. Впрочем, не похоже, чтобы она этим злоупотребляла, бутылка едва почата, и Литта в рабочем азарте не обращает на нее внимания. Ладно, пусть ее, легонький стимул не помешает...

Он подошел, опустился в «королевское» кресло. Элкон повернулся к нему с видом довольно-таки торжествующим.

— Что, есть кое-какие успехи? — спросил Сварог.

— Посмотрите, командир, — Элкон подал ему три фотографии. — Брашеро пока что нет, но вот-эти трое, она клянется, общались с ним подолгу и чаще других, собирались на совещания в тщательно охраняемых комнатах, не вылезали из «запретной» части замка... Ближайшие сотрудники, тут и голову ломать нечего.

— Действительно... — проворчал Сварог, разглядывая фотографии.

Одни мужчины, понятно (он и раньше как-то подсознательно считал, что женщин к таким делам не допускают). Ничем особенно не примечательные физиономии, как говорится, безусловно отмеченные печатью интеллекта, один выглядит на тридцать, двое других — на сорок с лишним. И, что интересно, на каждом рабочая одежда Магистериума: строгие синие камзолы, украшенные на груди давным-давно знакомой эмблемой, заключенной в полумесяц колбой.

— Ах, вот оно как... — произнес сквозь зубы Сварог. — Ну что же, весьма логично. Что бы там ни происходило, в ход пущены какие-то высокие технологии, в которых получивший домашнее образование самоучка уж никак не силен... Вот только интересно, как они ухитряются долго отсутствовать в Магистериуме, — а ведь долгое отсутствие на рабочем месте там не приветствуется, это даже я знаю. Фанатики науки порой и выходные прихватывают для работы, и часть отпуска...

Элкон ухмыльнулся как-то загадочно:

— А им, собственно, и нет более нужды присутствовать в Магистериуме. Они, изволите ли знать, все поголовно покойники. А покойник на рабочем месте присутствовать никак не может...

— Объясните, — спокойно сказал Сварог. — Вы ведь наверняка успели все проверить.

— Да, сейчас добираю мелочи... — он продемонстрировал снимки тех, что постарше. — Вот это — лорд Кларин, маркиз Чейби и лорд Селерт, граф Донар. Оба занимались антигравитацией и парой сопутствующих дисциплин. Оба погибли на вимане Магистериума, когда отправились на пару миллионов километров от Талара производить какой-то сложный эксперимент. Никаких следов: вимана не то чтобы даже на мелкие кусочки разлетелась, а превратилась во вспышку излучения. Расследование ничего не дало: о сути эксперимента было известно очень мало. Тамошняя ученая публика обожает, кроме плановых работ, заниматься еще и самодеятельностью. На это в Магистериуме смотрят сквозь пальцы: иногда самодеятельность таковая дает неплохие результаты. Правда, после подобных катастроф с человеческими жертвами обычно закручивают гайки... но очень быстро все возвращается на круги своя.

— Так, — сказал Сварог. — И когда сей прискорбный случай произошел?

— Около семи лет назад. Буквально за пару месяцев до разгрома лабораторий Ледяного Доктора и его гибели. Вот только наша прекрасная беглянка, — он повел подбородком в сторону Литты, — клянется, чем угодно, что ошибиться никак не может, что за два года во дворце они ей примелькались и последний раз она их видела аккурат перед поездкой на Ковенант...

— Вот, значит, как, — проворчал Сварог. — Мученики науки, очередные жертвы страсти к познанию... А Третий? Тоже нечто в этом роде?

— Не совсем, — сказал Элкон. — Окстон, барон Кальдр. Один из лучших электронщиков Магистериума. Пропал

без вести где-то в Полуденном Каталауне. У него была одна страсть — охота. И отправлялся он на землю, как многие, не регистрируясь, а значит, без устройств связи и «маяков». Его, конечно, искали, и долго, но никаких следов не обнаружили. Любил охотиться в одиночку, без ловчих и егерей. Исчез он примерно за неделю до... всей шумихи с Ледяным Доктором.

— Шустрые покойнички... — сказал Сварог. — Который год творят черт-те что, вместо того, чтобы смирне-хонько пребывать там, где покойникам и полагается...

— Тут одна загвоздка, — сказал Элкон. — Какие бы то ни было контакты с Ледяным Доктором не отслеживаются... А впрочем, это еще ни о чем не говорит. Ледяной Доктор несколько лет развлекался без всякого за ним наблюдения, им и занялись-то буквально за месяц до... события... А из чистого любопытства его посещали слишком многие...

— Вот оторвите мне голову, но Брашеро, очень похоже, из той же шайки, — он с досадой покосился на Литту. — Если так, вряд ли сильванец... Много ей осталось?

— Менее четверти, — сказал Элкон. — Знаете, командир, мне пришло в голову... Тут могут быть чисто технические причины. Гербовые книги расположены по алфавиту, соответственно, по алфавиту и снимки подбирались. Его фамилия может начинаться на одну из самых последних букв алфавита.

— Может быть, — проворчал Сварог. — Зато в Горроте, такое впечатление, он — самая первая буква алфавита... — Он усмехнулся. — Ну как, установили с ней очень дружеские отношения?

— Собственно, она сама их установила, — стараясь говорить как можно безразличнее, ответил Элкон. — Едва я прилетел, и стали знакомиться. Ну, у меня же были инструкции... Пришлось выполнять.

Сварог хмыкнул:

— Превозмогая себя, со внутренним борением, стиснув зубы...

— Ну, я бы так не сказал... — в тон ему ответил Элкон. — Вообще-то она ничего, столько пришлось пережить, даже жалко чуточку...

— Ну да, — сказал Сварог. — это и была задача номер один: сделать так, чтобы все жалели бедняжку. Но совести говоря, она и в самом деле оказалась в безвыходных обстоятельствах, но это еще не означает, что с ней надо сюсюкать и водить вокруг нее хороводы. Если бы она не почувствовала, что ей там становится горячо, и дальше наслаждалась бы всеми прелестями королевского положения. Она хорошая актриса, Элкон, учите. Ничего не пыталась у вас выведать? Пусть намеками...

— Абсолютно ничего, я бы заметил. Вы же сами предупреждали, чтобы я был начеку в этом именно смысле...

— Ну и отлично, — сказал Сварог. — Справку насчет энергетических мощностей подготовили?

— Давно, она ведь совсем коротенькая получилась...

Сварог внимательно прочитал справку, занявшую не более половины листа. Благо читать там было особенно нечего. С одной стороны — масса объекта, с другой — мощность. Количество энергии, каковая потребовалось бы, чтобы превратить токерета в создание, ничем не отличающееся размером от обычного человека, — и соответствующим образом, в том же масштабе, увеличить их снаряжение — от автоматов и вертолетов до подводных лодок.

— А выводы?

— Я не энергетик, вы же знаете, — сказал Элкон. — Но с хорошими специалистами проконсультировался — конечно, не объясняя им сути дела. И обдумал кое-что... Чтобы представлять для нас достаточно серьезную угрозу, отдельными диверсионными группами никак не обойдешься. Нужны тысячи солдат нормального размера... и, скажем, несколько десятков подводных лодок... а то и чего-то еще. Мы ведь до сих пор не знаем, что у них в рукаве. Ну, допустим, немалое число истребителей, которые ждут своего часа. Как бы то ни было, я бы рискнул предположить, что у них самих столь колоссального ко-

личества энергии нет. Иначе давно бы решились... Я тут кое-что прикидывал. Даже если застроить половину Токеранга ядерными реакторами, все равно такого количества энергии им не получить, — он усмехнулся. — У них же и реакторы должны быть маленькими. Есть другой путь: энергосборники, улавливающие всевозможные виды космического излучения и превращающие их в этакие «энергетические консервы». Вот это вполне реально. Примерно так, как мы давно уже концентрируем апейрон. Одна немаловажная деталь: чаши энергосборников, судя по старым техническим энциклопедиям, которые я просмотрел, должны быть немаленьких размеров, десятки уардов в поперечнике, и располагаться либо на орбите, либо на поверхности земли. Сами энергохранилища можно и под землю упрятать, это, в конце концов, несущественно. Вот так это выглядело в стариину, когда мы еще не открыли принцип концентрации апейрона. Иллюстрация из Музея техники.

Он коснулся клавиши, и на экране появилась висящая в усыпанной звездами космической черноте ажурная чаша. Элкон пояснил:

— Вон та красная точка справа — вимана. Для иллюстрации масштаба.

— Да... — сказал Сварог. — Оценил. Тут добрая сотня уардов в поперечнике... Они еще где-нибудь остались?

— Зачем? — пожал плечами Элкон. — Все до единого демонтированы пару тысяч лет назад.

— А подробная документация? Рабочие чертежи?

— Все в Музее техники.

— В открытом доступе? — спросил Сварог, чувствуя, как по спине пополз неприятный холодок.

— Конечно, — сказал Элкон. — Какой смысл был их скрепить?

Он вдруг уставился на Сварога, чуть побледнев.

— Вот именно, — сказал Сварог. — Тоже подумали о том же самом, а? Ну да, тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы связать очевидные вещи. Полная документация и все чертежи в открытом доступе, как музейный

хлам. Кучка не самых бездарных ученых из Магистериума, старательно инсценировавших свою смерть. И немаленькая территория Горрота, абсолютно недоступная для наблюдения. Вот там энергоприемников можно установить чертову уйму, где-нибудь в горах — Литта, кстати, упоминала про какое-то «Горное гнездо», не так уж далеко от столицы... На той части Итела, что входит во владения Горрота — и, соответственно, недоступна наблюдению, — можно пришвартовать не то что десятки, сотни подлодок, которых мы до последнего момента просто не увидим.

— Вы уверены? — тихо спросил Элкон.

— Ни в чем я не уверен, — сказал Сварог почти грубо. — Просто выдвигаю версию... смею думать, не самую дурацкую. Должен же быть какой-то — и весьма серьезный — мотив, из-за которого токереты вдруг стали оказывать горротцам нешуточные услуги вроде нападения на Батшеву? Такие вещи никто не делает из чистой филантропии, это я вам как король говорю. Союз двух государств всегда подразумевает взаимную выгоду. Быть может, для Токеранга она в первую очередь в том и заключается, чтобы получить от Горрота необходимую энергию? Это многое объясняло бы...

— Но если так, мы в скверном положении... — сказал Элкон.

— Мы в хреновейшем положении, если это так, — сказал Сварог. — Я имею в виду в первую очередь Талар. Для Империи это, полагаю, не так уж и страшно... но, в любом случае, как только они вылезут из-под защиты Горрота, будет серьезная война. Неба это не коснется, я полагаю, а вот Земле от такой войны придется ох как несладко... — он наклонился вперед и впился взглядом в глаза собеседника: — Или вам, Элкон, как многим, тоже наплевать, что будет с Землей?

— Не наплевать, — сказал Элкон, бледный, серьезный, не отводивший глаз. — Честное слово. Я здесь... — он замялся, подыскивая нужное слово, — прижился. Конечно, не так, как его высочество принц Элвар, но все же... Нет,

не наплевать! Командир, вы сами нас учили... Я готов драться...

— С кем? — вкрадчиво спросил Сварог. — Вот то-то, что молчите. С к е м, мы теперь примерно представляем. Но вот к а к... — он похлопал юного сподвижника по колену. — Не паникуйте, Элкон. Хуже нет, когда начинается паника и опускаются руки. Есть кое-какие шансы... Что?

Он обернулся к Мяусу, объявившемуся поблизости с каким-то очень уж выжидательным видом. Хотя роботам эмоции и не свойственны, но сейчас Мяус удивительным образом напоминал Интагара.

Золотой Кот самым недвусмысленным образом, едва заметно повел головой в сторону коридора.

— Погодите минутку, — сказал Сварог, резко вставая. — Тут какие-то дела...

Он вышел в коридор, прошел шагов пять и плюхнулся на роскошный мягкий диван. Мяус ловко запрыгнул следом.

— Простите, ваше величество, — сказал он, — но я не знал, можно ли о таких вещах говорить при господине Элконе. Я имею в виду Золотую Щуку и прочее из Арсенала...

— Никогда не слёдует, — сказал Сварог твердо.

Он доверял своим ребятам, но до поры до времени о существовании Арсенала должен был знать только он один. Слишком молоды, сподвижнички. Он бы и от Яны это скрыл, но тут уж никуда не деться — она кое-что видела, не так давно ее охраняли Золотые Филины и Золотой Дракон. Правда, и Яна не знает, сколько золотых тварей в Арсенале, и про Арсенал не знает...

И тут до него дошло. Он едва не вскрикнул:

— Что со Щукой?

— Она только что вернулась, ваше величество, — беспристрастно ответил Мяус. — Она сделала видео акции... Желаете просмотреть?

— Нет, потом, — нетерпеливо сказал Сварог. — Докладывайте.

Выслушав все, он не испытал особенно ликования — но громадное облегчение было налицо. Сварог откинулся на спинку, вжавшись затылком в мягчайшую обивку диванной спинки, прикрыл глаза, это, конечно, никакая не победа. Это просто Очень Хорошая Новость...

Золотая Щука, как и положено роботам, задание выполнила педантично, не рассуждая и не своевольничая. Проникнув в пределы Горрота на десять лиг и, оказавшись в совершенно безлюдных местах, она подвсплыла, выпустила перископ и долго, тщательно осматривала берег, пока не убедилась в совершеннейшем отсутствии на приличном расстоянии вокруг человеческих особей. Зато на бережку имелось строение (судя по описанию Мяуса, дряхлый рыбачий сарайчик), а возле него на воде — привязанная к столбику лодка.

По ней-то Щука в полном соответствии с инструкцией и шарахнула зажигательным лучом на трети мощности, спалив всю надводную часть в мгновение ока (что вполне могло сойти за удар молнии). После чего Щука (опять-таки в полном соответствии с инструкциями) развернулась и направилась обратно на малой скорости — она должна была уйти на глубину, если ее кто-то или что-то атакует. Но никаких атак не последовало, и она благополучно покинула горротские территориальные воды — в точности как не так давно случилось со Сварогом на «Рагнароке».

Ну что же, это, пожалуй, и называется: «Мы еще побаraphаемся». Хелльстадские наблюдательные системы, как и системы ларов, на территории Горрота не действуют — но если оружие ларов в Горроте бессильно, то хелльстадское действует исправно. И «Рагнарок», и Золотая Щука и побывали там, и оружие пускали в ход, и ушли незамеченными.

Что ж, если не будет другого вывода, если окажется, что дальше бездействовать просто нельзя, придется расскречиваться. Расконспирироваться. «Дорожные знаки» — это, конечно же, какая-то сложная система, быть может, как раз и накрывающая Горрот этакой «шапкой-

невидимкой». Любая сложная техническая система, охватывающая целую страну, просто обязана иметь единый центр управления, это вам скажет любой инженер. И есть сильные подозрения, что этот центр как раз и расположен в «запретном дворце», чтобы был под рукой. А возможно, там что-то еще, не менее интересное.

Дюжина Золотых Драконов над дворцом — и от тех загадочных зданий камешка не останется. А вот потом... Потом невозможно предугадать, как сложатся отношения с Канцлером, обнаружившим вдруг, какой боевой благодатью Сварог располагает. И наплевать. Главное, не будет той жуткой войны, которая может развернуться. Тут уж собственные удобства — на десятом плане...

Если смогла наблюдать Щука, значит...

— Мяус, — сказал Сварог. — Сколько потребуется времени, чтобы изготовить... ну, скажем, пятьдесят Золотых Шмелей?

Почти без промедления Мяус ответил:

— Около полутора часов, государь.

— Отлично, — сказал Сварог. — Немедленно отдайте распоряжения. Когда они будут готовы, в общий поиск их не включайте. Вечером я им дам конкретные задания и укажу маршруты.

— Будет исполнено, ваше величество.

Даже не разведка боем — крохотное подобие коей выполнила Щука. Просто разведка. Если все пройдет гладко...

Он подхватился с дивана, услышав в компьютерном зале визг Литты. Кинулся туда, не успев ни о чем подумать.

Когда он ворвался в компьютерный зал и добежал до дальнего его края, Литта уже не визжала. Ничего страшного с ней не происходило, наоборот — откинувшись в кресле, блаженно улыбаясь, она наполняла свой бокал. Встретив взгляд Сварога, нимало не смущаясь, долила золотистого вина почти до краев, с большой сноровкой осушила, кивнула на экран:

— Вот, господа мои, извольте получить. Амель, граф Брашеро. Собственной поганой персоной.

И стала наливать себе снова. Сварог ей не препятствовал. Они с Элконом, стоя за ее спиной плечом к плечу, разглядывали фотографию мужчины лет сорока с небольшим. У Сварога отчего-то создалось впечатление, что этого человека он уже видел, хотя такого не могло быть. Просто, надо полагать, Литта очень точно описала то в лице, что Асверус в одном из стихотворений о статуе древнего владыки поименовал «надменный пламень».

Да, действительно... Красивое, жесткое и волевое лицо человека, убежденного, что все остальные — глина, из которой можно лепить все, что угодно. Те трое, сразу видно, гораздо жиже. А это — несомненный гла́варь, и к старухе Грельфи не ходи. Серьезный попался противничек...

И на нем тоже — синий камзол Магистериума с золотой колбой в золотом полумесяце. Окружить бы этот га́рюшник боевыми дракарами и всех до одного в зя́ть... Есть сильные подозрения, что это — затаенная мечта не только Сварога, но и Канцлера, увы, невыполнимая по причине чертовой Хартии Вольностей. Есть сильные подозрения, что и сегодня кое-кто из тамошних подвижников науки совершенно зря разгуливает на свободе...

— Правда, я молодец? — спросила Литта, хмельно поблескивая глазами. — Получайте урода...

— Молодец, — сказал Сварог.

После чего решительно отобрал у нее бутылку с бокалом и поставил под стол по соседству.

— Эй! — негодующе воскликнула Литта. — Я же его нашла!

— Найти-то нашла, но работу не закончила, — сказал Сварог, глянул на зеленые циферки в правом нижнем углу экрана. — У тебя еще триста с лишним непросмотренных физиономий. Может оказаться, увидишь еще кого-нибудь знакомого. Пара бокалов для тебя — пустяки, винцо слабенькое, голова должна быть ясной...

Литта недовольно надула губки, но Сварог, считавший себя кое-каким знатоком женской натуры (поскольку половы знатоков женской натуры нет, не было и не будет), кое-какие меры перед визитом сюда принял — не ка-

саю такого вот случая, просто в рамках материального стимулирования. Сунул руку в карман, вытащил за кончик расстегнутое ожерелье, прихваченное в одном из сундуков Вентордерана, покачал им перед глазами девушки:

— Хорошо закончишь работу — будет твое.

Глаза у Литты округлились. Сварог прекрасно ее понимал: дело, конечно, не в прекрасной работе неведомого ювелира. Просто брильянты, неизвестно как и от кого попавшие к Фаларену, наверняка превосходили величиной любые, какие ей только в Горроте дарил Брашеро.

— Быть не может... — завороженно выдохнула Литта. — Они настоящие?

Сварог усмехнулся, спросил укоризненно:

— Как по-твоему, я похож на человека, способного подсунуть очаровательной женщине стекляшки? — подтолкнул ее к креслу. — Ну, давай, тут работы самое большое на полчасика... — повернулся к Элкону: — Ищите еще одного покойника, граф. Чует мое сердце: перед нами — очередной воскресший покойничек...

Увы, минут через пять он выглядел чуточку сконфуженно: поторопился во всеуслышание хвастаться чутьем, а оно возьми и подведи... На сей раз (быть может, разнообразия ради) перед ними оказался не воскресший покойник, а человек, вроде бы числившийся среди живых.

И человек, действительно, незаурядный... Лорд Кобарт, герцог Тольдер, четырехсот восьмидесяти двух годочеков от роду, когда-то — одно из светил Магистериума, академик и орденоносец, один из лучших в Империи специалистов по А-физике (то есть тому разделу физики, что занимается апейроном). Однако лет сто назад герцог, уж бог весть по какому побуждению, решил уйти из большой науки в большую политику. Благо по знатности рода обладал хорошими связями при дворе, к тому же один из его пррапрадушек был незаконным отприском тогдашнего императора. (Чем здесь, как и когда-то в средневековые на Земле, принято не стыдиться, а гордиться, даже в герб официальным образом добавляется особая геральдическая фигура под названием «повязка

лазоревая с четырьмя зубцами в правом верхнем углу»). Поначалу все вроде бы шло гладко, но потом все внезапно расстроилось. Располагай Сварог с Элконом только официальными сведениями из Гербовой книги, пришлось бы долго ломать голову в тщетных попытках догадаться, отчего столь блестяще начавшаяся карьера вдруг сорвалась под откос. Но у них имелись под рукой и архивы восьмого департамента, и доступ к бумагам Кабинета Канцлера. История, в общем, банальная: набрав кое-какой вес при дворе и сколотив свою партию, герцог начал всерьез копать под Канцлера, целя на его место. Каким бы он ни был научным светилом, придворным интриганом оказался не самым способным: под Канцлера не раз копали и более матерые волчары, с юных лет окунувшиеся в дворцовые интриги. И всякий раз проигрывали. В официальных документах это, конечно, именовалось деликатно: «его величество императору благоугодно было удовлетворить прошение лорда Кобарта, герцога Тольдера, об отставке его со всех занимаемых постов». Глядя на вещи циничнее, нет сомнений, что Канцлер попросту с треском вышибнулся за дверь незадачливого конкурента. Герцог после того, в общем, не впал в меланхолию, не запил и уж тем более не покушался на самоубийство — хотя с подобными честолюбцами случалось и первое, и второе, и третье. Он просто-напросто вернулся в Магистериум, со всем пылом продолжал прежние изыскания и даже стал открывателем «эффекта Кобарта», за каковое достижение и получил академика (Сварог с Элконом решили не уточнять, что это за эффект такой, — во-первых, к их делам это наверняка не имело никакого отношения, а во-вторых, вряд ли поняли бы, в чем там суть). Одним словом, научная карьера герцога протекала просто блестяще...

До поры до времени. Примерно семь лет назад научные круги двух планет сотрясла сенсация: Кобарт, как оказалось, в глубокойтайне не один год занимался каким-то проектом, при успехе которого взмыл бы, переводя на привычные Сварогу аналогии, в Ньютоны, Эйнштейны или Фарадеи. А оказалось вдруг, что время и силы потра-

чены зря: направление тупиковое, исходные предпосылки ошибочны, идея изначально была пустышкой. И все такое прочее. Сварог с Элконом и тут не пытались ничего понять, но оба слыхивали, что в случае подобных ударов судьбы иные научные светила и петлю на шею накидывали...

Кобарт оказался покрепче духом. Покушаться на свою драгоценную жизнь он не стал, но официально ушел из Магистериума, вообще из науки и форменным образом подался в отшельники — как в свое время Ройл и еще несколько человек. Разница оказалась в том, что Ройл прочно обосновался на прекрасно известном всем необитаемом островке, а Кобарт пошел дальше: улетел на Сильвану, где со временем потерялся из виду: сначала жил в каком-то захолустном гиперборейском городишке, потом переселился в вовсе уж глухую деревушку, а там и затерялся в безлюдных чащобах. Ни одна из спецслужб его не разыскивала, поскольку к этому не было никаких поводов, так что теперь ни одна живая душа в Империи понятия не имела, где обитает отшельник и жив ли он вообще...

Ну, а отшельник, как прекрасно знали все здесь присутствующие, тем временем вел в Горроте отнюдь не отшельническую жизнь во дворце усаженной им на престол поддельной королевской четы, ставши, никаких сомнений, подлинным хозяином королевства. И при этом с помощью считавшихся мертвыми неплохих специалистов Магистериума заворачивал что-то масштабное, непонятное и безусловно направленное отнюдь не на то, чтобы принести Империи пользу или одарить ученый мир настоящим эпохальным открытием...

— И вот вам в завершение хороший документик, — сказал Элкон. — Характеристика, в свое время написанная кем-то из аналитиков Кабинета Канцлера: «Интеллект высшей степени, честолюбие непомерно, полное отсутствие каких бы то ни было морально-этических принципов».

— Веселая бумажка, — кивнул Сварог. — такой экземпляр способен натворить дел, если его вовремя не оста-

новить... И лучше всего, поверьте моему опыту, пулей в лоб... Ладно. Литта пусть занимается своим делом, а вы, пока она перебирает благородные рожи, войдите в архив Музея техники, благо открыт для всеобщего доступа. Подберите мне материалы по энергоприемникам, накопителям энергии и всему, что с ними связано. Технологии изготовления, сроки монтажа, типичные образцы, необходимый для обслуживания персонал и все такое прочее...

Он похлопал юного сподвижника по плечу, вышел в коридор и плюхнулся на тот же мягчайший диван, возле которого торчала роскошная пепельница в виде хрустальной чаши на золотой ножке. Фаларен не курил, но Мяус, едва освоившись с этой привычкой Сварога (естественно, принятой им с полным отсутствием эмоций), сделал логические выводы и набил весь замок пепельницами (среди них оказалась вовсе уж экзотическая, передвижная, проворно семенившая за Сварогом, когда он расхаживал по замку с сигаретой во рту. Сначала она Сварога раздражала, но потом он притерпелся и пришел к выводу, что штука все же полезная).

Что теперь у нас на очереди? Конечно же, Токеранг. Пока что совершенно неясно, как подступиться к шайке Брашеро (будем по привычке именовать его так и дальше), есть лишь первые наметки, зато Токеранг — под рукой. И есть идеи, которыми следует озабочиться в первую очередь.

Проход в пещеру с земли безусловно существует, и он, надо думать, мало похож на кротовью нору — уж если по нему в свое время свободно пролетали вертолеты, пусть и размером с кошку... Его, конечно, предосторожности ради могли тогда завалить... а могли и не завалить, должны же были сообразить, что не с Фалареном имеют дело, а с очередными рисковыми бродягами, осмелившимися проникнуть в Хелльстад... Ладно, оставим труды Золотым Шмелям. Сейчас следует подумать о д р у г о м входе. Подводном.

Пещера глубока, более трехсот уардов. Если подумать

и прикинуть... Дно Итела — это, собственно говоря, потолок Токеранга, его, если можно так выразиться, небосклон. Вряд ли подводные лодки поднимают в Ителе со дна пещеры, громоздить подъемники в триста уардов высотой было бы чудовищно нерационально.

Гораздо проще другой вариант: устроить базу подлодок где-то «под потолком» пещеры, в одной из ее стен, чтобы оттуда лодки через какую-то систему шлюзов попадали в реку. Работка тоже, конечно, адова — но, поскольку подлодки давным-давно плавают по Ителу, она однажды была проделана... Должны быть шлюзы, скорее всего, хорошо замаскированные, как в Фиарнолле. Но поскольку это все же не магия, а техника...

Сварог жестом подозвал смирнеонько сидевшего на другом конце обширного дивана Мяуса.

— Я уже знаю, что у Золотых Щук есть и радары, и сонары, — сказал он. — А как насчет детекторов металла?

— Имеются, государь, — сказал Мяус. — Щуки в свое время предназначались в первую очередь для разведывательных, а уж потом боевых задач.

— Отлично, — сказал Сварог, достал из воздуха карту Хелльстада и разложил на диване меж собой и собеседником. — Выведите в Ител всю сотню Золотых Щук. Все внимание — вот этому участку, — он провел указательным пальцем по той части Итела, что протекала над Токерангом. — Пусть тщательнейшим образом исследуют и дно, и оба берега под водой. Должны существовать какие-то шлюзы, люки, через которые подлодки попадают наружу и возвращаются назад, и они наверняка из металла... Это логично?

— Это логично, — согласился Мяус. — Однако существуют еще и сверхпрочные синтетические материалы, государь. Крепче любого металла. Мне ничего неизвестно о наличии у противника таковых, но он может ими располагать...

С легкой руки Сварога он давненько уж употреблял в отношении токеретов именно что слово «противник».

— Действительно, — сказал Сварог. — Это тоже следует учитывать, черт их знает, тамошних умельцев... Золотые Шмели способны находить пустоты. А Щуки?

— Точно так же, государь.

— Отлично, — сказал Сварог. — Из чего бы у них ни были люки, в любом случае за ними — пустоты... Поэтому пусть с самого начала работают по двум направлениям: ищут и металл, и пустоты. Самым тщательнейшим образом исследовать каждый квадратный уард берегов и дна... А, вот что! До этого подлодки токеретов встречались под водой с нашими объектами?

— Нет, ваше величество. Появление подлодок впервые зафиксировано сто восемьдесят лет назад — а наши, как вы изволите выражаться, объекты не выходили в реку пятьсот лет.

— Отлично, — сказал Сварог. — Отсюда вытекает, что токереты наверняка вообще о них не знают... Так вот: если подлодки и наши Щуки встретятся, Щукам ни в коем случае не вступать в бой. Пусть всей стаей на полной скорости уходят в сторону Пограничья. Чтобы токереты не связали их с нами и не поняли, что это именно мы их ищем. Пусть думают, что это работают лары... Все. Вопросы есть?

— Никаких.

— Тогда за работу, — сказал Сварог.

...Вот и сидел он сейчас один-одинешенек в кабине виманы, стоявшей в горной долине на гланской территории, лигах в пяти от горротской границы. Места были глухие, безлюдные, едва перевалило за полночь, и над горами романтически сверкала россыпь звезд — только Сварогу на эти романтические пейзажи было наплевать. Нет, на свидание пришел, а собрался посреди ночи баловаться энтомологией. Прикладной энтомологией, если точно. Проще говоря, запустил в Горрот полсотни Золотых Шмелей, разбитых на три вереницы, тремя разными маршрутами. Одна ушла влево, на Бористайскую равнину, чтобы осмотреть сверху несколько деревенек и довольно крупный город, центр пограничной провин-

ции — не с какой-то конкретной целью, просто чтобы выяснить, удастся ли сделать это незамеченными и безнаказанно. Вторая шла над Ителом, над самой водой, третья, держась низко, огибая самые высокие горные вершины, двигалась прямехонько над горным хребтом Каррер — опять-таки чтобы выяснить, можно ли и м проникнуть в Горрот и уйти целехонькими. Сварог в данном случае рассуждал со здоровым цинизмом полководца: Золотых Шмелей при необходимости можно клепать сотнями, потеряв этих нисколечко его не ослабит, да и на него в случае чего вряд ли подумают: до самых последних дней ни одна живая душа на Таларе, в том числе и он сам, представления не имела о существовании Шмелей. Подумают, если что, в первую очередь на ларов, пустивших в ход что-то новенькое... Ну, если вернутся целыми и невредимыми — совсем хорошо...

Впрочем, до сих пор, хотя Шмели углубились на добрую сотню лиг в глубь горротской территории, тревожных звоночек не прозвучало: на трех экранах, висевших перед ним прямо в воздухе, исправно отображалось то, что попадало в объективы Шмелей-флагманов. Никакого внешнего энергетического воздействия Шмели не испытывали — проще говоря, никто не щупал их радарами или схожими приспособлениями. Вот это, правда, ни о чем еще не говорило: у горротских умельцев могли отыскаться технические сюрпризы, на которые детекторы Шмелей попросту не рассчитаны. Как, например, вся наблюдательная сеть ларов не могла отследить «черные камни». Но как бы то ни было, пока что все шло благополучно. На правом экране — голые скалы, расселины, пики и крутые каменные откосы, на центральном — безмятежная гладь Итела с редкими рыбаками суденышками и речными пароходами, на левом — провинциальный центр (Шмели кружили над ним на высоте уардов двухсот — кто бы их рассмотрел невооруженным глазом в такую темень?) Все нормально пока.

Ничего нельзя, конечно, утверждать точно, но Сварог крепко сомневался, что в Горроте устроили что-то вроде

системы радарного наблюдения за воздушным пространством королевства. Зачем, если вдуматься? Те, в Горроте, и так знают, что любые летающие машины ларов камнем рушатся, едва оказавшись над страной. Чего же им в таком случае бояться? Снольдерских самолетов? Ну да, во время последней военной кампании, столь бесславно завершившейся для Сварога, его самолеты (о бывшие самолеты земного производства) летали над горротской территорией, и с ними ничего не случилось, кстати. Но вряд ли в Акобаре видят серьезную угрозу в них. Их и сотни не наберется...

К тому же горротских умельцев мало, чертовски мало. Правда, не четверо, как поначалу считали, а шестеро. Уже в самом конце Литта опознала еще двоих старых знакомых — чьи фамилии начинались с двух последних букв алфавита. Маркиз и граф, опять-таки питомцы Магистериума, не достигшие и трехсот, оба, как тут же уточнил Элкон, считались весьма способными энергетиками. Как и следовало ожидать, один числился в империи мертвым, другой — без вести пропавшим. Маркиз опять-таки стал жертвой какого-то крайне рискованного эксперимента, затеянного им на свой страх и риск: его лаборатория, расположавшаяся в отдельном маноре, вдруг полыхнула так, что ни от экспериментатора, ни от его аппаратуры практически ничего и не осталось, да и здание разнесло едва ли не в щебенку. Комиссия Магистериума (и втайне работавшие параллельно с ней спецы из Техниона) пришли к выводу, что столкнулись с классическим несчастным случаем. Маркиз, очередная жертва науки, был официально признан мертвым. С графом обстояло чуточку иначе. Он взял да и пропал без вести где-то в Ронеро. Тут уж расследование вел восьмой департамент, но ничего не добился. Кружили слухи, что граф по примеру многих небожителей крутил роман с некоей придворной красоткой и (не первым уже) стал жертвой ревнивого обожателя красавицы, имевшего скверную привычку подсыпать к соперникам наемных убийц. Ни источника слухов, ни конкретных имен установить так и не удалось — зато было известно,

что похожие случаи не редкость. Так до сих пор и числился пропавшим без вести. Между прочим, и «гибель» маркиза, и «пропажа без вести» графа произошли опять-таки буквально за пару месяцев до гибели. Ледяного Доктора.

Поскольку вся процедура отняла не более суток с небольшим, а результаты дала отличные, Сварог велел Элкону проделать то же самое со снимками сильванских ларов соответствующего возраста: ученые обеих планет вовсе не держатся отчужденно друг от друга, наоборот, дружат и сотрудничают самым тесным образом. Вполне может оказаться, Брашеро имел сообщников и на Сильване.

Ну, а пока что... На сегодняшний день картина выглядит так: в Горроте давно и старательно работают один из лучших А-физиков и один из лучших электронщиков Империи, два крупных специалиста по антравитации и парочке сопутствующих дисциплин, два серьезных энергетика. Вообще-то там с ними крутится еще и Орк, но уж он-то ни в какой серьезной работе участия принимать не может — всем прекрасно известно, что какими бы то ни было научными знаниями герцог не обременен, положенный трехлетний курс обучения прошел только потому, что это категорически обязывает всех без исключения, а вот в Лицей, как ~~очень~~ и очень многие, идти отказался, хотя наставники вроде бы и обнаружили у него способности к океанографии. Да уж. Орк и океанография — это как-то решительно не вяжется. Как не вяжутся Орк и любая другая наука. Вероятнее всего, он им нужен просто-напросто как авантюрист высшей марки, «лаборант по грязным делам», ха... Такие в подобном предприятии необходимы не менее, чем ученые мужи...

Какими же делами может заниматься компания с таким подбором участников? Одно можно уже, пожалуй, считать доказанным: они создали некую защитную систему, выводящую из строя на территории Горрота любую технику ларов, — пресловутую сеть «дорожных столбов». Но это, конечно же, не самоцель, они попросту обеспечили себе защиту от посторонних ушей и глаз, чтобы

заниматься без помех... чем? Быть может, и в самом деле, договорившись с токеретами о взаимных услугах, создают энергонакопители? А в Токеранге именно то предприятие именуется «Проект «Нормальный размер»?

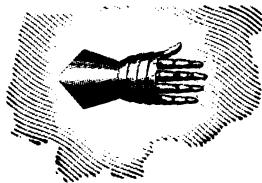
Если так, то главный вопрос: на какой они стадии? Пока Сварог добирался сюда из Хелльстада, успел изучить подготовленные Элконом документы из архива Музея техники. Понял не все, но главное усвоил. Чаша энергоприемника — немаленьких размеров и монтируется из множества фрагментов. А они, в свою очередь, изготовлены из сплавов, которые на Земле никто пока что не в состоянии производить. (Энергоприемник — сооружение, объемом примерно равное пяти-шести железнодорожным цистернам (каковы они в мире, покинутом Сварогом). Опять-таки — сложные сплавы, особым образом изготовленные хрустальные и эбонитовые диски в немалом количестве, электронная аппаратура, кабели, наконец... Откуда к у ч к а людей, пусть поголовно талантливых ученых, все это возьмет? Создать все в Горроте при помощи технологий ларов невозможно — потому что никакие технологии ларов там не работают. Некие сообщники за облаками, потихонечку штампующие у себя в манорах фрагменты и детали и переправляющие их в Горрот? Возможно, не столь уж бредовая гипотеза. Это «хваталки» строжайше запрещены законом, а в данном случае речь идет об экспонатах из Музея техники. Никто и не тревожится, узнав, что некий благородный лар решил построить у себя в маноре точную копию древнего энергоприемника. Как никто не тревожится, зная, что барон Киларни собрал у себя в маноре огромную коллекцию земных паровых машин (все экземпляры — действующие). Мало ли чудаков с самыми экзотическими хобби? А детали энергоприемника тем временем потихонечку переправляются в Горрот...

Нужно, пожалуй что, дать приказ соответствующему отделу восьмого департамента проверить всех подобных чудаков. Посоветоваться на сей счет с Канцлером. Принять еще кое-какие меры...

Погасив окурок, Сварог надел лежавшую на соседнем кресле королевскую тиару и дал Золотым Шмелям приказ возвращаться. Не стоило в первую же попытку наглеть и лезть на рожон. Проникли в глубь Горрота на сотню лиг — и достаточно. Теперь посмотрим, как они будут возвращаться...

Они вернулись все до единого — целыми, невредимыми, незамеченными. Что вселяло некоторый оптимизм и позволяло строить планы на будущее...

Глава II

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Заложив руки за спину, Сварог стоял у высокого окна, в кабинете на последнем рабочем этаже Велордерана и смотрел вниз то ли с некоторой завистью, то ли с легким раздражением. Пожалуй, оба чувства присутствовали.

Там, внизу, раскинулся роскошный парк, приведенный в идеальнейшее состояние. Чащобы прорежены, проложены аллеи, в иных местах кустарник лишь прорежен, зато в других аккуратно подстрижен в виде геометрических фигур и зверей, дорожки из разноцветных камешков чуть ли не сияют, идиллически журчат ручейки, разбрасывают радужное сияние невысокие водопады, бьют фонтаны, украшенные начищенными бронзовыми статуями, а то и целыми скульптурными композициями, новехонькими выглядят горбатые мостики, пестреют клумбы, аккуратно подстриженные обширные лужайки кажутся с высоты бархатными полотнищами...

На одной из таких лужаек продолжались безмятежные забавы: Яна, в черных штанах и белой рубашке с кружевным жабо, азартно играла в догоняшки с палевым щенком размером с крупную овчарку — тем самым сиротой, которого Сварог без всякого сопротивления забрал у гармов. Совсем малыш, но кое-какие способности уже

в к л ю ч и л и с ь, как тогда у Акбара на «Божьем любимчике», — и потому вместо щенка, уже настигнутого Яной, почти ухитрившейся ухватить за шиворот, вдруг возникла туманная полоса, вмиг ускользавшая из рук императрицы и вновь становившаяся палевым щенком в десятке ударов от нее. Акбар лежал тут же, положив голову на лапы, снисходительно наблюдая за этой возней. Временами, для разнообразия, щенок подскакивал к нему, пытался хватить то за бок, то за ухо — но буквально отлетал после короткого гулкого рявканья (у гармов, как и у собак покинутого Сварогом мира, считалось в порядке вещей в воспитательных целях гаркнуть как следует на расшалившегося сопляка). Всем было весело и беззаботно, не то что Сварогу, которому предстояло несколько часов работы: далеко не все бумаги в пролистанном им «досье Асверуса» были исполнены безукоризненным почерком канцеляристов, иные словно курица лапой нацарапала — а изучить следовало все...

Он присмотрелся. Охрана, разумеется, бдила. На фоне зелени прекрасно можно было различить полдюжины гармов, сидевших так, что они образовали упиравшийся в стены замка полукруг с радиусом уардов в сотню. Ни Золотых Филинов, ни Дракона Сварог из своего окна не видел — кружили вышеоко. Вполне возможно, он перегнул палку с безопасностью, поскольку и так постоянно включены системы, накрывавшие не только дворец, но и парк пятью колпаками защитных полей — с пятью разными функциями. Однако и себе слово дал, и Канцлеру пообещал: за пределами обоих замков Яна без охраны ни за что не покажется. Он не боялся чего-то конкретного — просто хотел довести безопасность до предела, пусть даже до абсурда. Однажды в свое время не уберег...

Сама Яна поначалу откровенно высмеивала вслух доказанные до абсурда меры безопасности. Сварог, чтобы не вступать в пустые дискуссии, попросту дал ей послушать запись разговора с Литтой — после чего Яна чуточку посерезнела и перестала критиковать его заботу о ней, по крайней мере, вслух.

Ага, вот... Справа, над кудрявыми кронами деревьев, прошел Золотой Филин — неспешным, спокойным полетом. Поднялся выше, исчез с глаз. Сварог в который уж раз подумал о вторжении в горротский королевский дворец с помощью «ограниченного контингента» своих золотых птичек. Никакой армады вторжения. Дворец вплотную примыкает к реке, от гранитной набережной отделен лишь широкой лестницей ступенек в пятьдесят. Предположим, что у набережной вдруг всплывает «Рагнарок», из распахнутого грузового люка (есть такой позади рубки, примерно пять на шесть уардов) взлетают всего-то десятка три Золотых Филинов и обрушаиваются на дворец, уничтожая расчеты нацеленных на реку двух десятков пушек и полуудюжину ракетных установок, нанося лучевые удары по «запретной» части дворца. Тем временем по той самой лестнице парадный вход во дворец атакуют полсотни морских пехотинцев. Примерно столько людей и Филинов грузовой трюм в состоянии вместить, а то и побольше поместится. Ну, а «Рагнарок» при необходимости поддерживает огнем воздушные и наземные силы. Тем временем по центральной,нейтральной, никому не принадлежащей части Итела подходят пароходы с десантом...

И в который уж раз сам себе привел все прежние возражения. Без авиационного прикрытия, то бишь Филинов, слишком рискованно затевать такое предприятие, даже имея «Рагнарок». Они просто необходимы на тот случай, если во дворце отыщется, кроме банальных пушек и ракет с «городельским огнем», еще что-то, сделанное уже у м е л ь ц а м и, и, вполне возможно, способное причинить существенный ущерб даже «Рагнароку». «Рагнарок», в конце концов, всего лишь обычная субмарина, не располагающая ни защитными полями, ни прочими роскошествами. Обычная субмарина, пусть даже снабженная серьезным оружием и построенная из сверхпрочных сплавов. Мало ли что может отыскаться в заначке у противника. «Штурмовая авиация» просто необходима — но светить ее нельзя. Конечно, Канцлер не подозревает об и с т и н ы х раз-

мерах Сварогова золотого воинства, можно бы с наивным лицом и сорвать: мол, в Хельстаде всего-то три десятка этих симпатичных птичек, ранее служивших личной охраной покойному королю. А больше нету и взять неоткуда. Но с Канцлером, человеком умнейшим и хитрейшим, в такие игры играть опасно... Невозможно просчитать его реакцию и последствия. Так что оставляем этот вариант на самый, самый, самый крайний случай. Когда окажется, что если его не применить, — все рухнет.

Есть и другой вариант, правда, чисто теоретический. Перед нами — не обычное государство, где в случае гибели или плена какого-нибудь важного генерала управление тут же подхватят дюжины две других. Горротских кукловодов слишком мало, по пальцам можно пересчитать — а значит, решения принимают и приказы отдают буквально двое-трое субъектов — в первую очередь Брашеро, конечно, и парочка его особо доверенных лиц. Вот если бы удалось каким-то лихим налетом повязать эту пару-тройку ключевых фигур, что, несомненно, парализовало бы всякое сопротивление... Вот только как это устроить? Сварог решительно не представлял. Даже бледного подобия толкового плана в голову не приходило...

Сердито фыркнув, он отвернулся от беззаботной идиллии за окном, отошел на пару шагов. Одно движение пальца — и окно плотно закрыли тяжелые вишневые портьеры. Второе — и кабинет окутан «пологом тишины», обеспечив полную звукоизоляцию от окружающего мира. Третье — и в наступившем полумраке над столом вспыхнула люстра.

Сварог сел за стол, где стоял лишь небольшой компьютер и лежала пухлая стопа пожелтевших от времени листов — «досье Асверуса», как это в обиходе именовалось. Хотя, ради исторической точности, так следовало бы называть вторую половину бумаг — начинали дело совсем другие люди (правда, так и оставшиеся безымянными).

Зато (хотя с историческими событиями сплошь и рядом случается совсем наоборот) достовернейшее известно

имя обитателя Талара, первым в истории не просто увидевшего подлодку токеретов, но ухитрившегося остаться в живых и обо всем рассказать. Вот оно, в первой же бумаге — Миррап Корб, подшкипер правого борта рыболовного гукара «Ласточки», вышедшего на промысел в составе «плавучей мастерской», принадлежавшей некоей фирме под названием «Артилас Снорр и сыновья»... стоп, стоп! А собственно, что это за такая «плавучая мастерская»? Никогда раньше такого термина не слышал — а впрочем, как-то не особенно интересовался рыболовством, для этого есть соответствующие департаменты...

Пришлось отложить пока что бумаги и взяться за компьютер. Особых трудов не потребовалось, хватило минут десяти, чтобы разобраться с системой таларских рыболовных судов, общей для всех держав континента.

В расчет не берется «мелочь пузатая», то есть всевозможные шаланды, баркасы и прочие корытца, кустари-единоличники, никогда почти не отходящие от берега дальше, чем на четыре-пять морских лиг. Рыболовный флот открытого моря делится на три категории.

В официальных бумагах употребляются казенные термины, но в обиходе, как частенько случается, приживаются свои словечки. «Сотняги» — те, кто уходит от берега на сотню морли с лишком. «Пятисотки», соответственно, морли на пятьсот. Третья, элитная категория — это целые флотилии океанского плавания, принадлежащие богатым промышленникам. А «плавучими мастерскими» они именуются оттого, что пойманную рыбу обрабатывают прямо в море: примерно половина кораблей забрасывает неводы, на остальных устроены засолочные, коптильни, приспособления для вяления. Как правило, именно такие флотилии ловят рыбу самых дорогих, деликатесных пород — а ее косяки обычно держатся далеко в открытом море.

Одна такая флотилия и вернулась неожиданно в Ронеро, не заполнив и половины трюмов. Ее капитан-управляющий и упомянутый подшкипер, что характерно, даже не к хозяину отправились первым делом доклады-

вать, а из порта поехали в Морское бюро (прямо об этом не говорилось, но у Сварога осталось впечатление, что означененный подшкипер в Бюро как раз и подрабатывал).

В самых расстроенных чувствах он стал излагать такое, отчего допрашивавший его дежурный чиновник недоверчиво задумался. По словам Корба, «Ласточка» стала вытягивать невод, судя по весу, с неплохой добычей. За чем он и присматривал, надзирая в силу судовой роли именно за правым бортом.

Вот только добыча оказалась, мягко скажем, странная... Среди месива серебристых, бившихся мерлангов поблескивало металлом нечто странное: заостренная с двух сторон труба длиной уардов в десять, с какой-то странной «башенкой» наверху, дергавшаяся, как живая. Один ее конец запутался в сети, и вся она как-то странно гудела, рычала, взревывала, но не как животное, а словно бы «по-пароходному» (к тому времени уже лет двадцать как появились первые пароходы, и было с чем сравнивать). Никто прежде такой штуки не видывал, но на животное оно ничуть не походило. Подшкипер Корб, как ему и надлежало по должности, велел не толпиться у борта всем скопом, не таращить зря глаза, а вернуться к лебедкам и вытаскивать невод на палубу — ну, а там разберемся. Сам он побежал доложить капитану — что его и спасло.

Он был в паре шагов от капитанского мостика, когда сзади громыхнуло так, «как он в жизни» не слышал. Подшкипера подняло в воздух, по высокой дуге вышвырнуло за борт, он, не потерявши сознания, кое-как выплыл на поверхность, где и уцепился за какой-то брус — третий раз попадал в кораблекрушения, навык имелся.

Когда стал оглядываться, ошарашенный, «Ласточки» на воде не было, вместо нее плавала куча обломков — за некоторые цеплялись те, кому точно так же повезло, ну, конечно, крики стояли, вопли...

А потом настала жуткая тишина и сразу вскоре — размеженное стрекотание, словно заработала исполинская швейная машинка. Выглянув из-за своего бруса, Корб увидел врезавшееся в память на всю жизнь: по широкой

дуге, обходя обломки, двигалась то ли другая, то ли та же самая штука — и перед башенкой у нее ожесточенно плевался огнем двойной стволик, и это, безусловно было какое-то оружие: подшкипер хорошо видел, как рыбаки, цеплявшиеся за обломки, вдруг, брызжа кровью, разжимали руки и камнем уходили ко дну. Сообразив, что движется эта непонятная смерть в его сторону, подшкипер нырнул как мог глубже, видел, как над ним прошла узкая длинная тень, оставлявшая за кормой пенистый след, — и, когда дышать стало абсолютно нечем, вынужден был выгрести на поверхность, а там уже стояла полная тишина, ни единой живой души — и непонятный предмет исчез без следа...

Прочитав все это, Сварог не сомневался, что подлодок было две. Первая, если ей качественно опутало винт сетями, ни за что бы не смогла высвободиться. Дело не в размерах. Даже на покинутой им Земле самые современные субмарины, случалось, угодив винтами в рыбачьи сети, становились беспомощными. Конечно, подлодок было две — и одна явно подорвала себя по милой привычке токеретов, а вторая постаралась, чтобы не осталось свидетелей. Если у них там стояла спаренная автоматическая пушка — для людей нормального размера ее снарядики были чем-то вроде разрывной пули...

Капитан-управляющий мог добавить немного: на одном из кораблей-коптилен, находившихся поблизости, услышали отдаленный взрыв, увидели взметнувшийся над морем столб воды — и, зная, что где-то там дрейфует «Ласточка», пошли в ту сторону. Вместо «Ласточки» они увидели плавающие по воде обломки, клочья сетей и цеплявшегося за какую-то деревяшку подшкипера Корба. Когда его подняли на палубу, вел он себя, как безумец, — хватал за одежду всех, кто оказался рядом, кричал, что нужно немедленно уплывать, иначе всех достанут подводные железные чудовища. (Сам Корб, как из его показаний следовало, решительно ничего такого не помнил и уверял, что внятно и членораздельно предупреждал об опасности).

Капитан оказался в сложном положении. С одной стороны, не стоило возвращаться в порт с наполовину наполненными трюмами.

С другой... Крайне убедительно выглядели даже не бредовые вопли подшкипера, а плававшие вокруг обломки «Ласточки». И могучий взрыв, что ни говори, действительно был. Меж тем на «Ласточке» не было ничего, способного так взорваться, превратив корабль буквально в груду щепы... К тому же морской волк не раз слышал о случаях, когда в океане в невод попадали самые загадочные предметы — иногда безопасные, а иногда — не к ночи будь помянуты. На эту тему давненько сложился обширный свод морского фольклора, где правда, как водится, самым причудливым образом перемешана с легендами. К тому же экипаж, посмурневши, стал едва ли не в полный голос поговаривать, что лучше бы унести ноги, пока не случилось чего-нибудь похуже. Естественно, вспомнили и вовсе уж ни к селу ни к городу — Серую Погибель, которая, всем известно, появляется только на рассвете...

Предпочтя не доводить дело до бунта, капитан приказал ставить паруса и передать остальным кораблям, что флотилия возвращается в Джетарам. Ну, а с дергавшимся подшкипером поступили испытанным способом — залили в глотку бутылку рому, да и потом, на протяжении почти всего обратного пути, держали в состоянии полного алкогольного опьянения — это проще, чем привязывать к койке и отряжать кого-нибудь в качестве сиделки.

Как явствовало из штампов и резолюций, в Морском бюро отнеслись к показаниям подшкипера крайне прохладно. То ли на дежурстве торчал особо закоренелый бюрократ, то ли сработала инерция человеческого мышления: коли уж никто прежде ни о чем подобном прежде не слышал... К тому же подшкипер допустил большую ошибку: вместо того чтобы держаться спокойно и говорить убедительно, он начал биться едва ли не в истерическом приступе, крича, что говорит чистейшую правду и требует, чтобы его слова довели чуть ли не до самой королевы...

В результате чего на бумагах с его показаниями очень быстро оттиснулся штамп «оставить без последствий» — правда, поскольку в этой конторе ни одна казенная бумажка, раз начатая, уже не пропадала, ее отправили в архив «третьего разряда хранения» (где через пять лет должны были списать и спалить в печи). На том дело вроде бы и кончилось.

Вот только месяцев через пять в Джетарам пришел корвет «Альбатрос» — и его капитан, не мешкая, немедленно кинулся в Морское бюро. Куда, впрочем, и так должен был в первую очередь явиться с докладом. Открытым текстом об этом не говорилось, но, судя по некоторым данным, корвет выполнял какое-то хитрое задание в рамках военно-морской тайной войны: не зря же, как выяснилось с первой же страницы, корвет был выкрашен в темный цвет, шел под черными парусами и темной ночью оказался на якоре у одного из «бесхозных» островов Девайкир, незаметный с моря на фоне леса. Давно известно, что возле островов Девайкир крутится масса интересных дел...

Капитан бодрствовал среди ночи (еще одно косвенное свидетельство, что речь там шла о чем-то интересном). И потому он сначала собственными глазами, а потом в подзорную трубу разглядел примерно в четверти морской лиги от берега три странных суденышка, идущих кильватерным строем. Больше всего они походили на погруженные наполовину толстые трубы длиной уардов в десять, и над каждой торчало что-то вроде башенки, и за кормой у каждой клокотала взбаламученная вода — хотя там не удалось высмотреть ничего, похожего на пароходное колесо. Более того, у башенок стояли люди и было установлено нечто вроде пушек — но люди-то, учитывая масштаб, были не выше мизинца, да и пушки крохотные. Капитан несколько минут наблюдал, как эти странные кораблики шли параллельно берегу, потом флагман погрузился и пропал с глаз, а два других двигались тем же маршрутом, пока не исчезли за мысом...

В завершение капитан уточнил, что его слова могут подтвердить наблюдавшие ту же самую картину шесть

человек ночной вахты, один из них офицер, а также «известная Морскому бюро фигура — по возвращении с места пребывания». Шпиона высаживали, точно...

Вот к этому рапорту отнеслись гораздо серьезнее — еще и оттого, что помянутые шестеро, допрошенные познъ, дали в точности такие же показания. Да и капитан, такое впечатление, был на хорошем счету и в сочинении морских побасенок не замечен...

Машина закрутилась. Кто-то — то ли жаждавший выслужиться молодой карьерист, то ли старый бюрократ с отличной памятью — вспомнил о подшкiperе Корбе и его показаниях. Показания срочно извлекли из архива, а самого подшкипера не без долгих трудов отыскали в Джетараме, где он, списанный после той истории на берег, служил ночным сторожем на одном из складов той же фирмы. Описания, в принципе, совпадали. Всех восьмерых заставили изобразить на бумаге, как уж вспомнят и как получится, описания этих штук. Рисунки опять-таки выглядели крайне похожими.

Вот тогда уж в Морском бюро призадумались не на шутку. На завтра же в Адмиралтейство ушел пространный отчет, в котором кто-то неглупый, помимо прочего, написал: «Судя по показаниям свидетелей, означенные предметы явно несут на борту какое-то оружие и потому могут представлять безусловную опасность для военного и торгового флота». Было это сто двадцать восемь лет назад, так что ронерским морякам выпала честь стать первооткрывателями токеретов (Снольдер подключился к этому лишь два года спустя, похоже, получив кое-какие сведения через свою агентуру).

Из Адмиралтейства прибыл проверяющий в немаленьком, пусть и не адмиральском чине. И написал в отчете, что свидетели ему представляются надежными, а ситуация — крайне серьезной. Именно на его бумаге была наискось, размашистым, небрежнейшим почерком изображена резолюция: «Согласен. Начать расследование, по возможности, взять пленных». Подпись оказалась совершенно неразборчивой, но давно известно — чем выше

начальство, тем сквернее у него почерк, к тому же резолюция была наложена зелеными чернилами, какими в Адмиралтействе пользуются только адмиралы.

И дело закрутилось... Нельзя сказать, чтобы оно было особенно успешными достижениями. Некий гран-коммодор из Морского бюро, которому поручили заниматься подлодками (впрочем, повсюду употреблялся термин «загадочные подводные суда»), когда из Адмиралтейства у него потребовали план действий, честно признался, что не в состоянии пока что составить толкового. Потому что решительно не представляет, где искать эти подводные суденышки, как и какими средствами. Письменную выволочку он получил, но не особенно сильную, надо полагать, работник был дальний, да и в Адмиралтействе сидели не идиоты. Сварог на их месте, пожалуй, тоже не метал бы громы и молнии.

После некоторого замешательства некоторые наметки все же были составлены. Работать стали так, как любая спецслужба на их месте. Для начала обшарили все архивы, где могло оказаться что-то полезное. Такового не обрели. Выяснилось даже, что подобных крохотулек на подводных судах не существует даже в морском фольклоре. После чего был составлен особо секретный циркуляр, предназначавшийся исключительно для командиров военно-морских кораблей: внешний вид такой-то... при обнаружении вести наблюдение... если благоприятствует ситуация, взять в плен, а то и захватить подлодку... одновременно куча агентов низшего разряда, из тех, кто отирается по портовым кабакам, получила задание: помимо прочего, прислушиваться, не прозвучат ли такие-то и такие-то разговоры... Ну, и, как водится, через агентуру в соседних государствах выяснить, не известно что-либо там. Пожалуй, это все, что можно предпринять в такой ситуации. О Токеранге, естественно, никто не подозревал, токеретов считали обитателями океана, вроде русалок — только до сих пор не попадавшимися на глаза...

У Сварога появилась версия, которую он пока что не мог проверить. Подлодки, старательно зарисованные оче-

видцами сто двадцать восемь лет назад, и те, что он видел сам, изрядно отличались внешним видом. Нынешние выглядели как-то современнее, что ли. Вполне возможно, что те, старые, были еще не атомными, а дизельными. Вполне возможно, что сто двадцать лет назад токереты только начали морские плавания. Почему бы и нет?

На протяжении следующих двух лет ни малейших успехов добиться не удалось. Агентура из портовых кабаков ничего толкового в клювике не притаскивала, сведений от капитанов не поступало.

В конце концов, кто-то — видимо, от бессилия — обратился к стагарским колдунам, но хотя и получили приличное вознаграждение, ясности не внесли: трое подряд твердили, что о таком морском волшебстве отроду не слышали и не знают, чтобы кто-нибудь слышал. Так что это, очень может быть, и не волшебство вовсе. И вообще, если бы им предъявили кусочек такого суденышка, а то и самого «крохотульку», можно было бы сказать хоть что-то определенное, а так...

Правда, один-единственный случай за эти два года можно было отнести, уж, безусловно, не к успехам, но к точной информации. Бригантина «Косатка», входившая в состав ронерского военно-морского флота (и, очень похоже, выполнявшая у островов Девайкир какую-то хитрую миссию наподобие той, с которой ходил «Альбатрос»), вдруг посреди ночи вышла на связь посредством таша (они как раз начинали входить в обиход), и капитан сообщил, что преследует в бухте именно такое подводное суденышко, чье изображение имеется в секретном циркуляре, переданном ему, как и прочим капитанам, два года назад. Еще через пару минут капитан доложил, что обстреливает неприятеля из обоих носовых орудий.

Потом замолчал навсегда. Когда вышли все сроки возвращения «Косатки», Морское бюро отправило в ту бухту замаскированный под жемчуголов корабль. И в первый же день ныряльщики обнаружили у самого берега, на глубине уардов пятнадцати, лежащую на дне «Косатку» с огромной пробоиной в левом борту. Судя по отчету ко-

мандира, оказавшегося цепким и въедливым, часть обнаруженных там же, на дне, скелетов выглядела так, словно их расстреляли чем-то вроде разрывных пуль...

В общем, дело застопорилось. И очередная бумага из заметно похудевшей, даже более чем наполовину стопы, была краткой и недвусмысленной: передать дело из Морского бюро во второй стол дворцовой стражи — хотя самому Бюро по-прежнему держать это дело на заметке. Собственноручная подпись королевы Дайни Барг и ее малая печать. И еще одна бумага за ее же подписью: поручить дело капитану Асверусу...

Почему получилось именно так, не было нужды ломать голову. Сварог тут же наткнулся на подробный рапорт Асверуса — судя по канцелярским штампам, грифу и пометкам, извлеченный из совсем другого дела, относившегося как раз к разведке дворцовой стражи. Начиналось все с доноса, отправленного Асверусу неким «Звездочетом» — судя по орфографии и стилю, человеком с образованием (ну, и такие среди стукачей не редкость). Означенный Звездочет подробно описывал, как некий граф Дольфи, знаменитый в столице мот и повеса, в последнее время в узком кругу постоянных собутыльников стал похваляться, что открыл-де новый вид убийства (а то и цареубийства), от которого любого, даже монаршую особу, не способна спасти никакая охрана. Уж кого-кого, а дворцовую стражу такие штукари интересовали в первую очередь... (К тому же этот Звездочет, судя по некоторым деталям, не лакеем при графе служил, а именно что был своим в том самом узком кругу постоянных собутыльников — следовательно, дворянин, не иначе).

Асверус отреагировал немедленно. Судя по дате, он завтра же вызвал агента на явочную квартиру, и тот накатал пространный доклад о крайне интересных событиях, чуть ли не каждый вечер происходивших в особняке графа за крепко запертыми дверями. Для того самого узкого круга — с которого предварительно была взята клятва хранить тайну, иначе проговорившийся умрет самым загадочным образом и никто никогда не докопается до истины.

Сварт не сразу догадался, что напоминает ему эта история. Потом сообразил: рассказ отца Алкеса о событиях в Равене восемнадцатилетней давности. Почти то же самое, разве что с некоторыми вариациями. Оказывается, виконт Башар не первым это придумал...

По обстоятельному рассказу Звездочета, граф развлекал своих близких друзей крохотными и человечками.

У него была особая комната, где крохотулек в клеточках содержалось десятка три, мужчины и женщины. Все там было продумано до мелочей: арены для гладиаторских боев, театральные сцены, освещение, пластины увеличительных стекол. Все это умещалось на нескользких столах, так что можно было переходить от зрелища к зрелищу. Все почти как у Башара: воины, когда в доспехах, когда без, дрались самым настоящим боевым оружием — и невезучие гибли, женщины исполняли танцы с раздеванием, а иногда крохотулек обоего пола, роскошно одетых, усаживали за пиршественный стол, заканчивавшийся, к потехе зрителей, преизрядной оргией. Иногда крохи, одетые егерями, охотились на мышей и прочих мелких зверюшек (в отличие от своего последователя, граф их все же крысами и змеями не травил).

Звездочет первым делом попытался выкупить у приятеля парочку крохотулек, справедливо полагая, что в этой просьбе не будет усмотрено ничего подозрительного — кому же не захочется такую игрушку? Однако граф (разговор проходил один на один), посерезнев, ответил, что это решительно невозможно. Крохи эти ему подарены со строгим наказом никому не передаривать. Их, собственно, и показывать-то не следовало, но граф не смог удержаться, чтобы не продемонстрировать такую диковину ближайшим друзьям. Так что виконту (ага, Звездочет все-таки был дворянином) лучше не требовать невозможного и никому постороннему не рассказывать, иначе чревато самыми скверными последствиями...

«Он крепко сжал мою руку, — писал Звездочет, — и, ухмыляясь, сказал:

— Представь, что такая кроха проберется к тебе, дружище, в дом с достаточно длинным мечом... Кто его заметит и кто потом найдет?

— Тыфу ты, — сказал я. — это и есть твой совершенный способ цареубийства?

— Но ведь согласись, самый совершенный способ? — засмеялся он. — От таких и в королевском дворце никакая стража не спасет. Ты не подумай, я ничего такого не замышляю, я просто рассуждаю отвлеченно...

— А это, часом, не нечистая сила? — спросил я осторожно.

— Вздор! — захохотал граф. — Самые обычные люди, только маленькие.

— И где таких ловят? — спросил я. — Ты не представляешь, как мне хочется завести такой театртик! Дольфи, мы с тобой сто лет знакомы, старые друзья... Где-то же их таких ловят? Что угодно отдал бы...

Он словно бы задумался и даже чуточку прозрел.

— Что угодно, говоришь... — сказал он задумчиво. — Ну, душу они у тебя просить не будут, они не по той части... Говорю тебе, тут нечистой силой и не пахнет... А вот услугуказать можешь. Есть, знаешь ли, один горный король, о котором никто не слышал, потому что он не любит публичности... Нужны ему, понимаешь ли, разные мелкие услуги. А он в обмен, кроме золота, может тебе отдать пару дюжин таких вот... которые у него, как у нас простолюдины. Интересует?

— Еще бы, — сказал я. — Если без всякой нечистой силы.

— Говорю же, никакой нечистой силы... Вот, кстати... У тебя ведь загородный дворец стоит на самом берегу Итела?

— Из окна до воды доплюнуть можно, — сказал я. — Только пользы от него никакой: обветшал так, что дешевле снести и новый построить, но дядюшка за него держится и мне его отписал с условием до его смерти не перестраивать...

— Это хорошо... — сказал он как-то задумчиво. — Может, и удастся что-нибудь сделать для старого друга...

Тайны ты вроде бы хранить умеешь... — он подвел меня к окну, за которым катил воды вечерний Ител, — а уж сколько тайн хранит эта река, кто бы знал... Ну, хорошо. Приезжай завтра часикам к девяти, ко мне как раз должен заглянуть один человек, смотришь, и договоритесь. Но запомни накрепко: проболтаешься — смерть...

— А заговора здесь никакого нет? — спросил я на всякий случай.

— Виконт, виконт, ты всегда был, уж извини, трусоватым... Нет здесь никакого заговора. Одни только развлечения благородных дворян, как видишь...»

Сварог еще раз перечитал фразу: «Он подвел меня к окну, за которым катил воды вечерний Ител». Несомненно, дом графа стоял на берегу реки. И загородный дворец виконта-стукача тоже стоял на берегу реки, к тому же за городом — чем, надо полагать, и х и заинтересовал...

Отложив последний лист с подписью Звездочета, Сварог взял следующий — короткую записку Асверуса королеве, где тот писал: вполне вероятно, что неведомые крохотульки из дома графа имеют несомненную связь с хозяевами подземных суденышек. Неужели на Таларе много стран, населенных лилипутами? Притом, что никто о них никогда не слышал, даже в архивах ни малейших упоминаний, да же в сказках и крестьянских побасенках... Логичнее будет предположить, что мы имеем дело с одними и теми же. Кстати, они вряд ли — обитатели океана, поскольку дышат воздухом, как и мы.

Резолюции на записке не имелось никакой, как и канцелярских штампов — видимо, передана из рук в руки, и разговор по ней на бумаге не фиксировался. Сварог медлил переворачивать очередную страницу. Попытался сначала угадать, что они предприняли. Конечно, заманчиво было бы ввести того Звездочета в круг простирающихся... Слишком рискованно все же — по бумагам видно, не большой отваги субъект, мог что-нибудь напортить... С другой стороны... Что же это за человек, который придет завтра? Может быть, как раз... Вот тут бы его и захватить, расспросить вдумчиво... на худой конец остаются

эти, в клетках, хоть что-то да знают... У токеретов дурная привычка подрывать свои подлодки вместе с собой... но откуда это могли тогда знать Дайни и Асверус? И как сам Сварог поступил бы на их месте?

Ладно, к чему гадать, если все, что произошло, уже случилось сто двадцать шесть лет назад? Достаточно перевернуть лист...

Они решили брать особняк штурмом!!! Вот он, полный отчет — и Асверуса, и двух его помощников, и Звездочета. В назначенный час Звездочет как ни в чем не бывало (хотя наверняка поджилки тряслись) приехал к старому приятелю. И, войдя в его кабинет, увидел престранное зрелище: на столе стоял вовсе уж кукольный стульчик, на котором восседал крохотный человечек в мундире наподобие военного. Рядом с ним стояла черная коробочка повыше ростом его самого, чья передняя сторона закрыта серебристой сеткой (ну конечно, микрофон и усилитель, сообразил Сварог). Еще в коридоре граф предупредил, что разговаривать с гостем следует тихо, почти шепотом, никак не в полный голос. А перед тем, как войти, шепнул на ухо:

— Имей в виду: наш гость, хотя и крохотный, чином не менее адмирала, так что держись вежливо...

Так виконт и поступил: войдя в комнату, снял шляпу, раскланялся по всем правилам, на что крохотный адмирал лишь сухо кивнул головой, словно простолюдин приветствовал. В другое время виконт, быть может, и обиделся бы, но сейчас не до пустяковых обид: нервы напряжены, как струны: уж Звездочет-то прекрасно знал, что особняк окружен, что лакея в прихожей, несомненно, уже малость придушили и по лестницам наверх рвутся лучшие сыскари, умеющие передвигаться бесшумно, как тени... И беспокоился об одном: удастся ли ловко вынуть из кармана врученную Асверусом шелковую сеть с мелкими ячейками...

— Ну что же, рад приветствовать, — жестяным голосом заговорила черная коробочка (виконт подметил, что человечек держит у рта крохотную бусинку, а от нее тянется к

коробке нечто вроде черной бечевки). — Гостеприимный хозяин сообщил, что вы готовы участвовать в наших делах?

— О которых я, к сожалению, знаю слишком мало, — светским голосом ответил виконт.

— Тем лучше для вас, — сказал человечек. — Знать о наших делах м н о г о — не всегда полезно для здоровья и самой жизни...

— Я понимаю, — сказал виконт. — Коли уж мне предлагаю какую-то сделку, обычно принято раскрывать детали? Хотя бы в общих чертах?

Он боялся сейчас всего на свете: этих двух, Асверуса, несомненно занимавших дом сыщиков, вообще неизвестно чего, стоявшего за этими крохотульками. Но как порой случается с людьми подобного склада, трусость лишь прибавила наглости.

— Хотя бы в общих чертах? — повторил он.

— Что же, это логично, — кивнул человечек, сидевший в позе, определенно исполненной властного достоинства. — Однако наш друг должен был предупредить, что плата за разглашение тайны одна — смерть? От которой вас в случае измены никто и ничто не спасет?

— Я дворянин, сударь... — простите, не знаю вашего имени и звания, — сказал Звездочет, сам удивляясь собственному спокойствию. — И привык держать слово. В особенности, когда речь идет о выгодной сделке.

— Ну что же, — сказал человечек. — Коли уж вы должным образом предупреждены... У вас есть загородный особняк лигах в десяти от города. Я хотел бы его снять... нет, не весь. Мне было бы достаточно подвалов. Такой уж я странный постоялец. Вы согласны сдать мне ваши подвалы?

— Конечно, — сказал виконт. — Честно признаюсь, они мне самому не особенно и нужны, стоят пустыми который десяток лет, никто там и не бывает.

— Отлично, — сказал человечек. — Что же вы хотите получить взамен за... долгосрочную аренду?

И тут грохнула дверь, ворвались сыщики. Краем глаза Звездочет видел, как графа моментально сбили на пол, — но некогда было отвлекаться, он, выполняя свою задачу,

рванулся вперед, выхватывая из кармана сеть, разворачивая, в отчаянном броске пытаясь накрыть вскочившего человечка... И накрыл! Асверус раз двадцать заставил его отрабатывать этот прием, так что все прошло гладко: Звездочет прижимал к столу сеть четырьмя растопыренными пальцами, больше всего боясь нечаянно удавить бившееся под ней крохотное создание...

Потом рядом возник Асверус, проворно отодвинул в сторону, подхватил сеть и вместе с крохотным пленником, замотав его еще надежнее, опустил в раскрывавшуюся сверху мышиную клеточку — из дорогих, золоченых. Поднес ее к глазам, присмотрелся, спокойно бросил:

— А вот этого не нужно...

И, запустив туда два пальца, осторожно прижал руку крохотульки, в которой поблескивал какой-то крохотный предмет, как мог осторожнее выдернул его из лилипутских пальцев, и он почти беззвучно упал на пол.

— Отыщите его! — распорядился Асверус.

Кто-то с огромной лупой в руке — видимо, многое было заранее продумано — тут же принялся ползать на корточках у стола и вскоре с торжествующим видом показал что-то блестящее, осторожно держа его кончиками пальцев. Казалось, весь дом был набит сыщиками — никто уже не таился, повсюду топот, громкие голоса. Звездочет видел, как откуда-то из глубины дома вынесли две клетки с участниками «представлений» — они там все сбились в кучки в одном углу и чувствовали себя, должно быть, прескверно.

Граф, которого уже подняли с пола, но за локти держали крепко, вдруг отчаянно заорал:

— Он же здесь не один, идиоты! Сейчас все взлетит на воздух!

На том донесение Звездочета кончалось — по чисто техническим причинам. Как явствовало из подробного донесения Асверуса, Звездочет первым рванул к выходу, да так, что мог обогнать любого зайца, — и остановили его только сыщики, окружившие особняк плотным кольцом. Однако и сам Асверус, крайне серьезно отнесшийся к

воплям графа — порывавшегося к тому же вырваться от конвоиров и бежать прочь, приказал покинуть дом, благо нужная добыча имелась.

Все на воздух не взлетело — но, когда они были уже на первом этаже, в подвале что-то оглушительно грохнуло, потянуло дымом; затрецал огонь. Хорошо еще, пожарная команда, пусть и не приготовленная заранее, примчалась быстро.

(Забегая вперед: когда пожар потушили, подвал осмотрели очень тщательно, но не обнаружили ничего похожего на *качество оборудованную базу* наподобие тех, что Сварог своими глазами видел в Гиуне и Фиарнолле. Видимо, токереты и впрямь совсем недавно вышли в реки и моря, только-только начали осваиваться, искать помощников среди людей, укрытия в городах. Из подвала, частично расположенного ниже уровня воды в реке, был просто-напросто пробит туннель, достаточный для того, чтобы через него прошла подводная лодка. Там было устроено что-то вроде причала, а на нем явно стояли раньше крохотные домики — но разобраться в этом не было никакой возможности, все сожрал огонь).

Едва пожар потушили, Асверус распорядился обыскать особняк тщательнейшим образом с помощью терьеров-крысолотов. Всю добычу составили полдюжины крыс и труп крохотного человечка, лежавшего у входа в подвал с пистолетом у виска: ага, токереты уже тогда завели эти самурайские обычай — живьем в плен не сдаваться... Крепкая деревянная дверь, запиравшая вход в туннель из реки, так и осталась запертой изнутри — значит, лодки там не было, она должна была вернуться позже, оставив пока что двух резидентов.

Точно, у Асверуса многое было продумано наперед. Своих пленников он отвез в одну из башен Монфоконской тюрьмы, куда под дверь и мышь не пролезет, а узкие зарешеченные окошки расположены слишком высоко для нормального человека. И вызвал нескольких специалистов, которые неплохо умели обращаться с миниатюрными существами и предметами: энтомологов и ювелиров.

Первым делом принялись за человека в мундире, с помощью луп и тонких пинцетов помогли ему разоблачиться, обыскав на предмет оружия. Ничего не нашли — кроме пистолета (все же отысканного) там ничего и не нашлось. «Ну конечно, — подумал Сварог, — это они потом навострились использовать взрывчатку, не только строить впечатляющие эллинги, но и взрывать их в пыль...»

На всякий случай, чтобы окончательно убедиться, с кем имеет дело, Асверус раздобыл где-то и старую колдунию, похоже, и раньше оказывавшую ему какие-то услуги в обмен на защиту от Багряной Палаты. Бабка заверила, что нечистой силой тут и не пахнет: самые обыкновенные создания из плоти и крови, вот только, полное впечатление, человеческой души у них не имеется.

Поскольку ту черную коробочку (микрофон с усилиителем, конечно) тоже успели хозяйственно прихватить с собой, казалось сначала, что договориться будет просто. Ничего подобного. Клиент попался страшно неразговорчивый и хамоватый: если что и звучало из его крохотных уст, так то угрозы смертью «верзилам», не представляющим толком с кем связались, да словечки, которые могли быть исключительно ругательствами.

Тогда, как нетрудно догадаться, за него взялись в с е р ь е з. Прямо об этом опять-таки не писалось, но упоминалось, что после долгих запирательств были вызваны м а с т е р а... Сварог на месте Асверуса поступил бы так же, так что ужасаться нравам давно минувших дней не следовало. *А ля гер ком а ля гер.* В конце концов, не люди первыми начали...

Судя по скучным упоминаниям, хотя призванные и были мастерами своего дела, поначалу пребывали в замешательстве: трудно было с ходу сообразить, как р а б о т а т ь с этакой крохой. Однако понемногу дело пошло. Вот только закончилось все провалом: токерет ухитрился выдержать все м е р ы в о з д е й с т в и я, пока в конце концов не скончался, после чего поступил в распоряжение особо доверенных медиков. Далее в деле имелись протоколы вскрытия, с иллюстрациями краска-

ми — а заодно и скрупулезный рисунок военной формы, кое-чем отличавшейся от той, что Сварог видел на токеретах в Фиарнолле — ну да, прошло сто двадцать лет, военная форма имеет тенденцию со временем меняться... Тут же отыскался и крохотный пистолет — в маленьком запечатанном конверте из плотной бумаги, приклеенном к одному из протоколов.

Тогда Асверус взялся за остальных, предварительно продемонстрировав им крохотного покойника как пример несговорчивости. Эти говорили много и охотно, взахлеб перебивая друг друга, так что пришлось наводить порядок и очередь. Вот только ничего такого уж важного от них узнать так и не удалось. Асверус в конце концов пришел к выводу, что в этом случае граф Звездочету никаколечко не соврал: эти и в самом деле как две капли воды походили на темных простолюдинов, ничуть не посвященных в замыслы военных. Сосем и вдумчиво работать не стали, но двух выбранных наугад выспрашивали до тех пор, пока они не отправились следом за офицером. Все поголовно, и мужчины, и женщины твердили одно и то же: страна, где они живут, называется Токеранг и располагается в огромной подземной пещере, где именно, им неизвестно (слов «географическая карта» или «глобус» они попросту не понимали, читать-писать не умели). Да и о собственном государстве имели самое приблизительное представление: где-то в столице были король и знать, а вот лично они всю жизнь принадлежали благородному архонту Чегентару, которого, впрочем, тоже в жизни не видели, поскольку с рождения мирно землепашествовали в одной из его отдаленных деревень, и самая высокая персона, с которой имели дело, — сельский управитель. Ничего больше они, собственно, о Токеранге рассказать и не могли — разве что уточнили, что бунты среди простого народа очень уж редки, потому что король всегда посыпает против бунтовщиков жуткие летающие машины, которые все выжигают огнем с неба, и спасается только тот, кому удается скрыться в Полуденной Чащобе — но и там жизнь не в жизнь, в покое не оставляют, охотятся и вылавливают.

Все они, как оказалось, были закоренелыми недоимщиками (уверяя, что не по своей вине, а из-за двухлетних неурожаев). В конце концов управитель, и до того грозивший особенно жуткими карами, как-то заявил с солдатами, велел их всех похватать, связать и бросить в летающую машину без окон. О воздушном путешествии, впервые в жизни предпринятом не по своей воле, они вспоминали с неописуемым ужасом. Ну, а потом они оказались в каком-то необозримом зале, где рядами, десятками стояли в воде странные железные штуки, по их описанию как две капли воды похожие на подводные лодки. В одну из них их и захнали, сунули в помещение без окон и очень долго куда-то везли, не меньше недели, а то и побольше. Последний раз в похлебку, видимо, что-то подмешали — они все крепко уснули и проснулись уже в клетках, в каком-то замке, где все было невероятно великанское: и мебель, и исполины-люди. Великаны кормили их хорошо, но постоянно использовали в грязных и страшных забавах (тут Сварог пропустил пару страниц, потому что все это уже читал в одном из отчетов Звездочета).

Видя, что ничего больше от них не добиться, что это и в самом деле темные землепашцы из глухой провинции, Асверус взялся, так сказать, за десерт — за графа Дольфи, с которым заранее пообещал не церемониться в случае захирательства, благо для людей обычного размера в башне припасено много интересного... Не придется ломать голову, как им воспользоваться. Граф кололся, как сухое полено. Для начала он перечислил всех, кто был зрителем на его забавах, — и за ними тут же помчались кареты с занавешенными окнами, потому что всю эту компанию ради сохранения тайны следовало изолировать. Потом он какое-то время ныл, что пошел на это, во-первых, от научного любопытства (как никак один семестр Ремиденума, откуда выставлен по бездарности), а во-вторых, от грозившего в ближайшее время разорения. Ну и, наконец, он не сам связался с этим чертовым отродьем, его, дитятко безвинное, подбил на это дело старый знакомый, барон Морнаг. Именно он, несколько дней явно прощупывая

собеседника, в конце концов, предложил надежный, а главное, ничуть не нарушающий законов способ немногого поправить дела. Есть, понимаете ли, любезный граф, арендаторы, которые готовы за немалую цену снять любой дом, лишь бы он стоял на реке. Странные такие арендаторы, между нами говоря, но к нечистой силе не имеют никакого отношения, зато, что немаловажно, расплачиваются чистым золотом, а то еще и разными интересными штучками. Им, собственно, нужен даже не дом, а подвал наподобие вашего...

И рассказал, как страшно выгодно сдал этим загадочным арендаторам свой домишко в отдаленной провинции Накеплон, на реке Гиуне, от которого, собственно, давно уже не было никакой пользы. Жильцы, уже два года как там обосновавшиеся, платят исправно и в срок... вот только есть у них такое обыкновение: требуют соблюдения строжайшей тайны, и нарушение этого условия карается смертью, от которой не защитишься и нигде не спрячешься...

В Высшем свете об этом пока что не проведали, но сам-то граф прекрасно знал: финансовые его дела до того плохи, что тут, пожалуй, и душу заложишь сами знаете кому — лишь бы не вылететь из блестящего дворцового общества и сохранить прежний образ жизни. Так что ломался он недолго, можно сказать, вообще не ломался.

На другой день к нему явился барон, с превеликими предосторожностями достал из кармана маленьющую коробочку, оказавшуюся внутри обитой простеганной ватой, где в кукольном креслице, пристегнутый ремнем поперек груди, восседал крохотный, с пальцем, человечек, одетый во что-то вроде военного мундира. Черная коробочка, бусинка на бечевке... Разговор наладился быстро. Человечек, даром что крохотный, держался крайне властно, так что барон без труда угадал в нем птицу своего полета. Попытки легонько задрать цену человечек отбил легко — вообще, у барона осталось впечатление, что он уже не раз общался с обычными людьми и торговаться умел. В конце концов, ударили по рукам — в фигулярь-

ном смысле, конечно. Барон уточнил: кроме сдачи в аренду подвала, графу следует нанять пару-тройку мастеров, чтобы пробили из подвала туннель, сообщающийся с рекой, ниже уровня воды — и вдобавок смастерить надежно прикрывающую его дверь, а заодно устроить в подвале нечто вроде помоста и установить ведущую от входной двери к воде маленькую железную лесенку (граф смекнул: по размерам как раз подходящую для таких вот крохотулец). Наброски имеются, вот они, извольте. Ну, и что касается аванса...

Барон высыпал на стол пригоршню золотых слитков — каждый не больше фаланги мизинца, но золото было настоящее, высокопробное, к тому же, целая пригоршня. Чуточку растерявшись от всех этих неожиданностей, граф спросил:

— С меня потребуются какие-то клятвы?

Он плохо мог разглядеть мимику на крошечном лице, но человек в кукольном кресле, похоже, холодно улыбнулся:

— К чему эти пустяки, любезный граф? Просто представьте себе, что однажды к вам на подушку посреди ночи взберется создание моих размеров, вооруженное острейшим мечом в свой рост, которого достаточно, чтобы перерезать вам сонную артерию? Наконец, есть еще и яды... Зачем нам разводить глупости с клятвами? Клятвы люди сплошь и рядом нарушают, а вот неминуемая смерть в виде кары за развязавшийся язык — это гораздо действеннее...

На чем, собственно, переговоры и завершились. Граф нанял трех мастеров, быстро сделавших всю нужную работу. Он заикнулся было, не станут ли они болтать, но барон с нехорошой улыбочкой ответил:

— Не думаю, что у них будет на это время...

И увез мастеров в своей карете. Оказалось, были еще и дополнительные условия: отныне графу не полагалось спускаться в свой собственный подвал — а в комнатке около входа в него, очевидно, не полагаясь на честное графское слово, в три смены дежурили люди барона, все по-

головно с физиономиями, на которые не стоило лишний раз и смотреть, особенно ночной порой.

Предприятие заработало. Первые дней десять, правда, барона это немного утомляло — к нему, что ни вечер, заявлялся крохотный человечек в мундире (уже, кажется, другой, с ухватками опытного сыскаря) и несколько часов изводил вопросами о Ронеро: от флота до экономики, от системы правления до придворных нравов. Граф убедился, что имеет дело с совершеннейшим чужаком, не знавшим о стране элементарный вещей, но отвечал исправно, благо за каждую такую беседу получал небольшую премию в виде тех же золотых слиточков размером с ноготь. Потом мучитель исчез навсегда. Тот, первый, еще заходил два раза за две недели, полное впечатление, с визитом вежливости (а то и присмотреть, как идут дела), но потом пропал и он.

Крохотных простолюдинов для забав граф выпросил у него в последний раз по совету барона. Человечек, в общем, особого неудовольствия не выказал, усмехнулся только:

— Я вижу, и здесь наши обычай схожи...

И примерно через неделю доставил требуемое, предупредив лишь, что посторонним эти зрелища показывать ни в коем случае не следует. Иначе последствия будут теми, о которых уже предупреждали.

Граф оказался не только любопытным, но и гораздо хитрее, чем, должно быть, полагали крохотные собеседники. Уже в первую же ночь он осторожненько вытащил из клетки одну из женщин, и, многозначительно поводя перед ней раскаленной докрасна иголочкой, допросил как следует. Узнавши ровно столько, сколько Сварог уже прочитал в протоколах допросов.

И д и л л и я длилась примерно два месяца. Люди барона дежурили исправно, крохотульки больше не появлялись, вознаграждение через барона поступало. Так что граф чуточку разболтался. И стал приглашать к себе на редкостное зрелище старых приятелей, в которых ни сколько не сомневался, — в том числе и Звездочета...

Вот такая была история. Графа и свидетелей его забав во избежание огласки упятали в тихое местечко, откуда они могли выйти ногами вперед. А вот дальше... Собственно говоря, никто не знал, что делать дальше. Секретнейший совет в составе королевы Дайни, Асверуса, начальника тайной полиции, двух адмиралов и трех высокопоставленных чиновников из Морского бюро пришли к выводу, что они, собственно говоря, не про двинулись вперед ни на шаг. Обыскивать все дома, стоящие на берегу Итела (уже не было никаких сомнений, что подводные лодки плавают и по Ителу), было бы предприятием неподъемным. Где находится Токеранг, никто и примерно не представлял. Оставалось одно: обязать многочисленных лакеев, камердинеров и прочих кучеров, шпионивших за знатью по указке тайной полиции и второго стола дворцовой стражи, держать ушки на макушке и немедленно сообщать, если в какомнибудь особняке вдруг обнаружатся крохотные человечки. Впрочем, был еще один вариант — река Гиуне, и относительно нее специалисты своего дела стали разрабатывать соответствующую операцию. В деле сохранился доклад оставшегося безымянным морского сапера, в котором он рискнул предположить: самый обыкновенный бочонок с порохом, взорванный в воде неподалеку от лодки, должен произвести на нее примерно такое же действие, как на рыбу, которую разгульные солдаты глушат гранатами...

Что до оставшихся в живых коротышек... Королева Дайни, умная и с успехом заменившая мужа на троне, все же оставалась женщиной — и не могла пройти мимо такой игрушки. По ее приказу надежные мастера, не привыкшие болтать, быстро соорудили прозрачный кукольный домик из прочного хрусталия с кучей мебели и кухонной утвари, где в покоях Дайни крохотульки и были поселены. С приказом жить самой обычной жизнью — готовить еду, устраивать балы, а то и дуэли из-за женщин, заниматься любовью. Дайни, в общем, не была ни зла, ни жестока — просто у Сварога осталось впечатление, что

она не воспринимала их как людей. К тому же оказалось, что у них и души нет...

Министр тайной полиции, человек, с подозрением относившийся ко всему на свете, кроме своей королевы, тогда же письменно высказал свое особое мнение. Он-то как раз считал, что о подобной королевской забаве слухи рано или поздно могут дойти до тех, кого самое время начинать усердно искать. А потому лучше бы этим коротышкам куда-нибудь пропасть навсегда.

Дайни, увлеченная новой игрушкой, не соглашалась. Министр умел добиваться своего. Точных улик против него так никогда и не обнаружилось, но недели через две все обитавшие в домике крохотульки скончались от какой-то неведомой хвори. Докторов ради пущей секретности привлекать не стали (Сварог подумал: видимо, тогда Асверус и заполучил черепа, которые пошли на украшения в стиле модного тогда балерио).

Собственно, досье на том и кончалось. Остальное Сварог знал и так. Асверус со своим отрядом отправился к речке Гиуне. И вернулся аккурат к тому времени, когда в Академии Лилий случилось нечто жуткое. Учитывая, что окружавшее павильон озеро через целый каскад себе подобных и узких, но глубоких речушек, сообщалось с Ителем, там вполне могла пройти подлодка токеретов, вооруженная ракетами с отравляющим газом наподобие того, что применялся при штурме Батшевы. Концы в воду. Вряд ли младший брат короля Горомарте, вскоре воссевший на трон после смуты и неразберихи, был в словоре с токеретами. Они, надо полагать, тут пребывали, недавно, не успели еще толком освоиться и забраться та к высоко. Просто-напросто младшенький методично врезал всех особо доверенных людей Дайни, как это сплошь и рядом случается при перемене царствования — так уж все совпало...

Одним словом, досье Асверуса исчезло за облаками на добрых сто двадцать пять лет. Практически все в ажны фигуры, к нему причастные, либо погибли, либо были чесчур озабочены собственным выживанием при новом

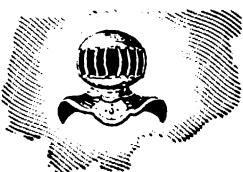
короле. Сам Асверус умер на пыльной улочке с кинжалом в сердце. Не осталось никого, кто стал бы заниматься токеретами р е в н о с т н о. Все эти сто двадцать пять лет шла, в общем, рутинная работа — редкие наблюдения подводных лодок в море или Ителе, редкие сведения (большей частью принимаемые за морские басни и легенды). Примерно то же самое происходило и в Снольдере — просто-напросто не нашлось человека, способного с головой уйти в проблему. Да и токереты за прошедшее столетие с лишним конспирировали не в пример лучше. И вместо примитивных подвалов, как в прошлые годы, понастроили, надо полагать, немало самых настоящих укрытий, наподобие того, что он видел в Фиарнолле. Или того, что взлетело на воздух при штурме Дике. И, надо полагать, сообщников среди людей у них уже имелось гораздо больше, чем сто лет назад. А если учитывать все непонятности, что творятся в Горроте... А поскольку хлопоты наши состоят не из одних токеретов...

Он вздохнул, отодвинул досье и поднялся. Мяус, все это время неподвижно просидевший в углу, выжидательно пошевелился.

— Сведений от Щук никаких? — спросил Сварог.

— Я бы непременно доложил, государь. Поиски продолжаются, с крайней методичностью, как вы и приказывали.

Сварог подумал: а ведь сейчас, пользуясь передышкой, самое время слетать в Гартвейн. Точнее, в Туарсон. Только сначала нужно через Интагара принять кое-какие меры, чтобы на сей раз предстать не в облике скромного канцеляриста...

 Глава III

ЗЕМЛЯ И ВОДА

Свярог сидел под навесом того самого постоялого двора, где не так уж и давно наворачивал собачью еду из собачьей миски, да так, что за ушами трещало. Староста, степенно сложив руки на животе, стоял в двух шагах от него — все такой же, пожилой, с проседью, с лицом умным и хитроватым. Правда, хитрости сейчас почти не наблюдалось, а вот недоумение присутствовало в полной мере.

Свярог невозмутимо огляделся по сторонам. Крестьяне стояли на почтительном расстоянии, уардов в триста, тесно заполнив выходившие на площадь улочки. Никто их не гнал, просто они, должно быть, по известной привычке старались держаться подальше от любого начальства, от которого, откровенно говоря, деревне всегда одни неприятности — а тут изволил пожаловать сам король, пусть и не в королевском блеске, в достаточно скромном темном камзоле, темных штанах и сапогах без церемониальных золотых шпор. На шее у него, правда, висел единственный орден, сегурский, Морских Королей — ну да в таких делах нужно хотя бы минимумом обозначить, у короля должна болтаться на шее хотя бы одна орденская цепь, это всем известно... это как-никак не пресловутое «хождение в народ», когда можно вырядиться хоть свинопасом...

Далеко вокруг была совершеннейшая тишина. По окружности площади, примерно меж Сварогом и крестьянами, стояла редкая цепочка Черных Егерей, а шагах в двадцати справа теснилась кучка самых разных людей: ошалевший от верноподданнического ужаса губернатор, лицезревший коронованную особу впервые в жизни, невозмутимый Интагар и с полдюжины его людей, неизбежный министр двора и Элкон, щеголявший в чуточку мешковатом мундире дворцовой стражи, — потому что весь, от пяток до ушей, был увенчан компактной сложной аппаратурой — поскольку был оптимистом и надеялся с ее помощью хоть чего-нибудь добиться. Сам Сварог особенного оптимизма не испытывал.

— Садитесь, староста, — сказал Сварог, указывая на лавку напротив. Староста даже отшатнулся:

— Никак невместно в присутствии вашего королевского великолепия... Вон, господа министры стоят, как придорожные столбики...

— Разговор у меня не с ними, — сказал Сварог терпеливо, — И мне, между прочим, неудобно плятиться на вас снизу вверх, задрав шею — скамейка низенькая, а вас бог ростом не обидел... — и вполне привычно подпустил в голос королевского металла. — Король вам приказывает сесть, жамый. А повеления короля положено выполнять... Ну?

Тут только староста решился, осторожненько присел на край скамейки. Глаза у него были умные и печальные.

— Что ж нас эти, из губернии, заранее не предупредили... — сказал он мрачно. — Гирлянды бы развесали, плошки зажгли, девки в праздничных нарядах станцевали бы, как полагается...

— К чему вся эта суета? — усмехнулся Сварог. — Я к вам всего лишь недолго заехал по делу. Совсем недавно уже заезжал один раз, только одет был гораздо скромнее. Помните, надеюсь?

Староста осторожно пожал плечами с таким видом, словно никак не мог сообразить, должен он помнить про-

— Послушайте, жамый, вы меня боитесь? — напрямую спросил Сварог. — У меня вроде бы нет особо жуткой репутации тирана, и по капризу души, мое слово, просто так на воротах не вешаю... А станьте-ка поразговорчивее, король велит...

— Да я и не знаю, как полагается с королями разговаривать, — ответил староста осторожно. — Я и губернатора то сегодня увидел впервые в жизни... Крестьянин, изволите ли знать, всего непонятного бояться приучен. Поди пойми, с чего оно такое... А когда ваше величество заезжает вот так запросто, не церемониальным проездом и даже не на охоту...

«Логично, — подумал Сварог. — Непонятное всегда пугает — и порой людей повыше этого деревенского анахорета...»

— Ну, постараюсь развеять все непонятности, — сказал Сварог. — Так выпало, любезный староста, что я ишу одного человека, который часто бывал в Туарсоне и, по некоторым сведениям, с вами был вроде бы в неплохих отношениях... Знаком вам такой господин Вингельт? Повыше вас, но помоложе лет на двадцать, в последний раз он был в охотниччьем костюме...

— Много здесь охотников ^{бывает}, — сказал староста. — Такая уж дорога — прямиком из Гартвейна в Каталаун. Многие ездят.

— Значит, непомните?

— Не припоминаю что-то.

— А вот теперь вы врете самым наглым образом, — сказал Сварог. — Допускаю, что наслушались обо мне всяких дурацких рассказней, но если слышали, что я умею отличать правду ото лжи, то на сей раз вам нисколечко не соврали. Умею. Врете. Как нанятой. Знаете вы его... Когда тут у вас не так давно выступали бродячие фигляры, стояли вы рядом, как добрые друзья, да и с площади ушли вместе... Или этого тоже не было?

— Было, ваше величество, — сказал староста. — Только человек-то вроде неплохой, мою старшую от трясо-

вицы вылечил, не пойму, к чему вздумалось за ним гоняться...

— А почему вы решили, что за ним гоняют ся? — быстро спросил Сварог. — Вы вообще видите что-нибудь похожее на погоню? Ну?

— Как вам сказать, ваше величество... Когда в деревне начинает твориться даже и не поймешь что... То сам король, переодетый канцеляристом, увозит Бетту вместе с семейством — а ведь безобидные люди были! — и потом опять появляется уже в виде короля, тут уж даже не знаешь, что и думать... У нас в деревне одно желание: жить бы спокойно, и чтоб никто не тревожил...

— Знаете, староста, чем отличается глупый король от умного? — спросил Сварог. — Глупый подбоченится, побагровеет весь и ну давай орать: «Запорю! Повешу! Голову долой!» А умный король, голоса не повышая, скажет примерно следующее: это от вас от самого зависит, жамый, останется деревня и дальше сто лет жить спокойно или спокойной жизни настанет конец... Для вас первого. А у вас должность не такая уж и хлопотная, от людей уважение, хозяйство немаленькое, две внучки...

— Ваше величество, — едва слышно произнес староста. — Да что ж я вам сделал-то?

— Мне? Ничего, — сказал Сварог. — Не считая того, что врете. Хорошо. Будем считать, что человек неплохой. Я и не говорю, что он чем-то плох. Просто-напросто сложилось так, что он мне крайне необходим. И если вы дальше будете врать — уж не взыщите... Король — должность суровая... В особенности, когда им движет не каприз, а неотложное дело... Человека поглупее я бы страшать начал разными ужасами, да вы же умница, иначе столько лет в старостах не продержались бы... Сами все должны понимать. Ну? Давайте-ка о Вингельте. И не врать.

Староста тяжко вздохнул:

— Тут и сказать почти нечего...

— Посмотрим, — сказал Сварог. — Только учтите: терпение мое кончилось.

Староста, поерзывая на скамейке, то поднимая глаза, то опуская в пыль, заговорил. Вингельта он знал лет пять и, хотя никогда не задавал никаких вопросов, сам лично полагал его небогатым дворянином из Гартвейна. Именно из Гартвейна — там его, случалось, раз несколько в год встречали выезжавшие туда на ярмарку сельчане... А сам Вингельт частенько, раз в два месяца, а то и почаще, проезжал из Гартвейна охотиться в Катауун — и всякий раз возвращался с добычей, если была крупная, то, по старому охотничьему обычаю, тому сему раздавал часть. Иногда останавливался на туарсонском постоялом дворе, иногда нет, торопился. Если останавливался, обязательно посиживал со старостой в корчме за парой кружек.

По мнению старосты, человек был, хоть и не богатый, но основательный — и о жизни с ним поговорить можно было серьезно, и толковый совет послушать, и травником он был неплохим, внуckу вон от трясовицы вылечил, и другим, бывало, помогал. И вот уж в чем староста готов поклясться, ни с разбойниками не имел ничего общего, ни с контрабандой.

— И пояс дворянский носил? — спросил Сварог. — И перстень?

— Чего не было, того не было. Ну, да в нашей глупицких многие и не носят: бывают бедные и чванливые, а бывают бедные, да простые... Ну, что еще? С девками любил пошутить и перемигнуться, но никогда не охальничал, как иные благородные, ежели понимаете, о чем я.... Иным, бывает, наплеватель, что село фригольдерское, порой слушаются загвоздочки...

— Все рассказали?

— Да все вроде.

— Опять врете, — сказал Сварог. — Я ведь, кажется, говорил, что терпение мое кончилось? — он холодно усмехнулся: — Не бойтесь, на воротах никого вешать не буду. А только так уж вышло, что с большого тракта аккурат по вашим местам идут к гланской границе три сотни Вольных Топоров. Определю я их к вам, пожалуй, на пару не-

дель на постой. Людям и коням отдых нужен. Казарм у вас нет, ну да по домам разместим как-нибудь...

Вот теперь он без всякого сочувствия увидел у старости на лице неприворотный ужас. Двухнедельный постой трех сотен Вольных Топоров. И в такой вот деревушке — это, конечно, не конец света, но и не детский праздник в веселительном парке...

— Ваше величество... — пробормотал староста, бледнея.

— Ну, кто же виноват, что вы по-хорошему не хотите? — усмехнулся Сварог. — Притом, что вопрос у меня один-единственный. Какое-то время назад, я уже говорил, у вас останавливались на денек подзаработать бродячие фигляры. С ними был пес. В тот же день вы их отсюда вышибли — ну, надо сказать, не столь уж грубо, могло быть хуже... А вышибли оттого, что опознали в их собаке не просто пса, а оборотня. Верно?

— В-верно... — прошелестел староста.

В самом старосте Сварог не чувствовал магических способностей, ни на каплю. А потому, не давая старику опомниться, продолжал:

— Вы опознали, или Вингельт?

— Вингельт, — с тяжким вздохом признался староста. — Так и сказал мимоходом: а вы знаете, жамый, собачка ихняя вовсе не собачка, а обернутый в собаку человек. А мы здесь у себя такого не любим. Вы не подумайте, Вингельт с черной магией не знается, ничего за ним такого, иначе бы и сам его в село сроду не пустил. Просто... Ну, знает он чуточку. Это ж не черная магия и не магия вообще. Знает человек по мелочам того и сего, вот и весь сказ... Уж это в деревне испокон веков терпят, оно ж большей частью безобидное, а то и к пользе...

— Все рассказали?

— Все! — истово воскликнул староста.

— Вот теперь — верю, — сказал Сварог. — Посмотрите вон туда. Видите молодого человека в сером кафтанчике? Вы уж его, как только я уеду, пристройте слугою в корчму. У вас, я слышал, тамошнего слугу только что поли-

ция при няла за шашни с теми ребятками, что таскают через границу туда-сюда всякую всячину. И не распахивайте глаза так удивленно, мне лучше знать. В общем, устройте его в корчму, найдите, где ему голову преклонить, он парнишка простой, небалованный. И чтобы ни одна живая душа не знала, что он от меня. И если, паче чаяния, объявится Вингельт, вы парнишке тут же сообщите, — он положил старосте руку на плечо и задушевно сказал: — А если хоть чего-то из этого не выполните, то лучше бы вам на свете не родиться, и Туарсону тут не строиться... Уяснил?

— Чего уж там, — угрюмо отозвался староста. — Люди, правда, болтать начнут...

— Вы на то и староста, чтобы сделать так, чтобы не болтали, — жестко сказал Сварог. — Придумайте сами что-нибудь подходящее, сам парнишка помалкивать будет, он болтать не мастак... Да, вот что. Люди ведь заметят, что вы с нашего разговора смурной вернулись, уж это непременно. Вот вы им и скажите почти что правду: мол, его величество хотел у вас на пару недель Топоров расквартировать, да вы, собрав всю житейскую сметку, его отговорили... Идите уж. И хорошенько помните, что шутить я не люблю, но если уж возьмусь — то впереди все разбегается, а позади все рыдает... .

Он поднялся первым и, не оглядываясь на старосту, направился к своим. На душе было снова чуточку мерзко — еще одного, неплохого, в принципе, мужика, петлей страшал. Но что тут прикажете делать, если Вингельт вдруг да объявится? Вряд ли он обладает провидческим даром, вряд ли предвидел появление Сварога в облике собаки и — а значит, скорее всего, и правда жил в Гартвейне, надо будет и там для очистки совести запустить частый невод. Человек не исчезает бесследно, даже такой примечательный, могут остаться ниточки, привязки, следочки...

Все стояли неподвижно, только Элкон нетерпеливо пошел навстречу. Сварог уже знал, когда у юного сподвижника бывает такое лицо. И спросил тихо:

— Засекли что-нибудь?

— Абсолютно ничего, — ответил Элкон. — Но из Хелльстада отличные новости...

— По коням! — распорядился Сварог.

Не стоило и уточнять, что за новости. В Хелльстаде последние дни занимались одной-единственной проблемой...

Прежде чем подойти к коноводам, он все же задержался на минутку, отвел в сторону Интагара и спросил:

— Какую легенду подобрали парню? Он нынче же станет объектом самого пристального интереса...

— По-моему, неплохо, — сказал Интагар. — Он у нас — племянник и единственный наследник некоего барона из Равены. Вот только кутежами, векселями и прочими прелестями разгульной жизни так разозлил дядюшку, что тот наследства лишать его все же не стал и отрекаться не стал, чтобы не пресекся род, но наложил наказание: молодой человек должен год проработать в самой что ни на есть глухой провинции, пробавляясь самым простым трудом. А там посмотрит на его поведение. Такая версия как раз вызовет не подозрения или недоверие, а любопытство. Сам староста, конечно, ни капельки не поверит...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог. — И черт с ним. Вовсе не обязательно, чтобы он верил. Главное, чтобы разнес по деревне нашу версию и не проболтался о настоящей. Поговорите-ка и вы с ним, Интагар. Я вроде бы произвел на него должное впечатление, и тем не менее... Самое смешное, что мои угрозы могут не возыметь на него должного действия. Исключительно оттого, что он впервые в жизни сталкивается с королем, и королевский гнев для него — понятие отвлеченнное, не вполне укладывающееся в сознание и прежний житейский опыт. А вот полицейский не особенно и высокого чина — это как-то ближе, проще и понятнее...

Интагар, наряженный в мундир городской полиции с нашивками секретаря, то есть приравненного к армейскому сержанту мелкого чиновника, кивнул:

— Пожалуй что, государь. А потом — в Гартвейн?

— Именно, — сказал Сварог. — Наводните его агентами, насколько удастся. Вингельт никак не предполагал, что ему придется в н е з а п н о сменить местожительство, он жил там достаточно долго и должен был обрасти приятелями, добрыми знакомыми из н е п о с в я щ е н н ы х, а значит, могут отыскаться хоть зыбкие, но следочки... Удачи!

Он принял поводья у ликтора и вскочил в седло, с ходу дал коню шенкеля.

...Про Ихтиандра, коллегу некоторым образом, он вспомнил в самый последний момент, когда уже собирался нырять под воду, — а потому, не раздумывая, позвал одну из Щук и без особого труда взгромоздился на нее верхом. Рыбина была здоровенная, уарда в полтора, так что сиделось у нее на загривке не особенно и удобно, но надежно. В самом деле, какой смысл расхаживать пешком по дну, если под рукой есть верховые щуки?

— Ты там поосторожнее, — сказала Яна, стоявшая у самого берега — конечно же, в сопровождении охраны из живых псов и летающих механизмов.

— Как обычно, — сказал Сварог и отдал мысленную команду.

Щука медленно погрузилась, и, когда над ее макушкой сомкнулась вода, стала плавно спускаться вниз, к самому дну (глубина Итела здесь, как и везде, была приличная, уардов тридцать), еще четыре двинулись следом в качестве охраны — он и правда собирался быть предельно осторожным. Мало ли какие сюрпризы мог таить подводный вход в пещеру...

Дно здесь было ровное, каменистое. Щука плыла уардах в двадцати от левого берега, крутого откоса. Сварог, напрягая «совиное зрение», как ни всматривался, не мог рассмотреть ничего, походившего бы на крышки огромных люков — впрочем, и в Гаури, и в Фиарнолле выходы были замаскированы отменно, рядом стоя — не разглядишь. Сначала ему мешало, что ноги как-то нелепо бол-

таются, но потом он догадался переплести их под щучим брюхом, и сразу стало уютнее.

Вскоре щука остановилась, удерживаясь на месте против течения сильными движениями хвоста и плавников. Отплыла едва ли не на середину реки, развернулась носом к левому берегу — на первый взгляд, сплошному каменистому откосу. Вторая, остановившись рядом, испустила конус бледно-сиреневого сияния, он разрастался, ширился, пока не уперся в берег. Стал еще шире.

Внутри него проявился тонюсенький, словно паутина, идеально ровный круг уардов пяти диаметром — первый из тщательно замаскированных люков, располагавшийся над самым дном. Совершенно такой же, как на тех двух базах, где он побывал. Не колеблясь, Сварог отдал Щуке приказ возвращаться. Не было смысла осматривать все люки подряд, достаточно знать, что их тут двадцать — при нужде можно моментально выпустить в реку целую флотилию.

Он уже видел карту, составленную Золотыми Шмелями: под самым «потолком» пещеры, если можно так выразиться, слева, если стоять лицом к Ителу на левом берегу, располагалась еще одна пещера, геометрически правильный параллелепипед длиной в полторы лиги, шириной в четыреста уардов и высотой в сто. Судя по форме, эта пещера была насквозь рукотворная. Верфь и база для подводных лодок. Труды в нее должны быть вложены колоссальные, учитывая, что все грузы приходилось поднимать под потолок на высоту уардов трехсот — но у него давно уже сложилось твердое убеждение, что короли Токеранга, подобно фараонам, строителям пирамид, рабочего люда не жалели, не считали и слова «невозможно» терпеть не могли... Делать здесь больше было нечего, и он приказал Щуке подняться вверх, довольно ловко перепрыгнув с ее спины на берег. Яна терпеливо сидела на траве, неподалеку стоял Вентордеран, а поодаль, естественно, полукругом расселись Гармы, высоко в воздухе кружили Золотые Филины, и вовсе уж под облаками парил Дракон.

— Ну, что там? — спросила Яна, оживившись.
— То, что и следовало ожидать, — сказал он. — Два десятка люков, сквозь которые они уходят в Ител. И только-то.

— А почему ты такой невеселый? Мы же теперь знаем...
— Ну и что? — пожал он плечами. — Не столь уж великое достижение.

— Почему?

— Потому что входа с земли мы так и не нашли пока, а он должен существовать, — терпеливо пояснил Сварог. — Ты видела карту их базы? Ну вот... Сама по себе та база — пустячок, о котором и говорить смешно. Всего и дел — подогнать «Рагнарок», разнести в пыль и лодки, и вообще этот кусок берега, а потом столь же качественно разнести все, что внутри. Мы лишим их подводных лодок — и только. К тому же наверняка не всех — какие-то сейчас должны плавать черт-те где. Чем они могут ответить — неизвестно. Что вообще есть у них там, в пещере — неизвестно. Сколько баз они устроили на Таларе, сколько людей на них работают и какие посты занимают — неизвестно.

— Выходит, дела скверные? — тихо спросила Яна.

— Да нет, пожалуй, — подумав, ответил Сварог. — Скверное — то, что мы о них ничегошеньки не знаем. Вот если бы у меня были пленные, если бы я смог провести разведку в Токеранге, дело упростилось бы невероятно. Хорошо хоть, Канцлер работает вовсю...

Канцлер зря времени не терял. Вторую неделю его Технион штамповал орбиталы с излучателями, способными покрыть всю планету полем, в зоне действия которого невозможны ядерные реакции — а значит, и ядерные взрывы. Так что у токеретов больше не получится шантажировать взрывами атомных бомб в земных городах. Правда у токеретов есть еще боевые отравляющие вещества, против которых пока что ничего не удалось придумать. И вот что еще: Хэлльстад от взрывов ядерных бомб нисколечко не застрахован, на него не распространяется действие этого самого поля. А собственные защитные системы прикрывают только оба замка. Вообще, как ни копался

Сварог с помощью Мяуса в компьютерах, как ни терзали вопросами Золотых Обезьян, нигде не обнаружил каких бы то ни было планов в военных действий. Фаларен создал внушительную армаду разнообразных механических тварей, вооруженных весьма неплохо, завод способный быстро восполнять потери в технике, — но ничего похожего на военные планы не отыскалось. И здешние компьютеры не могли составить их самостоятельно, не имея соответствующих программ — а Сварог попросту не умел сочинять компьютерные программы. Ну, а то, что Элкону удалось обнаружить в компьютерах Империи, касалось совсем другого войны, с другим оружием, другой тактикой — и Сварог никак не мог их сташить и переделать под свои нужды. Планы войн с массированным использованием танков просто-напросто невозможно переделать под нужды военно-морского флота, и наоборот. Примерно такая ситуация. Видимо, Фаларен, если и в самом деле планировал большую серьезную войну, собирался командовать лично, без всяких компьютерных программ, Бона-парт долбаный...

— Главное сейчас — даже не те лилипуты, что суетятся где-то у нас под ногами, — сказал он, похлопав ладонью по земле. — Главное — в Горроте. Токереты начнут какую-то агрессию только в одном-единственном случае: когда и они, и их техника приобретут нормальные размеры. Должны понимать, что в нынешнем виде мы их перещелкаем, как Оклер тех, у Дике. Знать бы, в каком состоянии у них энергосборник...

— Ты уверен, они его все же монтируют?

— Процентов на девяносто девять, — сказал Сварог. — Во-первых, подбор участников соответствующий. А во-вторых, усматривается лишь один взаимовыгодный нюанс, заставляющий их стать союзниками. Проект «Нормальный размер». Брашеро и его кучка обормотов получают нешуточную военную силу, а токереты — нормальные размеры, — он фыркнул. — Правда, у меня есть сильные подозрения, что токереты, добившись желаемого, своих «друзей» из Горрота очень быстро перерезали бы — чего

стоит услуга, которая уже оказана... Черт, а это еще что такое? Ну, прямо проходной двор устроили какой-то...

Яна взглянула туда, куда он показывал. Посередине реки довольно быстро, искусно маневрируя парусами, продвигалось небольшое суденышко, одномачтовый куттер.

— Очередные искатели приключений... — сказал Сварог тоном, не сулившим ничего хорошего незваным гостям. — Сейчас я им устрою, благо настроение скверное...

— Только жестокостей не надо! — воскликнула Яна.

— Ты у меня добрая и жалостливая, — усмехнулся Сварог. — Но вот интересно, тебе бы понравилось, начни шляться по Келл Иниру незваные гости, долбить стены в твоих покоях в поисках кладов, красть серебро с кухни? К тому же, обрати внимание — флаг у них лоранский, сине-зеленый с белой каймой. А уж лоранцы наши старые неприятели. Мои подданные уже как-то отучились в Хелльстад шастать, а этим все неймется... — он перехватил умоляющий взгляд Яны. — Ладно, ладно, я до сих пор никого на съедение глорхам не отдал и даже не выпорол ни разу — вышибал за пределы и только. Посмотрим, что это за нахалы...

— Только, я тебя прошу...

— Успокойся, — сказал Сварог. — Ничего страшного не будет. Может, они нас повеселят хоть чуточку...

Он поднял руки перед лицом, сложил пальцы особым образом, прошептал нужные слова — хелльстадская магия, доставшаяся ему в наследство, вложенная в голову королевской серебряной тиарой. Теперь вовсе не обязательно иметь ее на голове, она и так всему научила...

Суденышко вдруг развернулось под углом девяносто градусов, на полном ходу, взметнув буруны с обоих бортов — и по прямой направилось к тому месту на берегу, где стояли Сварог с Яной. Прекрасно можно было рассмотреть, как трое обормотов пытаются что-то сделать с парусами — но это кораблику помогло, как мертвому припарки, он целеустремленно несся к берегу, поднимая волну не хуже торпедного катера. Замедлил ход, развер-

нулся левым бортом, причалил к берегу. Над ним тут же принялись бдительно кружить два Золотых Филина, опускаясь чуть ли не до самой верхушки мачты.

Их разделяло всего-то уардов десять, и всех, кто стоял на палубе, можно было рассмотреть без труда. Троє субъектов, сбившихся в кучку у мачты, выглядели классическими речными моряками. Судя по физиономиям, не особенно-то и отмеченным печатью интеллекта, они себя не помнили от ужаса.

Четвертый выглядел поинтереснее — юнец немногим старше Элкона, в дворянском, хотя и изрядно потертом платье с потускневшими галунами и бадагаре с пообретавшимся пером, при золотом поясе и мече. На эфесе которого он и держал сейчас руку — тоже, сразу видно, испуганный, но пытавшийся сохранить достоинство и даже горделиво воздеть подбородок. Белобрысый сопляк, чём-то неуловимо напомнивший Сварогу князя Рута — и у него вдруг схлынуло все раздражение.

— Вон, посмотри, — шепнула Яна на ухо Сварогу. — У него на левой руке, у плеча, лента повязана...

Сварог присмотрелся и откровенно фыркнул. Действительно, на руке у левого плеча незваного гостя красовалась завязанная красивым узлом желто-розовая, кажется, атласная лента. Надо же, кого к нам занесло...

— Ой, как интересно... — шепнула Яна Сварогу. — Я про такое только в книжках читала...

Сварог тоже что-то такое мельком читал в книге по древней истории — а вот собственными глазами ни разу не видел представителя данной экзотической породы — отважного рыцаря, пустившегося совершить подвиг во славу своей прекрасной Дамы, чьи цвета и носил на плече. Традиция эта исчезла давным-давно, не те на дворе стояли времена, и отважные рыцари, украсившие себя лентой своей дамы, давненько уж повывелись. Разве что какой-нибудь особо эксцентричный любитель старины и блюститель древних традиций пытался предпринять нечто подобное — но чаще всего подвергался лишь насмешкам окружающих, а то и полицейским штрафам...

Не поворачивая головы, Сварог отдал мысленный приказ — и ближайший гарм возник уардах в десяти от них, усился, расставив передние ноги и наклонил голову, с нехорошим интересом разглядывая пришельца. И уж безусловно, перехватил бы его в мгновение ока, вздумай он пырнуть Сварога своей старинной железкой с эфесом устаревшего фасона. Некоторую осторожность соблюдать все же следовало. Мало ли какие тараканы могли оказаться в голове у продолжателя древних традиций — ну, скажем, убить короля Хелльстада и по праву ваганума завладеть его королевством. У самого Сварога при себе не было никакого оружия, да и Яна стояла рядом.

При виде гарма, разглядывавшего странников с явной неприязнью, моряки и вовсе плюхнулись на корточки. Юнец благородного звания тоже стал невесел, но изо всех сил старался держаться с достоинством — стойкий оловянный солдатик, но тут и без него хлопот полон рот...

Когда Сварогу эта немая сцена откровенно надоела, он попросту спросил:

— Не соизволите ли представиться, лаур?

Юнец отчеканил:

— Моден, герцог Кормик. В свою очередь, позволю осведомиться, с чем имею честь?

— Сварог Барт, король Хелльстада, — сказал Сварог самым будничным тоном. — Думаю, и в Лоране обо мне чуточку слышали...

Судя по изменившемуся лицу юного герцога, слышали немало, и массу интересного... Однако он и теперь держал фасон. Церемонно раскланялся перед Яной:

— Не соблаговолите ли, прекрасная дама...

— Леди Вита, моя невеста, — сказал Сварог, которому эта интермедия уже начинала надоедать. — Итак, любезный герцог... Получается, вы самым что ни на есть беззаконным образом проникли в мое королевство?

Юный герцог улыбнулся почти весело:

— Простите, ваше величество, но мы нигде не встретили на ваших рубежах ни полиции, ни речной стражи...

С точки зрения юридического крючкотворства он был прав — ничего подобного у Сварога до сих пор не водилось. Ну к чему Х е л л ь с т а д у речная полиция и пограничная страж?

Уже откровенно забавляясь, он сказал:

— Но вы могли бы, по крайней мере, обратиться в мое посольство в Лоране и взять подорожную...

На лице юнца изобразилось нечто среднее между конфузом и удалью:

— Простите, государь, но как-то уж там исстари повелось, что сюда ездят без подорожных...

— Ну, это знаете ли, герцог, издержки прежнего царствования, — сказал Сварог. — Когда во многих областях жизни царил форменный беспорядок. Сейчас с этими пережитками прошлого мы боремся, и довольно успешно... А потому, тысячу раз простите, выглядите вы крайне подозрительной личностью: заявились сюда без подорожной, без нашего королевского соизволения... Кто знает, какие у вас планы? Быть может, вы замыслили покуситься на нашу королевскую особу, учитывая, что ваша очаровательная королева уже четырежды пыталась это устроить...

Герцог выпрямился с комической важностью:

— Ваше величество, слово дворянина: у меня не только в мыслях не было покушаться на вашу особу, но и злоумышлять что-то против вашего королевства...

Он не врал, так что можно было чуточку расслабиться. Хотя на всякий случай сидевший тут же гарм получил категорический приказ: если визитер схватится за меч или кинжал, оторвать ему голову к чертовой матери. Ну, а попытайся он напасть на Яну, Филины и без особой команды оставили бы от него кучку пепла...

— Подойдите, — сказал Сварог. — этой милой собачки и кружящих у вас над головой птичек можете не опасаться, мирых странников они не трогают. Если вы из них, я не намерен причинять вам зла, хотя у вас и нет подорожной... Но не оставите ли оружие на корабле?

Юный герцог без всяких протестов расстегнул пряжку. Пояс с мечом и кинжалом стукнулся о палубу. Ловко пе-

репрыгнув на берег, незваный гость еще раз раскланялся по всем правилам этикета:

— Ваше величество, леди Вита...

— А как ее зовут? — с любопытством спросила Яна, указав взглядом на романтическую ленту.

Лицо юноши, как у всякого пылкого влюбленного, стало восторженно-глупым, и он, воздев глаза к небесам, почти прошептал:

— Дарлина, маркиза Оранди...

Яна с неприкрытым любопытством продолжала (обожательница женских романов, ага!).

— И какой же подвиг вы собирались совершить в ее честь? Убить какое-нибудь из обитающих здесь чудовищ и привезти голову, чтобы Дарлину за вас выдали?

— Увы, леди Вита... — с нескрываемой грустью ответил герцог. — Эти былинные времена давно позади. Боюсь, если бы я так даже и поступил, маркиз Оранди лишь расхохотался бы и посоветовал оттащить эту голову в музей, где за нее, может, и дадут пару золотых... Он, знаете ли, очень приземленный человек, у него две больших флотилии торговых судов для морских перевозок, фарфоровые фабрики — благо на его землях есть необходимое сырье — мало того (он понизил голос) не без оснований твердят, что маркиз^асостоит^а тайным пайщиком в трех банках, что для дворянина вообще-то считается позорным, но в последнее время, увы, получило большое распространение... Боюсь упасть в ваших глазах, леди Вита, но цель моего путешествия гораздо более приземленная, нежели в старые времена...

Понятно, подумал Сварог, еще раз оглядев потускневшие галуны на потертом камзоле. Больше шансов имеет преуспевающий делец и банкир, чем живущий по заветам предков благородный лаур. А у вас, молодой человек, сразу видно, блоха в кармане да вошь на аркане. И ручаться можно, что для вашей обожаемой Дарлины папенька давным-давно подыскал гораздо более приемлемую с его точки зрения партию, нежели голодранец, пусть и с герцогским титулом...

Послав Сварогу многозначительный взгляд, Яна вдруг предложила:

— Любезный герцог, не отобедаете ли с нами? Честное слово, в нашем замке вам ничего не грозит, большая часть ужасов, что рассказывают о Хелльстаде, преувеличена... Мне было бы очень интересно выслушать вашу историю, она наверняка романтична и увлекательна...

«Ну вот, началось, — беззлобно фыркнул про себя Сварог. — Еще в невестах состоит, а уже распоряжается, как у себя дома. Вообще-то парнишка и в самом деле выглядит так, словно последние пару дней и не ел толком... Ладно, в конце концов, никакой опасности от него не исходит, а обедать все равно пора...»

Юный герцог заметно покраснел:

— Леди Вита, я благодарен за столь высокую честь, но боюсь, что мои убогий наряд будет неуместен за королевским столом...

— Глупости, — сказал Сварог. — Мы здесь иногда мало придааем значения торжественным церемониям. Пойдемте.

Герцог в конце концов не заставил себя долго уговаривать. Разумеется, Вентордеран его потряс всеми своими чудесами и красивостями, как и многих, но он старался держать фасон и не выглядеть деревенщиной, нечаянно угодившей в высокие хоромы. Сварог велел золотым болванам накрыть стол в малой столовой — собственно говоря, одном из кабинетов, где он с соратниками порой обсуждал текущие дела за едой, — и не увлекаться изысканностями. Хотя герцог и держался в рамках строгого этикета, предписывающего дворянину вести себя за королевским столом со всем возможным изяществом манер, но незаметно для себя ел за троих. Первое время он все же украдкой бросал и вокруг, и на соседей по столу настороженные взгляды — наверняка боялся, что Сварог с Яной вдруг обернутся мерзкими чудовищами и им самим закусят на десерт, — но понемногу освоился.

Когда подали вино, он, к радости скрывавшей нетерпение Яны, разговорился. История оказалась достаточно

банальная, хотя и с поправкой на специфику здешних мест.

Когда-то владения герцогов Кормиков были весьма обширны, но судьба сложилась так уж несчастливо, что во время нашествия Глаз Сатаны чуть ли не все они остались на этой стороне Великого Канала, в местах, откуда лоранцы бежали в панике, — а на той стороне оказались сущие клочки с парой деревень. Так что уже несколько поколений герцогов Кормиков, называя вещи своими именами, пребывали в самой пошлой бедности. Ухлопав прихваченные при бегстве фамильные драгоценности, они все же построили некое подобие фамильного замка, но, судя по тому, как немногословен был юный герцог в описании того замка, хвастаться там было особо и нечем. Помянутый маркиз Оранди, наоборот, ничего не потерял из своих немаленьких владений, граничивших с остатками былой роскоши Кормиков. Ну, и дальше все протекало довольно банально: мальчик с девочкой, товарищи детских игр, выросли, превратившись в юношу и девушку — а там и пылкая любовь... Юного герцога никак нельзя было назвать мечтателем не от мира сего, и он прекрасно понимал, что маркиз дочь за него не отдаст ни за что.

И был достаточно практичен, чтобы не предлагать любимой излюбленной романистами тайное бегство с последующим венчанием: поскольку отлично знал, что сдержать молодую жену ему просто не на что. Вот тут он и познакомился в столице с одним человеком, А который определенно внушал доверие...

— Довольно, — сказал Сварог. — Можете не продолжать. Вы ему приглянулись, он был тронут вашей историей и за смешные, в общем, деньги продал вам верную карту богатого клада, зарытого в глубине Хельстада... Правильно?

Герцог ошеломленно уставился на него:

— Откуда вы...

— Вечно одно и то же... — скучным голосом проворчал Сварог. — На ту же удочку попались, герцог. Сколько заплатили?

— Двадцать золотых денариев. Почти все, что у меня было. Едва хватило, чтобы нанять суденышко... — на его лице изобразилась нешуточная тревога. — Ваше величество, вы полагаете...

— Я не «полагаю», — сказал Сварог. — Я знаю. У меня хорошая тайная полиция... И по тюрьмам у меня — правда, в других королевствах — сидит немало таких умельцев. Не покажете ли карту? Ну да, великолепно состарена под раритет этак вековой давности, края разлохмачены, подпалины, пятна, прорехи... Определенно, кермельская работа. Они там как раз специализируются на картах с кладами, главным образом пиратских, но и Харум стороной не обходят. Фальшивые дворянские грамоты, документы Сословий и гильдий подделывают в Таурате, моя тайная полиция там накрыла четыре мастерских, но честно признала, что под корень не извела. Специализация у них, знаете ли. В одних городах стряпают фальшивые бумаги на корабли и грузы, в других — векселя и закладные... Мой министр тайной полиции как-то прочитал целую лекцию. В довесок, бесплатно, вам, конечно же, преподнесли убедительную историю и клада, и карты?

— Да, конечно, — сказал герцог, сидевший с убитым видом. — Как он рассказывал, лет сто назад некий дворянин проник в Хелльстад и отыскал сокровища, но его преследовали здешние чудовища, он был ранен, без пищи и воды, понял, что до Итела, где оставил суденышко, с тяжеленным мешком ни за что не доберется, что его настигнут раньше... Поэтому он закопал все в пещерке в горах, хорощенько запомнил место и из последних сил пустился к реке... Успел уплыть. Добрался до Пограничья, нарисовал карту, но рана опасно воспалилась, и он умер там же, на постоялом дворе... Карта прошла через множество рук... Сварог иронически добавил:

— И почему-то никто так и не попытался завладеть сокровищем, в том числе и ваш продавец — сплошные трусы подобрались, надо полагать... Герцог, даю вам честное королевское слово: в Хелльстаде нет кладов. По крайней

мере таких, о которых я бы не знал. Парочка закопана примерно в тех самых горах, где якобы лежит ваше мое сокровище, еще один — на берегу Итела, на границе с Ямурлаком... но одна старая колдунья, которой я все-цело доверяю, утверждает, что от всех трех невыносимо смердит черной магией и советует обходить их десятой дорогой...

— Как же теперь... — прошептал герцог. Он не плакал, но был определенно близок к тому. — Нельзя не верить королевскому слову... Дарлина... Будущее... Он ее непременно выдаст за того старого скота, набитого денариями...

— Но должны же мы что-то для него сделать! — воскликнула Яна. — Что тебе стоит?

Сварог покосился на нее. Личико и глаза в точности такие, как если бы она смотрела сейчас один из множества романтических сериалов, на которые здешнее телевидение так богато.

Пожав плечами, Сварог установил правую руку локтем на столе, поднял указательный палец и повел им из стороны в сторону, тихонько приоткрылась дверь, и пару мгновений спустя в нее вплыл летевший высоко над полом густой ручеек золотых монет, происходивших из сундука в тронном зале. Передние достигли стола и стали кучкой громоздиться перед изумленно взиравшим на них герцогом. Кучка росла, росла, росла, звеня и похрустывая, стала высотой в локоть... Хватит, пожалуй, подумал Сварог, вполне достаточно для той цели, которую юноша перед собой поставил.

Чуть подумав, он еще раз пошевелил пальцами, и поверх груды золота легло ожерелье с крупными рубинами.

— Это вашей Дарлине — от меня, — сказал Сварог. Покосился на Яну и добавил: — От нас. Не бойтесь, золото самое настоящее, оно не превратится в черепки или еще какую-нибудь дрянь, когда вы покинете Хельстад... Сейчас придумаем какой-нибудь мешок, тут слишком много, чтобы распихивать по карманам...

— Но ведь такое бывает только в сказках... — прошептал юный герцог, завороженно созерцая увенчанную ожерельем груду золота.

— Не всегда, — пожал плечами Сварог. Он нагнулся над столом и впился в собеседника серьезным взглядом. — Вы знаете, герцог, я не добряк и не простак. Просто... После некоторых из тех вещей, что мне приходилось делать, хочется иногда совершить и что-нибудь хорошее. Просто так. Бескорыстно. Чтобы девушка досталась тому, кто ее любит, а не набитому золотом старому скоту... И не вздумайте благодарить у н и ж е н н о, суетливо. В этом случае назад я у вас ничего не отберу, но уважать перестану...

Герцог отодвинул стул и встал, выпрямился, лицо у него стало серьезным и взрослым.

— Ваше величество, — сказал он, чеканя каждое слово. — Если вам когда-нибудь понадобятся люди, готовые за вас умирать, вспомните обо мне.

— Непременно, — сказал Сварог без тени улыбки. — Сейчас принесут какой-нибудь мешок... А потом я вас отправлю домой к о р о т к о й дорогой.

— Как это?

— Увидите, — сказал Сварог. — Я тут прикинул: домой вам придется плыть через Пограничье, Ямурлак и Харлан. Ну, Харлан — это еще куда ни шло, а вот в прочих местах одинокий человек с мешком золота может очень легко расстаться и с золотом, и с головой. Особенно когда его везет команда с такими рожами, как у вашей. И не спорьте. Мне пришлось побродить по этим веселым местам, когда я еще не был королем, и я знаю, о чем говорю... Считайте это единственным условием.

Герцог молча наклонил голову.

Что до Сварога, ему пришла в голову идея из тех, которые он иногда без ложной скромности называл гениальными...

— Садитесь, герцог, — сказал он. — Выпьем по бокалу за ваше удачное будущее. Мне вот тут пришло в голову...

— Конечно, ваше величество. Я слышал от бабушки, бегство было не столь уж и паническим, предки, как многие, успели собрать и фамильные ценности, и фамильные бумаги...

— Отлично, — сказал Сварог. — Хотите получить все ваши земли назад?

— То было многолетней мечтой рода...

— Вот видите, как все прекрасно складывается, — сказал Сварог. — От вас потребуется — или от вашего отца — всего лишь привезти эти документы в мою резиденцию... нет, не сюда, сюда достаточно трудно попасть. У меня есть еще резиденция в Пограничье, в Готаре. Условия, правда, будут... точнее, одно-единственное. В свое время лоранские земли по эту сторону канала остались бесхозными. Лоран убрал отсюда свою администрацию, спустил королевское знамя... так что с юридической точки зрения эти земли стали именно что бесхозными. И я присоединил их к своему королевству Демур. Вы, наверное, слышали, что в Трех Королевствах у меня очень много свободных земель, но мало людей... так почему бы не вернуть иные владельцам? Тем, которые могут свое право доказать? Но условие одно: вы выходите из лоранского подданства и переходите в демурское. В мое. Что вы сами об этом думаете, и что, по-вашему, скажет ваша семья?

Герцог не особенно и раздумывал.

— Я полагаю, ваше величество, никто не будет долго раздумывать, — сказал он уверенно. — Коли уж речь идет о наших старинных фамильных землях. А что до лоранского подданства... — он горделиво задрал подбородок. — Девиз нашего герба с незапамятных времен звучит так: «Королей много, а Кормик один». Я думаю, никто не станет долго раздумывать, — он посмотрел затуманным взглядом куда-то сквозь Сварога. — Может быть, и родовой замок сохранился... Я столько раз видел его на гравюрах...

— Между прочим, это касается не только вас, — сказал Сварог. — Я хотел бы, чтобы в Лоране знали: любой дворянин, который может подтвердить документами права на земли по эту сторону канала, получит их обратно. И не только дворянин — были и вольные города, и фритольдерские селения... Условие для всех одно: переход под демурское подданство.

...Герцога он отправил домой посредством компьютера Вентордерана: мэтр Лагефель, предварительно распросив юношу, провел его в ту самую небольшую кабину, нажал кнопки — и словно бы открылась дверь на незнакомое подворье. Заглядывавший им через плечо Сварог увидел небольшой, нескладный домик — пусть и снабженный предметом дворянской гордости, балконом, но мало походивший на фамильный герцогский замок. По двору неторопливо шагал пожилой человек, одетый непритязательно, но при дворянском золотом поясе.

— Отец! — что есть мочи закричал юный герцог и кинулся в «дверь», держа на весу немаленький мешок с золотом. Парой секунд позже он оглянулся, сообразив, видимо, что следовало поблагодарить еще раз, но, конечно, «двери» уже не увидел.

— Что ты так смотришь? — усмехнулся Сварог.

— Ты за краткое время столько добрых дел ухитрился сделать... — сказала Яна, глядя на него с уважением. — И свадьба у них будет, и столько людей получат назад свои земли...

— Ну, надо же когда-нибудь для разнообразия творить и добрые дела, — сказал Сварог с самым безмятежным видом.

На самом деле, на душе у него было чуточку неловко. Вполне возможно, взгляд Яны был бы не таким восторженным, знай она истины причины. Конечно, подаренное герцогу золото — пустячок для закромов Сварога — и в самом деле было чистой воды благотворительностью, но вот что касательно возвращения земель их бывшим владельцам... Тут уж он не добрыми делами занимался,

а самой что ни на есть грязной политикой. Подкладывал очаровательной королеве Лорана изрядную свинью. Едва пройдет слух, что король Сварог возвращает бывшие лоранские земли потомкам их владельцев при условии всего-то перехода в его подданство, прекрасная Лавиния многих подданных недосчитается. Как говорится, мелочь, а приятно. Небольшой ответный подарок за те пакости, что она ему устраивала, включая четыре попытки подослать убийц...

Глава IV

О ДРЕВНЕМ ВЕТРЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Старуха Грельфи никогда в жизни к публичности не стремилась, наоборот. Она и в Латеране подыскала себе небольшой домик, хоть и на приличной улице, но стоявший поодаль от суэты и многолюдства, упрятанный в глубине старого, заросшего сада. Так что Сварогу с Барутой пришлось долго ехать шагом по извилистым дорожкам, то и дело уклоняясь от нависавших над ними веток, а один раз Сварогу вообще пришлось спешиваться и поднимать сбитый корявым суком бадагар.

В небольшой прихожей на сей раз не толклись обычные старухины информаторы и агенты, всегда выглядевшие неприметными и неинтересными. Только в уголке, притворяясь дремлющим, старательно бдил здоровенный парняга — из тех, кого Грельфи подыскала еще в Пограничье. Сварог он, естественно, моментально узнал и почтительно принял подобие стойки «смирно». Небрежно махнув ему рукой и кивнув Баруте на соседний стул, Сварог стал подниматься на второй этаж по узкой, выгибающейся дугой лестнице. Неизвестно — да и неинтересно — кто построил этот домик в аристократическом районе лет сто назад, но у него определенно были причины опасаться внезапного нападения: лестница примы-

кала к право й стене дома, а слева оставалось свободное пространство. Нападавшим, рвавшимся наверх, было бы трудно управляться с мечами — а вот защищавшему верхнюю площадку лестницы было бы гораздо сподручнее действовать оружием. Старый фокус, Сварог таких лестниц насмотрелся в гланских замках.

В комнате, служившей старухе кабинетом, вовсю шла работа: большой стол уставлен большими и маленькими ящиками наподобие тех, в которых почтари доставляют посылки. Грельфи, Элкон и девятый член команды, Янош, барон Тайрен, извлекали кучу разнообразных предметов, завернутых то в тряпки, то в мятую бумагу, осторожно, разворачивали, бегло осматривали, укладывали рядками на свободной половине стола.

Сварог придвинул ногой стул, уселся и сказал:

— Я вижу, с хорошей добычей?

Янош месяц провел на Сильване, старательно обходя антикварные лавки в больших городах, а временами в простонародном облике вместе с двумя помощниками отправлялся в близлежащие деревни, изображая старьевщика, которому обычно волокут любой хлам. Сварог не помнил, к каким там именно наукам усмотрели у парня способности в свое время лицейские наставники, но вроде бы точно не к тому, чем Янош увлеченно занимался все время службы. У парня был просто-таки талант выискивать в пыльных закромах антиквариев разные интересные вещицы, чутье какое-то работало — а потому именно он в девятом столе и занимался «черными археологами» и их потаенным рынком, куда уже почти что внедрился под соответствующей маской — не стесненного в средствах юного дворянчика, а, из прихоти тратившего папенькины денежки не на игорные дома и веселых девиц, а разные древние вещички (и не задававшего вопросов по поводу их происхождения).

— Разберемся, посмотрим, — ответила за Яноша Грельфи, поднеся к самым глазам какой-то стеклянный шарик с вплавленными в него медными завитушками. — Кое-что интересное уже есть. Я вот думала, что ни единого «грозо-

— А для чего он? — спросил Сварог.

— А для пакостей, — ответила Грельфи. — Если засунуть в полночь, и непременно березовой лопаткой, с неделю потом на несколько лиг вокруг будет бушевать жуткая гроза, с молниями, а то и с градобитием. И с ливнем, конечно. Нужно только знать слова. Я-то знаю, а вот молодое поколение забыло напрочь. А потом выкапываешь и используешь еще хоть сто раз, — она с уважением разглядывала шарик. — Хорошая старая работа, нынче так делать разучились, вымирает высокое колдовство, да и ведьмачество тоже...

— Ну, что ж, — подумав, сказал Сварог. — В принципе, вешь в хозяйстве нужная, мало ли где пригодится... Отец Алкес, я полагаю, к этой штуке отнесся бы крайне неодобрительно?

— А то как же, — сказала Грельфи. — У него, упрямца, позиция известная: черная там магия или белая, злая или просто никакая — а все равно нужно изничтожать все подряд в е щ и ч к и...

— Ну, мы ему не скажем... — рассеянно произнес Сварог. Подошел к столу, присмотрелся к разнообразным диковинным предметам, чье предназначение выглядело предельно загадочным. — Потрогать-то что-нибудь можно?

— Умнеешь и взрослеешь, светлый король, — одобриительно кивнула Грельфи. — А то раньше, помню, хваталася за что попало, не подумав толком, и порой кончалось скверно... — она торопливо добавила, сурово косясь на молодых людей, занятых работой. — Я это не для того говорю, чтобы твой авторитет уронить в глазах подчиненных, просто хочу им самим лишний раз напомнить, что к иным штуковинам нужно подходить очень осторожненько, а то и вообще сразу в воду выкинуть, только непременно в текучую...

Янош отозвался не без подначки:

— Ну, в конце-то концов, все это упаковали и привезли без сюрпризов...

— Упаковать и привезти что угодно можно, — проворчала Грельфи. — А вот потом, ежели начать вертеть и дергать то, что дерганью и верченью поддается, может получиться грустно... У вас ко мне дело, светлый король, или просто по доброте душевной навестили убогую струшонку, никому уже на этом свете не нужную?

— Поговорить бы с глазу на глаз, — сказал Сварог.

— Всегда к вашим услугам, — она показала на уже знакомую Сварогу дверь. — Извольте в мой кабинет. Ага, мы теперь не хуже разных там прочих, кабинеты имеем... А вы, соколы мои, все аккуратно разворачивайте, только ничего не вертите... Как бы оно безобидно ни выглядело... Куда? — прикрикнула она на Элкона.

— Но ведь выглядит именно что безобидно, — сказал Элкон, пожимая плечами.

Янош добавил:

— И продавали эту штуку не саму по себе, а приложением к «Трактату о замысловатой оптике». И еще несколько вещиц.

— Дети малые... — проворчала Грельфи. — «Трактат о замысловатой оптике» с незапамятных времен числится в списке запрещенных книг, что на земле, что там, — она ткнула большим пальцем в потолок. Почему, представления не имею, зато в молодости знала человечка, которого за хранение этого самого трактата надолго за решетку отправили. Оптика, надо полагать, разная бывает...

Сварог присмотрелся. Штука эта, на его взгляд, выглядела вполне безобидно: на бронзовом стержне одна над другой разместились штук восемь выпуклых линз в бронзовой же оправе, на коротких ручках. Сразу видно, что ручки можно вертеть вокруг стержня — и всякая линза своего цвета, густонасыщенного: синий, фиолетовый, зеленый... Ни одного простого стеклышика. Сначала он подумал, что они подобраны по цветам спектра, согласно облегчающей жизнь студиозусам поговорке-подсказке «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан» — нет, совершенно в другом порядке расположены...

— И вообще, — сказала Грельфи. — «Трактат о замысловатой оптике»?.. Уж и не припомню с каких времен трудами разных там отцов Алкесов канул в совершеннейшую пропащность, на Таларе его никто и не видел, а на Сильване, значит, сохранился кое-где... Из-под полы брал, конечно?

— Ну да, — сказал Янош. — У «черного перекупщика».

— Следовало ожидать... — проворчала старуха. — Ладно, я пойду поговорю с его величеством, а вы тут, в сотый раз повторяю, не вертите ничего...

«Кабинет» у нее, конечно, был непрятательный — небольшая комната со столом, двумя креслами и обшарпаным шкафчиком, из которого Грельфи проворно вытащила две серебряных стопки и бутылку «Кабаньей крови» лучшего сорта — коричневого стекла, с коротким фигурным горлышком и отлитым сбоку выпуклым силуэтом кабана. Любила старушенция себя потешить маленьками радостями жизни. И, как всегда, разливая по стопкам, проворчала:

— Не подумай, светлый король, не на казенные денежки куплено, а на собственное жалованье, коим, благодаря твоим милостям не обижена...

— Ну? — нетерпеливо спросил Сварог, едва стопки опустели. Два дня назад он дал ей прослушать запись разговора с Литтой — авось что-нибудь полезное да извлечет. Старуха с унылым видом пожевала губами.

— Нечем мне тебя порадовать, твое величество, — сказала она наконец. — По самой простой причине: ни магии, ни колдовства, я тебе точно скажу, там нет ни капельки. Одна техника, — протянула она с оттенком презрения. — Теперь, куда ни плюнь, одна техника, а в ней я не разбираюсь совершенно, куда мне. Одно интересное попалось — эти самые «хваталки». Знаешь, почему интересное? Да потому, что раньше, давным-давно, это была никакая не техника, а самое натуральное заклинание под названием «тихая воровашка». Не такое уж распространенное, но владели им многие. Стоило, правда, дорого — поскольку покупатели его использовали исключительно

для своего каприза, а значит, готовы были раскошелиться.
С таких и содрать не грех.

— Зачем? — спросил Сварог.

— А ты не догадываешься? — фыркнула Грельфи, приворно наполняя чарки. — Ну, вот представь: есть человек, у которого походка самая неподобающая: и сутулится он, и ноги волочит, пришаркивает, одним словом, неуклюжий и нескладный, как корова на крыше. А ежели это благородный господин, большой любитель прекрасного пола? Только дамы, его завидя, со смеху помирают и дают обидные клички. Вот идет он к колдуну — если знает, куда идти — платит хорошие денежки... Колдун в два счета выискивает подходящую персону: с великолепной осанкой, с красивой походкой, изящными движениями и все такое прочее... И крадет это все. Собственно говоря, и не крадет вовсе, поскольку все это так и остается у и сползовано, но и заказчик все то же самое получает. Ну, теперь совсем другой человек, дамы совсем иначе относятся... — она осушила свою чарку и захихикала, показав немногочисленные зубы. — Или, скажем, еще почище: нету у человека ни искусства, ни фантазии с дамами в постели обращаться замысловато и изобретательно, скучный он в постели, недовольны им дамы и продолжать знакомство не спешат... Снова берется колдун... Ясно?

— Да уж чего яснее, — сказал Сварог. — Берется какой-нибудь искусный дамский угодник и втихомолку «обворовывается».

— Ну да. Да мало ли для чего ту штуку можно было применить... И ведь сплошь и рядом не для злых дел. Но нашим «багряным» все одно: раз магия — гони, лови... В молодости знаяла я двух человек, владевших «тихой воровашкой», у одного сама хотела научиться, но не успела, потому как обоих сгребли. С тех пор я даже и не слышала, чтобы кто-то умел... А теперь, выходит, для того же самого дела приспособили технику... — она хватила третью стопку и откровенно пригорюнилась. — Погубила эта техника наше ремесло... Почитай, на нет свела... — и она выразила свое отношение к техническому прогрессу парой

фраз, способных завистливо разинуть рот драгунского вахмистра. — И еще кое-что... Вот что я тебе скажу, светлый король, со всей ответственностью: зря ты Янку запер в Хелльстаде. Никакие такие «хваталки» ей не грозят. Вам всем — да. Но только не ей. Головой клянусь, можешь ее оттуда смело выпускать. Потому что — Древний Ветер... Сыпал про такую магию?

— Излагали мне крайне скучно, — сказал Сварог. — Поэтому что мало что про нее помнят.

— Это точно. Мало. Но кое-что помнят все же, — Грельфи значительно подняла палец: — Я тебе хоть головой, хоть чем угодно поклянусь: на того, кто владеет Древним Ветром, ни ч е г о не действует. Ни ч е г о, соображаешь? Ни магия, ни, прости за выражение, техника. Никакая. Почему так, я не знаю и никто не знает. Но — не действует. Так что можешь смело ее выпускать. Н и ч е г о на нее не подействует, будь этих «хваталок» или чего-то другого хоть сотня. Янка, правда, сама до сих пор плохо представляет, чем владеет, и умеет пользоваться лишь крохотной долей... но сути дела это не меняет. Коли уж она вся п р о н и з а н а Древним Ветром, в каждой капельке крови, в каждом волоске, в каждой той самой... не помню, как это называется по-ученому. В каждой частичке тела. И начни она всерьез осваивать все, что в ней заложено... Эх... — старуха помотала головой, не находя слов. — Вы бы все такое увидели... Только она не хочет. Ей и так хорошо. Пользуется иногда вершками, а с г о л о в о й уходить не хочет.

— Может, это и правильно? — тихо спросил Сварог.

— Ну не знаю, не знаю... — Грельфи мечтательно уставилась в потолок. — Мне бы хоть частичку... Эх... Помнишь, как-то сидели с отцом Алкесом, и он вспоминал, что я по юной глупости хотела продать запеченного с потрохами гуся на перекрестке дорог сам понимаешь кому?

— Припоминаю что-то.

— А это, между прочим, была вовсе не юная глупость, — сказала Грельфи почти шепотом, наклонившись к нему через стол. — Знаешь, чего я тогда хотела? Хоть

кусочек Древнего Ветра. И он ведь пришел, уж я-то знала, как «продавать гуся», все в точности выполнила. Только едва он услышал, что мне нужно, перекорежился весь, закорячился и в землю ушел. Тогда я и поняла, что Древний Ветер — не черная магия, а что-то совсем другое... В общем, ты за нее не бойся нисколечко. И любое заклинание, и любой фортель вашей техники... Так что нечего ее там держать, как в тюрьме. Ни к то у нее никогда ничего не украдет. Потому как — Древний Ветер... Неуязвимая она у тебя. А ты, дурная голова, уж прости между своими, и не понял, что за девушка тебе досталась. Единственная в мире владелица Древнего Ветра...

— Подожди, — сказал Сварог. — А как же та история на Сильване? Когда ей было двенадцать? Уж ты-то должна помнить...

Грельфи фыркнула:

— А еще толкуют со всех сторон: великого, мол, ума король Сварог... Тогда на нее ни магией, не техникой не действовали — дурили голову чисто словесно. И созданием соответствующей обстановки. Соображаешь, в чем тут разница? То-то... Чего ты хочешь, двенадцать лет было девчонке. Это сейчас ей никакой пройдоха голову не задурит. В общем, держать ее в Хелльстаде совершенно незачем. В любой момент можешь выпустить.

— Грельфи, — сказал Сварог негромко, холодно, наклонившись вперед. — Если что, головой отвечаешь...

— Отвечаю, — сказала старуха тихо и серьезно. — Поэтому что точно знаю: от Древнего Ветра все отлетит, как горох от стенки. Уж ты поверь...

...Статс-секретарь, распахнув золоченую половинку двери малого кабинета, бесстрастно доложил:

— Ваше величество, графиня Дино...

Сварог кивнул, и секретарь отступил на шаг, пропуская Маргилену, после чего бесшумно прикрыл за собой дверь. Встав и обойдя стол, Сварог остановился перед ней, и она низко присела в церемонном поклоне, ничуть не изменившаяся за последние годы, что они не виделись: светловолосая и сероглазая, очаровательная — и все такая же

легкомысленная и ветреная на вид, и ее глаза пуританин по-прежнему называл бы бесстыжими, а поэт — игривыми... Сварог прислушался к себе, но не испытал и тени умиленной ностальгии по прежним временам и прежним приключениям — как-то это у него не работало, совершенно... Во всяком случае, крайне редко срабатывало, но безусловно не сейчас.

— Прошу вас, графиня, — сказал он, придвигая Маргилене кресло высшего разряда. Вновь занял свое место.

Маргилена села, как школьница в классе, даже не сделав попытки положить ногу на ногу. Ее очаровательное личико было серьезным, а взгляд — пытливым: ну конечно, она просто-напросто гадала, как т е п е р ь следует с ним держаться. За все эти годы Сварог видел ее раза три, во дворце, на торжественных приемах, издали. Но о том, что образ жизни она ведет п р е ж н и й, знал прекрасно — трудами незаменимого Интагара.

«Черт знает чем приходится заниматься, — подумал он сердито, — но никуда не денешься...»

— Маргилена... — сказал он.

— Да, ваше величество? — произнесла она, глядя также серьезно и настороженно.

Сварог усмехнулся:

— В кабинете прямо-таки чувствуется тягостная неловкость... Верно? По-моему, мы когда-то были на «ты». Почему бы не держаться, как прежде? С той же непринужденностью?

Она впервые улыбнулась прежней улыбкой — лукавой и не глупой:

— Всякое бывает. Иногда люди очень меняются, достигнув... высот. Я, правда, могу держаться, как прежде?

— Конечно, — сказал Сварог. — Мне бы того очень хотелось.

— Ты велиишь подать кофе или вина, и мы будем вспоминать старые добрые времена?

— Вот уж на что у меня нет никакой охоты, — признался Сварог.

Она вздохнула с несомненным облегчением:

— Вот и славно. У меня тоже нет привычки смотреть назад. Что-то было красиво, что-то просто прелестно, но оно — ушлого... Значит, ты не изменился, правда?

— Для старых знакомых, думаю, нисколечко.

— И с тобой можно говорить так же непринужденно, как в прежние времена?

— Ну да.

— Просто прекрасно, — сказала прежняя Маргилена. — Знаешь, чего я все это время боялась?

— Ну откуда?

— Что ты захочешь возобновить прежние отношения, — сказала она, потупясь с наигранным лукавством. — Я бы тогда оказалась в чертовски сложном положении. Ты как-никак король, а королям отказывать просто не принято... но я никогда не смотрю назад. Ни разу не возвращалась ни к одному из прежних любовников. Вот не могу, и все. Натура такая, — она глянула чуть насторожено. — Ты, случаем, не собираешься предложить...

— Не беспокойся, — сказал Сварог. — Что было — то прошло.

— Ох... — вздохнула она облегченно. — Я тебя обожаю, вернее подданной у тебя нет...

— Ловлю на слове.

— Ты о чём? .. .

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — Я слышал, у тебя все по-прежнему?

— Я о тебе слышала и более интересные вещи, — сказала Маргилена с очаровательной улыбкой. — Иные сплетни императорского двора и до нас долетают...

— Ну, как-то так получилось... — сказал он, и глазом не моргнув.

— А Мара?

— Самое смешное, что они отлично уживаются, — сказал Сварог.

— Ну, тебе всегда везло на женщин. На меня в том числе, — она мечтательно улыбнулась. — Знаешь, я не люблю вспоминать прошлое, но иногда что-то вроде гордости чувствую: я была любовницей нынешнего великого коро-

ля Сварога, когда он... — Маргилена глянула настороженно. — Или тебе, как некоторым, неприятно вспоминать о таком прошлом?

— Ну что ты, — усмехнулся Сварог. — Наоборот, так даже забавнее: вспоминать себя бесприютным бродягой, за которым, полное впечатление, гонится весь белый свет...

— Вот и хорошо, — вздохнула Маргилена облегченно. — Нет, правда, я иногда вспоминаю, как ты у меня прятался, гонимый и бесприютный... Я никому никогда не рассказывала, ты не думай, — и уставилась на него не без уважения. — И как это ты ухитрился столько наворотить...

— Сам удивляюсь, — хмыкнул Сварог. — Как-то само собой подворачивается — не то, так это...

Он никак не мог перейти к серьезному разговору, для которого ее и вызвал, — и немного злился на себя. Очень уж тема щекотливая...

— Значит, живется тебе по-прежнему весело? — спросил он.

— Ну конечно, — безмятежно ответила Маргилена. — Правда, с некоторых пор стало самую чуточку скучнее: мне почему-то больше ничего не поручает восьмой департамент, не хватает приключений и интриг...

— Постараюсь что-нибудь придумать, — сказал Сварог. — Есть одна миссия на Сильване, как для тебя созданная... А пока что... Маргилена, у меня к тебе очень серьезный разговор.

— Да?

— Щекотливый разговор, — сказал Сварог. — В жизни бы не подумал, что придется такой вести, но нет у меня другого выхода...

— Ты меня заинтриговал, — улыбнулась Маргилена. — Умираю от любопытства... Долго ты намерен меня томить? Я же, если ты помнишь, любопытна, как десять министров тайной полиции...

— Тебе все это определенно не понравится, — сказал Сварог. — Всерьез предполагаю, что не понравится. Но

нет у меня другого выхода... Ну, ладно! — воскликнул он, решившись. — Речь пойдет о тебе... точнее, о твоем муже. У вас ведь все по-прежнему? Две ночи любви в месяц... а иногда, если ты закапризничашь, то всего одна...

— А иногда и ни одной, — с лукавым блеском в глазах сказала Маргилена. — Когда я бываю очень уж... занята.

— Ну да, я помню, — сказал Сварог. Теперь, когда дело сдвинулось, ему стало как-то легче. — Сапоги любовников валяются в коридоре у дверей твоей спальни... Любовники с тобой непринужденно завтракают в главной столовой, вежливо раскланиваясь с вошедшим мужем... И все такое прочее...

— Ага, — сказала Маргилена без тени смущения. — Все, как в прежние времена. Такая уж у меня живая и непосредственная натура. А он давно смирился.

— Думаешь, он не переживает?

Маргилена на минутку призадумалась.

— Ну, вообще-то... — протянула она без всякого раскаяния. — Мне думается, иногда все же переживает чуточку...

— Я бы не определил это как «чуюточку», — сказал Сварог. — С тех пор, как он стал главой Казначейства и мы часто общаемся, я успел к нему присмотреться. Он переживает всерьез и постоянно. Хотя старательно это скрывает. Ну, у меня есть кое-какие возможности, каких нет у обычного человека, и я вижу, чувствую...

— Честное слово, я не понимаю, к чему весь этот разговор... — пожала она точеными обнаженными плечами.

— Он мне просто необходим как министр финансов, — сказал Сварог. — Пожалуй, он лучший финансист королевства, один из лучших финансистов Талара... Великолепный мастер своего дела.

Маргилена сделала капризную гримаску:

— Вот эта сторона его жизни меня не интересует совершенно. По-моему, нет ничего на свете скучнее финансов. Нет, конечно, я, как примерная жена, рада, что он сделал у тебя такую карьеру... Но слово «финансы» на меня наводняет смертную тоску.

— Признаюсь откровенно, на меня тоже, — сказал Сварог. — Но, в отличие от тебя, я *должен* этим заниматься. Так вот... Как бы охарактеризовать ситуацию поточнее... Он тебя любит по-настоящему и никого, кроме тебя, не хочет.

— Ой, да я знаю, — досадливо отмахнулась Маргилена. — Набила особняк смазливыми служанками, назначила неплохое вознаграждение той, что все же сумеет защищить его в постель, приглашаю в гости самых красивых и беспутных подруг, оставляю с ними наедине... Я же не чудовище, я понимаю, что мужчине необходима женщина. Но зачем же форменным образом подвигаться умом на мне? Это даже как-то и противоестественно, мне кажется... И ничего не могу с ним поделать. Подавай ему меня...

— Человек тебя любит.

— Откровенно говоря, мне от этой любви никакой радости. Одни неудобства и тоска, эти две ночи в месяц — такая беспросветность... Ты хоть знаешь, что он признает только две позиции, а все остальное считает извращением? Ты хоть знаешь, что он вбил себе в голову, будто «игра на флейте любви» унижает женщину? — она яростно фыркнула. — Да нисколечко это меня не унижает, наоборот, мне нравится... — она бросила на Сварога лукавый взгляд. — Сам должен помнить... И еще он мне спину царапает! И всегда выключает лампу, потому что заниматься любовью при свете — это опять-таки разврат... Знал бы ты, каково мне с ним приходится! Каждый раз в спальню идешь, как на пытку... — она посмотрела вопросительно: — А почему вдруг ты завел разговор именно об этом?

— Потому что я — король, — со вздохом сказал Сварог. — А он — лучший финансист страны. И мне просто необходимо, чтобы он работал идеально, в полную силу. Но он не может. Именно потому, что всерьез и постоянно угнетен вашими отношениями. А это, рассуждая с позиций не чувств, а голого практицизма, наносит нешуточный вред государственным делам, королевству, мне... И я твердо намерен исправить положение.

— Интересно, каким образом? — прищурилась Маргилена.

— Давай-ка забудем на минутку обо всем прошлом, — сказал Сварогенным голосом. — Сейчас перед тобой сидит король, и только король. Который в любую минуту может сказать любому из своих подданных: «Такова моя королевская воля». А добрый подданный королевской воле не смеет противиться...

— Чего ты от меня хочешь? — спросила она, насупившись.

— Вот это уже насквозь деловой разговор, — сказал Сварог. — Я хочу, чтобы ты перестала приводить любовников домой, чтобы твой муж никогда с ними не пересекался. Подыщи себе уютный домик для подобных встреч, если хочешь, целый особняк... если хочешь, это сделают мои люди и платить за все будет казна, у тайной полиции богатые фонды... Далее. Я хочу, чтобы ты с ним проводила четыре ночи в месяц, и никогда не отлынивала, не пропускала этих дней, чтобы ты... Ну, мы люди взрослые и опытные, так что будем называть вещи своими именами: я хочу, чтобы ты старалась изо всех сил, и он каждую ночь чувствовал бы себя на седьмом небе. Такова моя королевская воля. Я хочу, чтобы твой муж был весел, довolen и радовался жизни. Понятно?

Маргилена уставилась на него ошеломленно:

— Но ты же не всерьез...

— Я совершенно серьезен, — сказал Сварог с королевским металлом в голосе. — Положение нужно исправить, и я его исправлю. Повторяю: такова моя королевская воля. Все, о чем я говорил, ты будешь выполнять самым скрупулезным образом. Иначе... Уж извини, я сейчас не человек, я король. Иначе... Нет, я не собираюсь тебя пугать ни опалой, ни отлучением от дворца, — он натянуто улыбнулся. — В первую очередь оттого, что это опять-таки не лучшим образом скажется на твоем муже. Я сделаю изящнее. Для обычного человека это, может, и подлость, а для короля — рабочие будни... Так вот, тайная полиция в два счета и мастерски распустит слух, что ты — моя любов-

ница, и я чертовски ревнив. Для полного правдоподобия с парочкой твоих последних любовников и в самом деле приключится... что-нибудь крайне нехорошее. Но тут уж ты будешь виновата, а не я — коли уж не желаешь выполнить мою волю. Чем все это кончится? Все потенциальные кандидаты в любовники будут от тебя шарахаться, словно от адского пламени... И очень быстро у тебя останется один-единственный мужчина в жизни — законный муж... А теперь подумай, ты ведь умница, уж я-то тебя знаю... По-моему, гораздо выгоднее принять мое предложение, чем отказать... Как, Маргилена?

— Ты скотина, — выпалила Маргилена. — Делай со мной что хочешь, но ты скотина...

— Я король, — сказал Сварог не без грусти. — И поэтому любые ругательства в мой адрес бесполезны и бессмысленны. Маргилена, я не могу быть ни скотиной, ни мерзавцем, когда занимаюсь государственными делами и думаю о благе королевства...

Маргилена смотрела на него, словно обиженный ребенок. Она не плакала, но на ресницах поблескивали слезинки. Сварогу было ее по-настоящему жаль, но он старательно гнал это чувство — он был король...

— Ты не представляешь, каково мне будет... — она не всхлипывала, просто пару раз хлюпнула носом.

Сварог встал, подошел к ней, погладил по щеке и сказал насколько мог убедительнее:

— Маргилена, милая, это не моя прихоть, а государственная необходимость. Ну, постарайся уж как-нибудь потерпеть. Четыре ночи в месяц... Сними ожерелье. Ну?

Она, насупясь, расстегнула застежку, осведомившись вяло:

— А тут какие государственные интересы?

— Да просто хочу сделать тебе подарок, — сказал Сварог.

И положил ей в руку ожерелье из вентордеранского сундука — с рубинами, каких, пожалуй, не имелось ни у одной придворной дамы. Ага, природа взяла свое, Маргилена, как бы ни была обижена и расстроена, за-

ворожено уставилась на изящнейший образчик искусства давным-давно ушедших из этого мира ювелиров. Медленно застегнула на шее, встала, подошла к зеркалу и стала себя разглядывать с таким выражением, что Сварог понял: поединок выигран.

— Нравится? — спросил он, подойдя сзади.

— Покажи мне женщину, которой это не понравится...

— В подобных безделушках недостатка у тебя не будет, — сказал Сварог. — Нужно же как-то компенсировать тебе все неудобства... Мало того. Я тебя сделаю фрейлиной хелльстадской королевы. Очень скоро. Все твои недоброжелательницы и соперницы при дворе умрут от зависти.

— Но в Хелльстаде нет никакой королевы... — сказала она отрешенно.

— Скоро будет, — сказал Сварог, с радостью убедившись, что слезинки с ресниц она сморгнула, а новых так и не появилось. — И первый же знак фрейлины — твой. Хочешь, я приглашу тебя на свадьбу? Там великолепный замок... И компания избранная. Точно, все умрут от зависти...

— Мара?

— Там увидишь, — сказал Сварог, почувствовав легкую неловкость. — Ну как, мы договорились? Маргилена, у тебя будет все, что захочешь... А от тебя требуются сущие пустяки — чтобы он четыре раза в месяц был на седьмом небе. Ну, и все остальное, о чем я говорил.

— Это черт знает что, — сказала Маргилена сварливо, с бледной, но улыбкой. — Из меня делают проститутку, которой платят за то, что она спит с собственным мужем. Ситуация... Даже названия не подберешь.

— Не надо такого трагизма, — сказал Сварог. — Всего лишь уговорили почаше выполнять супружеские обязанности... Мы договорились? Можешь дать слово?

— Даю, — пробурчала она, поправляя ожерелье. Подняла лицо к Сварогу, улыбаясь чуть сердито, но уж никак не тоскливо. — И все-таки ты скотина...

Сварог развел руками:

— Я король, Маргилена. К великому моему сожалению...

— Но на свадьбу ты меня непременно пригласишь.

— Непременно.

Маргилена глянула лукаво, став почти совершенно прежней:

— А ничего, если я попытаюсь его развратить?

— Валяй, — сказал он.

— Ты, конечно, скотина... Но, с другой стороны, из всего этого можно сделать очередное веселое приключение. Развратить собственного непроходимо унылого мужа и сделать его хорошим любовником.

— Вряд ли у тебя получится, — со вздохом сказал Сварог (как легко догадаться, исключительно подначки ради).

И рассчитал все правильно: Маргилена, уже забыв о только что пережитых печалях, прямо-таки взвилась от возмущения:

— У м е н я?! Да я просто никогда не бралась за него всерьез! Да он у меня «шмеля в бутоне розы будет делать»!

Глядя на ее азартное лицико, Сварог облегченно вздохнул про себя: ну вот, кажется, получилось...

Глава V

СЮРПРИЗЫ И ТАЙНЫ

В Латерану Арталетта прилетела на самолете — точно ради, на одной из замаскированных под самолеты виман. Канцлер на многое смотрел сквозь пальцы, но Сварог все же старался не особенно зарываться. Однако «самолеты» не один он использовал — они были у Мары, у Арталетты, у Старой Матушки, а еще четыре в распоряжении конторы Интагара. Так гораздо быстрее перемещаться по Харуму в случае срочных дел... Свою он водил сам, Мара тоже — ну, а на всех остальных имелись надежные пилоты из его личной дружины (вот теперь она оказалась как нельзя более кстати).

Когда Арталетта вошла, он поднялся навстречу, сказал:
— Извини, что я тебя не встретил, бумаг куча привалила...

На ней был не мундир, а самое обыкновенное, вишневого цвета платье — значит, прилетела не с официальным визитом в качестве наместницы Ронero, а совершенно частным образом. Предупредив по ташу чуть ли не в последний момент, что вскоре вылетает. Хорошо еще, что он был не за облаками, а в Латеране, подписывал кучу бумаг, ставил печати — одобрял и запрещал, награждал и разжаловал, повышал и отправлял в отставку...

— Пустяки, — сказала она. — Ты и не обязан меня встречать. Кто ты, и кто я...

— Ты не просто наместница, — сказал Сварог, с удовольствием потягиваясь (всю гору бумаг перелопатил, осталось с полдюжины пустяковых). — Ты еще и очаровательная девушка, так что долг любого галантного кавалера...

Он сбился с шутливого тона, а там и вовсе замолчал, приглядевшись к девушке внимательнее. Лицо у нее было нехорошее — усталое, осунувшееся, едва ли не испуганное. Положительно, там в Ронеро, что-то произошло...

— Что случилось? — спросил он уже совсем серьезно, подойдя к ней вплотную. — Надеюсь, не заговор, не переворот, не пришлось же тебе срочно бежать? Интагар никаких переворотов не допустит, а заговоры, как орешки, щелкает...

Придвинувшись к нему совсем близко, едва ли не прижавшись, Арталетта шепотом спросила на ухо:

— Есть место, где нас точно не подслушают?

Отстрапилась, сначала указательным и средним пальцами изобразила ножки бегущего человека, потом большим и указательным отмерила то ли длину мизинца... То ли рост токерета. Ах, вот оно что...

— Садись, — сказал Сварог. — Здесь можно говорить совершенно открыто. О чем угодно и о ком угодно. Принял меры...

Так и было. В свое время ему пришло в голову, что токереты, чем черт не шутит, могут поселиться и в огромном Латеранском дворце, где для них найдется масса укрытий. И уж конечно, не просто так поселиться, в результате квартирного кризиса, а чтобы попытаться сунуть нос в его бумаги или компьютер — на их месте он так бы и поступил. Тем более что один изочных часовых, охранявших хозяйство Интагара, две недели назад клялся и божился, что видел в полутемном коридоре промелькнувшую тень, более всего похожую на крохотного человечка.

Именно тогда Сварог и спохватился. И его кабинет, и те комнаты Интагара, где хранились секретные бумаги,

были з а к у т а ны защитным полем, которое не всяким оружием ларов и возьмешь, что уж там говорить о токеретах. Генератор поля — машинка небольшая и простая в обращении, как плоскогубцы, у ларов детишки их частенько используют вместо клеток для домашних зверюшек. Он собирался предпринять еще кое-что, а также снабдить генераторами кое-какие хранилища секретных бумаг в других королевствах, но текучка заела, отложил на денек-другой...

— У тебя найдется что-нибудь выпить? — спросила Арталетта усталым, тусклым голосом.

— У короля да не найдется... — усмехнулся Сварог. — Вина или покрепче?

— Можно и покрепче.

Он достал из шкафчика бутылку келимаса, стопки, блюдечки с нарезанными сушеными фруктами. Сам чуточку пригубил, исключительно за компанию, а вот Арталетта свою стопку опрокинула одним духом. И сказала просто, без всякой аффектации, даже волнения:

— У меня во дворце объявились токереты.

— Так... — сказал Сварог. — Лаконично, по порядку и с самого начала.

И, стараясь, чтобы это получилось как можно более небрежно, нажал не самую заметную из множества кнопок на золотой пластине у края стола.

Не прошло и минуты, Арталетта еще ни слова сказать не успела, а в кабинете бесшумно объявился Интагар, присел в уголке, предварительно низко поклонившись Арталетте. Она держалась спокойно — не увидела в этом визите ничего удивительного.

— У герцогини во дворце объявились токереты, Интагар, — сказал Сварог. — Такие дела. Итак?

Расстегнув кожаную сумочку, украшенную жемчугом и золотыми финтифлюшками, самую новомодную (женщина остается женщиной, даже если она генерал гвардии), Арталетта вынула небольшой замшевый мешочек, развязала тесемку и, держа краешек над самым столом, перевернула. Что-то тоненько, мелодично зазвенело, рассыпаясь по темному полированному дереву.

Сварог присмотрелся, жестом подозвал Интагара, и тот тоже склонился над столом. Там лежали шесть крохотных, блестящих мечей с длинными рукоятями, длиной чуть поменьше мизинца. Для человека — безделушка, для токерета — отличное боевое оружие, двуручный меч. Которым, между прочим, нетрудно добраться до сонной артерии спящего о б ы ч н о г о человека...

Сварог кончиками ногтей осторожно взял один за эфес, поднес к глазам, повертел. Безусловно, настоящий, из хорошей стали. Легонько черкнул лезвием по обложке лежавшего тут же очередного статистического сборника (черт знает что приходится королю перелопачивать), и там остался глубокий порез — лезвие отточено до бритвенной остроты...

Поднял на Арталетту вопросительный взгляд.

— Вчера утром обнаружились у меня в спальне, — сказала она, не дожидаясь прямого вопроса. — Были воткнуты аккуратным рядком у края постели. Только они, и больше ничего, — и бледно улыбнулась. — Они не хотели меня убить. Если бы хотели, меня бы уже на свете не было...

— Пожалуй... — проворчал Сварог. — Просто деликатненько продемонстрировали, какие они проворные, и могут пролезть в любую щель...

— Примерно так он и сказал. Только в более дипломатической форме. Тот токерет, что пришел ко мне днем.

Сварог, конечно же, не стал заламывать руки и театрально восклицать: «Токерет?!» Он просто сказал:

— Рассказывай.

Арталетта вновь раскрыла сумочку:

— Примерно в полдень к гвардейцам у парадного входа подошел человек и попросил передать мне этот конверт. Его, конечно, сначала должным образом исследовали ваши люди, Интагар, я хорошо помню — указания короля — не обнаружили ни магии, ни ядов, я прочитала... и велела позвать его ко мне.

Сварог повертел конверт — самый обыкновенный, из хорошей белой бумаги, такие обычно сотнями заказы-

вают дворяне и отдают типографщикам отпечатать свой герб. На этом не было ни герба, ни единой надписи. Разломанная светло-коричневая сургучная печать — насколько можно рассмотреть и угадать, прежде припечатанная чем-то вроде перстня с дворянским гербом, но она изрядно раскрошилась, и герб уже не разглядеть толком. Внутри...

А внутри лежала самая обыкновенная визитная карточка, выдержанная именно в том хорошем вкусе, что присуще настоящему, старому дворянству: никаких излюбленных нуворишами жирных золотых разводов и прочей безвкусицы, плотная белая бумага с тоненькими сиреневыми прожилками (Сварог что-то не помнил такой бумаги), узенький золотой обрез, вверху изображен герб — опять-таки, согласно хорошему вкусу, не здоровенный, а довольно маленький, так что не сразу и различишь детали: дотир разделен горизонтально на две равных части, в верхней — якорь, который обвила то ли змея, то ли мифологическое морское чудище, какими их рисовали в старицу внизу — три кольца в ряд. Вроде бы ничего особенно странного, при всех своих скучных познаниях в геральдике Сварог все же знал оба символа, потому что они встречались на гербах практически во всех королевствах. Но вот надпись!

Альтерат Лог Дерег
Барон
ТОР-ПОЛКОВНИК
Клорена, Токеранг

— Ну что ж, — сказал Сварог, передав карточку Интагару. — Дурацкой шуткой это оказаться никак не могло, потому что по пальцам можно пересчитать людей, знающих, что такое Клорена и Токеранг... К тому же мечи...

— Вот и я именно так рассудила, когда решила его позвать, — сказала Арталетта. — Вошел... самый обыкновенный человек, обычного роста, обычной внешности, лет тридцати, даже симпатичный, одет, как дворянин, держится с уверенностью человека из общества, чувствуется

военная выправка... — она досадливо поморщилась. — И все же он был какой-то д р у г о й. — Прикусила нижнюю губку, встряхнула сжатыми кулачками. — Я просто-напросто не могу подыскать слова, чтобы объяснить, чем он от нас отличается... Но он какой-то д р у г о й... Ну, вот другой, и все! Вроде бы самый обычный человек, но другой...

— Не будем ломать голову над тем, чего пока понять не можем, — мягко сказал Сварог. — Он другой. Этого достаточно. Итак?

— Когда я прочитала карточку, сначала хотела позвать охрану, — сказала Арталетта. — Вы бы на моем месте тоже об этом в первую очередь подумали? Явный, настоящий, живой токерет, которого можно допросить...

— Да, я бы тоже... — сказал Сварог (и Интагар согласно кивнул).

— Вот только они наверняка такой оборот дела предусмотрели, — горько улыбнулась Арталетта. — Я не успела слова сказать, потянувшись к звонку, как он самым вежливым тоном истого дипломата предупредил: брать его в плен бесполезно, потому что ему вприснут быстро действующий яд. Если через полчаса он не получит противоядие, умрет в секунды — ну, а уж полчаса-то он под пытками продержаться сможет... Сволочь, — сказала она не без уважения. — Изящно придумано. Я почему-то не сомневаюсь, что все так и обстояло, как он говорил...

Сам Сварог тоже нисколечко не сомневался, что именно так и обстояло. Он прекрасно помнил Фиарнолл, потайную гавань и каменное лицо офицера, через секунду взорвавшего все — и гавань, и лодку, и сотоварищей по экипажу, и себя самого... С-самураи, мать их... Выдумщики...

— Я почему-то верила, что так и есть... — словно извиняясь, сказала Арталетта.

— Никто тебя не виноватит, — отмахнулся Сварог. — Лично я просто уверен, что он говорит правду, я с ними немного общался... Что дальше?

— Дальше... — протянула Арталетта. — Он вежливо осведомился, нашла ли я мечи. Я сказала, что нашла. Он

сказал, что я никоим образом не должна расценивать это как угрозу мне, что это совсем другое... Сейчас... Я запомнила дословно, это, всего-навсего, прекрасная герцогиня, иллюстрация одного философского учения, о котором вы, конечно же, не слышали. Небольшое напоминание о бренности бытия, о том, как тонка нить, на которой висит человеческая жизнь... Я плонула на дипломатию и прямо спросила: что ему нужно? Он вместо конкретного ответа вновь вывалил на меня кучу витиеватых дипломатических фраз. Они вовсе не питают к нам, верхним, враждебных намерений, не хотят, чтобы мы считали их врагами, несколько досадных инцидентов, что произошли прежде, следовало бы считать именно досадными инцидентами, к тому же не стоит забывать, что в результате этих инцидентов были жертвы с обеих сторон, так что, по его разумению, нет ни правого, ни виноватого... Нам бы следовало жить в мире, сказал он с определенной ноткой угрозы, потом повторил то же самое. И с этой точки зрения, продолжал он, кое-кого у них очень удручают надпись, сделанная на постаменте памятнику принцессе Делии. Находятся люди, которые трактуют ее как «В ожидании мести». Меж тем все счета касаемо мести сведены и закрыты — быть может, мне неизвестно, но Делия убила одного из принцев трона, так что счета сведены... Месть, сказал он, — обоюдоострый клинок... Вот, собственно, и все, — она посмотрела на Сварога. — Он настоятельно посоветовал подробно рассказать тебе о его визите. И выразил сожаление, что должен меня покинуть — ему скоро понадобится противоядие, а все, что он собирался сказать, уже прозвучало... Раскланялся и вышел, — она глянула на Интагара. — Конечно, я сразу же позвонила и вызвала ваших людей... Неподалеку от парадных ворот его ждал экипаж. Я велела только проследить, ни в коем случае не хватать — верила, что я есть, зачем нам труп? Но ваши люди его потеряли в городской толчее, у него и кучер был лучше, и лошади... (Интагар сердито насупился, судя по его виду, в Равене вскоре кое-кому придется очень и очень несладко). —

Собственно, это все... Я решила, не откладывая, лететь к тебе...

— И правильно сделала, — проворчал Сварог, уже начав кое-что обдумывать. — Значит, вот так... Мягонько и ненавязчиво, средь бела дня и с визитной карточкой... место службы, правда, не указано, хотя оно должно быть, но это пустяки... Тихая и ненавязчивая демонстрация...

— Чего? — спросила Арталетта. — Их возможностей? Того, что они способны пролезть в любую щель?

— Нет, — сказал Сварог. — Ты не поняла. А вот Интагар, насколько я могу судить по его одухотворенной физиономии, понял... Они нам продемонстрировали то-керета нормального размера. Ничем не отличающегося от обычных людей. Чтобы мы знали: такие уже есть. И ломали голову: уникальный ли это экземпляр, для создания которого понадобились годовые запасы энергии, или людей и техники нормального размера у них уже достаточно, чтобы представлять серьезную опасность... — не сдержавшись, он выругался и стукнул кулаком по столу. — И самое поганое — мы и впрямь будем ломать голову! Поэтому что обязаны ее ломать! В такой-то ситуации... Нервы нам решили помотать, твари... Начали...

Он замолчал, вспомнив, что его собеседники представления не имеют о термине «психологическая война» — а это, вне всякого сомнения, она в двери стучится, зараза...

И тут же взял себя в руки. Спокойно сказал:

— Интагар, стопка вон там, в шкафчике... Да не жеманьтесь вы, всем нам не помешает добрый глоток... (вечерело, в кабинете стало темновато, и он включил карбамильскую лампу, повернув фигурный рычажок). Ну, что же... Случилось, так случилось, и я рад, что не наблюдаю среди присутствующих ни паники, ни истерик. С какой стати? Нам еще не наступили на глотку. Мы, конечно, будем ломать головы над возникшей проблемой — но так, чтобы это не шло в ущерб всем остальным делам... Интагар, что там у нас насчет питомников? Вы должны были уже все выяснить?

— Я выяснил, государь, — спокойно сказал Интагар, блаженно сощурившись после опрокинутой стопки. — Выяснилось, что в городах, особенно крупных, питомники терьеров-крысолотов — крайне развитое и доходное ремесло. Многие по старинке пользуются капканами или отравой, но многие предпочитают именно терьеров. Считая, что так гораздо надежнее. Не зря владельцы питомников числятся в Серебряной гильдии, наряду с содержателями пса-арен и пса-рями. Это общая картина. Что касается частностей — в Латеране нашлось одиннадцать питомников, где сейчас, не считая, согласно вашим указаниям, не прошедших обучения до конца собачек, двести восемнадцать полностью обученных крысолотов и тридцать четыре готовых к найму собачника. Видите ли, иные покупают просто собак, но люди солидные, например, владельцы крупных складов, где крысолотов требуется не один, два, а пара дюжин, предпочитают нанимать еще и специально обученного человека. Свободных собачников — целых шестнадцать, а вот с самими собаками — посложнее. Они все до одной оплачены и заказаны заранее... но ведь это для нас не препятствие?

— Какое же это препятствие? — ухмыльнулся Свярог. — Расчеты произвели? Со знающими людьми поговорили?

— Конечно, — сказал Интагар. — Объекты, о которых вы распоряжались, остаются прежними? Новых не прибавится?

— Пожалуй, нет.

— В таком случае... — Интагар уставился в потолок, зашевелил губами. — Латеранский и Равеннский дворцы, учитывая их размеры, потребуют каждый по сорок собак и по два собачника. Сноль... Там, как меня заверили, достаточно будет и двадцати с одним собачником. В Глане, вы сами сказали, наши собаки совершенно не нужны, там хватает своих... Далее... Все учреждения, указанные в вашем списке. Общим числом — не менее восьмидесяти собак и дюжины собачников. У Старой Матушки дворец невелик, в нем, собственно и располагаются все требую-

щие защиты учреждения... так что, там будет достаточно пятнадцати. И одного собачника. В Сергур – двадцать собак и одного собачника. Итого – двести пятнадцать собак и девятнадцать собачников.

Сварог ухмыльнулся:

— Двести пятнадцать? А всего в питомниках — двести восемнадцать? Забирайте всех, три собачки все равно положения не исправят. Владельцам питомников объясните насчет государственной необходимости, королевской воли и потребностей тайной полиции... ну, вы умеете убеждать, у вас получится. И обязательно компенсируйте владельцам все расходы, им ведь придется возвращать деньги заказчикам, мы как-никак не грабители, а власть... — он глянул на Арталетту, усмехнулся: — Весело тебе будет лететь назад, Арта: двадцать собак в самолете... Нужно будет придумать что-то насчет клеток...

Он ухмылялся весьма даже недобро. Если в каких-то дворцах или ключевых учреждениях и обосновались токереты, им придется несладко. Терьер-крысолов — собачка наполовину меньше кошки размером, но в них за несколько столетий отбора выработали нешуточную свирепость и боевой дух. Вполне заслуживающий доверия каталаунский егерь принца Элвара рассказывал как-то Сварогу, что дюжина терьеров однажды завалила волка — не самого матерого и потеряла притом двоих, но все равно, результат неплох...

Одним словом, на обычного человеческого ребенка, пусть и самого крохотного, терrier никогда не нападет, но вот токерет, ручаться можно после разговоров со знатоками, будет для него такой же дичью, как крыса, мышь, хорек или ласка (для защиты птичников от двух последних помянутых зверьков терьеров покупают и богатые птицеводы). На всякий случай потребуется еще примерно дюжина генераторов защитного поля — чтобы оборудовать спальни не только Мары, Арталетты и Старой Матушки, но и наиболее ценных сотрудников вроде Интагара или Рагана. Канцлер посмотрит сквозь пальцы — думается, он еще на многое посмотрит сквозь пальцы, как

только узнает, что существует как минимум один токерет н о р м а л ь н о г о размера...

— Идите, Интагар, действуйте, — распорядился Сварог.

И, когда за начальником тайной полиции закрылась дверь, встал, подошел к понутившейся в кресле Арталетте, положил руку ей на плечо:

— Выше голову, Арта. Ты у нас как-никак генерал гвардии и наместница не самого последнего королевства. Мы еще побарахтаемся. Хотели бы убить, убили бы сразу...

— Да я не из-за того... — усталым, печальным голосом отозвалась она, не пошевелившись, не изменив позы. — Никогда не думала, какой это адский труд — управлять государством... Так хочется иногда в отставку подать и вернуться к своим мушкетерам...

— Я тебя не отпущу, — мягко сказал Сварог. — До сих пор у тебя прекрасно получалось. И верных людей у меня мало. Не отпуши, и не думай.

— Да я не всерьез, — она наклонилась и мимолетно потерлась щекой о его ладонь. — Просто иногда так усташь... — медленно встала, они оказались лицом к лицу. — Можно, я останусь ночевать во дворце? Терпеть не могу летать ночью...

— Разумеется, — сказал Сварог. — Твои здешние по-кои всегда твоими и остаются.

— А ты придешь ко мне? — спросила она, глядя в глаза.

И вновь чем-то ужасно напомнила Сварогу Делию, хотя была совсем не похожа.

— Конечно, Арта, — сказал он, не отводя взгляда.

...Утро выдалось прекрасным в том смысле, что прошло уже полтора часа с тех пор, как он, проводив Арталетту и два десятка браво гавкавших на него из клеток терьеров, вернулся в манор девятого стола — а его до сих пор не ошарашили известием о каком-нибудь новом поганом сюрпризе, не сообщили о серьезном деле, требующем немедленного решения, вообще не побеспокоили. И он,

наплевав на третьестепенные бумаги, которые все равно подождут, блаженствовал в своем кабинете, пуская дым в потолок, воробышими глотками прихлебывая келимас. Все было бы прекрасно, если б не предстоящий разговор. Черт знает чем приходится заниматься — но ведь приходится...

Мелодичномяукнул сигнал, и комендант уставным тоном доложил:

— Господин директор, совершил посадку брагант графини Дегро.

Настроение у Сварога было далеко не безоблачное, и он ответил тем же уставным тоном, но с начальственным металлом:

— Комендант, мы ведь, кажется, уже говорили? На службе нет графов и графинь...

— Виноват, господин директор! — покаянно рявкнул комендант. — Брагант штаб-сержант Дегро совершил посадку!

— Вот так и впредь, — сказал Сварог. — Немедленно ко мне.

Не прошло и минуты, как на пороге возникла очаровательная Канилла, она же штаб-сержант Дегро — в зауженном по методу Томи мундире, начищенных до зеркального блеска сапогах и надраенных пуговицах вкупе со знаками различия. Прищелкнув каблуками (а каблуки-то завышены неуставно, подумал Сварог, как я раньше-то не заметил?), прилежно отрапортовала:

— Господин директор, штаб-сержант Дегро прибыла по вашему вызову!

— Проходите, штаб-сержант, — сказал Сварог где-то даже меланхолично. — Садитесь. Вынимайте свой фасонный золотой портсигар, я все равно знаю, вы курите, что уставом, в общем, не запрещено...

— Уже настучали? — с очаровательной улыбкой осведомилась Канилла, извлекая золотой портсигар с выгравированной на крышке эмблемой девятого стола.

— Командиру не стучат, — наставительно сказал Сварог. — Командира осведомляют. Разница понятна?

— Так точно! — старательно сделав туповатой свою умную и хитрющую физиономию, откликнулась Канилла.

Какая красотка растет, в который уж раз подумал Сварог. По жизни это хорошо, а вот для службы — не всегда. Черт знает что начнется в Латеранском дворце, когда она, как намечено, полетит туда на пару недель, чтобы помочь Интагару освоить кое-какие системы. Из-за Томи случилось девять дуэлей, слава богу, без покойников, хотя и с парочкой качественно проткнутых — а ведь она клялась, что никому надежд не подавала, разве что пофлиртовала чуточку (и Сварог ей верил). Ну, а из-за этой сероглазой златовласки, играющей глазами в сто раз искуснее Томи, и вовсе, чего доброго, вторая Гирвейская резня начнется...

— Уставную терминологию временно отложим, — сказал Сварог, тоже взяв сигарету. — Разговор у нас будет совершенно не служебный. Я бы сказал, абсолютно личный. Если какие-то вопросы тебе покажутся неудобными, можешь не отвечать, вообще уйти...

— Вы меня интригуете, командир...

— Кани, что у тебя с Родриком? — спросил Сварог напрямую.

Ах, как она улыбнулась, очаровательно, мечтательно, томно, какой взгляд послала из-под опущенных ресниц! Пожалуй что, не просто красотка растет, а вторая Марголена...

— Честное слово, командир, мы и сами пока что не разобрались, — без всякого неудовольствия ответила Канилла. — То ли настоящая любовь, то ли просто пылкая страсть. Но, безусловно, что-то пылкое, уж это, несомненно. Если вам нужны уточнения — да, мы спим вместе... когда удастся.

И с крайним, хорошо скрываемым любопытством, наблюдала, какова будет его реакция.

— Ну да, — сказал Сварог. — Ты меня поразила в самое сердце. Я сейчас рухну с кресла, будто молнией пораженный, словно тот старый болван из... не помню, что за сериал, я чисто случайно увидел кусочек... В общем рухну?..

Совершеннолетние парень и девушка иногда спят вместе... великие небеса, то потрясение, какого я в жизни не испытывал. Всякое доводилось слышать, но такое...

Канилла была определенно чуточку разочарована.

— Нет, серьезно, ты меня думала удивить? — ухмыльнулся Сварог. — Кани, я в жизни повидал столько людей, которые спали вместе, и иные были помоложе вас... Значит, говоришь, что-то безусловно пылкое... (Канилла мечтательно улыбалась). Ну, что же... Судя по твоей блаженной физиономии, ты вполне удовлетворена, а удовлетворенная женщина — еще и хороший работник. Вот такой у меня приземленный, практичный взгляд на вещи... Вы оба совершеннолетние и я, слава богу, никому из вас не родитель, поэтому мораль читать не буду. Выволочку ты у меня получишь по совершенно другим мотивам. Именно ты, а не оба. Я тебя уже хорошо знаю, и не сомневаюсь, что в вашей парочке заводила — именно ты. Вот ты и ограбешь, вульгарно говоря.

— За что? — с искренним недоумением, не играя и ничего из себя не строя, спросила Канилла.

Сварог поудобнее расположился в кресле, медленно выпустил дым и заговорил мягкайшим, иезуитским тоном:

— Видишь ли, Кани, не далее как вчера у меня была с визитом твоя матушка. И говорили мы главным образом о твоей службе... о нашей. Нет, она против твоей службы ничего не имеет, наоборот, ей, как и родителям всех остальных, крайне льстит, что ее доченька в столь юном возрасте уже служит не где-нибудь, а в Кабинете императрицы да вдобавок причислена к гвардии... Вот только ее очень беспокоил один-единственный вопрос: не ожидается ли в ближайшее время очередного катаклизма вроде Багряной Звезды? (Канилла, судя по ее безмятежному виду, угрозы еще не чувствовала). Я, конечно, заверил ее, что никаких катаклизмов не ожидается. И светски поинтересовался, откуда ей вообще пришла в голову такая мысль. Она очень умная женщина, Кани, ты определенно в нее... Знаешь, почему у нее появились такие мысли? По-

тому что она знает: девятый стол — спецслужба серьезная. И если уж за какой-то месяц тебя целых восемь раз назначали наочные дежурства, то... это определенно неспроста...

Ага! Он в открытую ухмылялся: наконец-то красотка и встревожилась, и погрустнела. Развивая успех, Сварог продолжал во все уже сладчайшим голосом:

— У меня, наверное, начались провалы в памяти... Совершенно не могу вспомнить, когда это я вводил для вас в конторе очные дежурства. С тех пор, как контора существует, ночами дежурит лишь очередная смена охраны... Кани, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что к чему. Я просто-напросто связался с отцом Родрика и напрямую спросил: как он относится к тому, что сын восемь раз в месяц заступает на очные дежурства?

Ну, его отца ты знаешь: гвардейский полковник, службист... Он браво рявкнул: если служба требует, хоть двадцать! Мол, коли уж взялся за гуж... И я не сомневаюсь, что даты ваших очных дежурств удивительным образом совпадали... — резко изменив тон, он приказал: — Вот эту мечтательную улыбочку с очаровательного лица убери, лисичка! Ты хоть понимаешь, во что вы вляпались... Да и меня впутали? Вполне может случиться так, что ваши родители встретятся — а они добрые знакомые, у всех вас девяти — и либо твоя мать, либо отец Родрика, ни о чем таком не ведая, упомянут о ваших очных дежурствах? А остальные страшно удивятся, скажут, что их детушек никогда ни на какие дежурства не вызывали... И твоя мать, женщина, как подчеркивалось, умная, очень быстро поймет, что к чему... Ну, Родрику будет полегче — парней за такие выходки меньше ругают, особенно когда папаша — бравый гвардейский полковник. А у тебя дома что будет?

Понурившись, повесив голову, опустив глаза, Канилла убитым голосом сообщила:

— Будет второй Штурм. В одном, отдельно взятом маноре. Она считает, мне еще рано...

— А я? — жестко спросил Сварог. — Как я в этой ситуации буду выглядеть? Директор серьезной конторы, под

носом у которого юные подчиненные... Плюха это мне по репутации или нет? Я кого спрашиваю?

— Плюха, — не поднимая глаз, тихонько сказала Канилла.

— При дворе светские сплетники на меня ушат помоеев выльют?

— Выльют, — уныло откликнулась Канилла.

— Ты вряд ли знаешь... — сказал Сварог. — Но один паршивец с герцогским титулом, который меня крепенько не любит, уже давно пустил слух, поганец, что я сплю со всеми вами тремя: с Томи, с Аурикой, с тобой... Что так называемый девятый стол — лишь прикрытие для некоего подобия Академии Лилий Дайни Барг, где я и вы, все девять, устраиваем групповые забавы... Честное слово, так и трепал, скот...

Канилла вскинула голову, сверкнула глазами:

— Скажите, кто! У него рожа распухнет от пощечин...

— Опоздала, — хмыкнул Сварог. — Я и сам было собирался его вызвать по всем правилам — ну, конечно, не убивать, пару раз выбить меч да распороть задницу... Опередили нас с тобой, Кани. Тот подонок разыгрался настолько, что стал припутывать к мнимым оргиям и Яну, кто-то насплетничал принцу Элвару... В общем, герцог вот уже неделю на Сильване, ему там светила медицины выращивают новые зубы, срашивают поломанные ребра и кости, физиономию в порядок приводят... К чему я все это рассказываю? У меня куча завистников при дворе, и они распускают самые идиотские сплетни. У вас и ваших родителей с некоторых пор — тоже...

— Почему? — недоумленно воскликнула Канилла.

Сварог тяжко вздохнул:

— Кани, ты красавица и отличный специалист, но вот с дворцовым высшим обществом, за ногу его и об угол, наверняка не сталкивалась по молодости лет... Почему? Да потому что именно вы — на почетной и престижной службе, а не чей-то сынок или племянник. Зависть, Кани, зависть... Переносимая и на в а ш и х родителей — за то, что они ваши родители. Жизнь иногда — такая грязная

штука... А если еще и ваши похождения всплынут? Все мы будем в таком дерьме... Честное слово, мне тебя примитивно выпороть хочется, да поздно. Это же надо было ухитриться, так нас всех подставить... А ведь умница... Знаешь, мне тебя даже не хочется наказывать, ни разжаловать не тянет, ни уволить... Просто не ожидал я от тебя такой... такого...

Зло помотав головой, он сунул в рот очередную сигарету. Канилла потянулась к своему портсигару — и замерла под холодным взглядом Сварога, не решаясь протянуть руку.

— Да кури уж... — сказал он равнодушно, — это, по крайней мере, неприятностей и сплетен нам не принесет...

Она не плакала, но выглядела сокрушеннее некуда — и явно не играла. Все же умная девочка...

— Командир, — сказала она, избегая встречаться с ним взглядом. — Я в ваших глазах сильно упала?

Он сгоряча хотел ответить, что так оно и есть. Но вспомнил, что не так уж давно эта девчонка вместе с другими утюжила небо на бреющем полете над Каталауном, искала его без приказа, наоборот, вопреки всем приказам — прекрасно зная, что Багряная Звезда вот-вот должна войти в атмосферу и погибнуть могут все.

— Глупости, Кани, — сказал он со вздохом. — Не пала ты ни сильно, ни слабо... Просто я злюсь, как любой на моем месте...

— Я совершенно не подумала... — сказала она покаянно. — Ну, кто мог знать, что мать вдруг... Нам так хотелось побыть вместе... Там все и, правда, очень пылко... — Канилла наконец подняла на него глаза, продолжила то ли с укором, то ли неким подобием вызова: — Вам легче, у вас куча замков и целый Хелльстад, и строгой матери у вас нет... Ой, простите... Что янесу... Явиновата, командир. Родрик тут ни при чем, вы правильно догадались, это я придумала... Нас так друг к другу тянет... А вдобавок мне еще лететь на две недели в Латерану, яизведусь, и он изведется... Хорошо! Вы взрослый, опытный, скажите, что

делать и как все исправить? А я, честное слово, больше никогда...

— Где вы... дежурили? — спросил Сварог жестко. — Кани, коли уж пошел такой разговор, давай ничего не скрывать.

— Мы... мы сняли домик в Латеране. Очень приличный квартал, домик стоит в саду, и при нем садик с высокими стенами... Там достаточно места, чтобы посадить брагант, мы, конечно, делали его «невидимкой»...

— Что-то ты не договариваешь, красавица, — сказал Сварог напористо. — Вы оба никогда в жизни не бывали в земных городах, не знаете тамошней жизни, обычаев, порядков, правил. Сами по себе вы бы просто не сумели снять дом, обязательно чем-нибудь выдали бы себя, пошли бы разговоры... но в докладах тайной полиции ничего подобного не зафиксировано. Значит, вам кто-то помогал. Кто?

— Не скажу, — отрезала Канилла, глядя ему в глаза с нешуточной решимостью. — Вы их накажете. Вот она я, со мной делайте, что хотите...

— Не накажу, — сказал Сварог. — Честное слово. Ты в нем, надеюсь, не сомневаешься?

Чуть помолчав, Канилла опустила глаза:

— Томи... Собственно, не она сама... Она нам оченьчувствовала... Вы только меня не выдавайте, но она еще девочка, и ей очень хотелось помочь в таком деле... Она попросила одного дворянина, который за ней ухаживал, познакомила нас...

— Как его зовут?

— Граф Гаржак...

Ну конечно, подумал Сварог сердито. Помочь двум юным влюбленным подыскать гнездышко — вполне в стиле Гаржака. Куда ни глянь — доброхоты и благодетели... Молодежь сопливая, хвостом вас по голове...

— И все это время вы летали туда?

— Ага, — сказала Канилла, чуточку осмелев, почуяв, видимо, что жуткий репрессий не последует. — Там было так уютно и романтично, будто в старых романах...

— Представляю, — сухо сказал Сварог. — И конечно, ни оружия, ни генератора защитного поля у вас с собой не было?

— Нет...

— Гвардейцы... — прощедил Сварог сквозь зубы. — Сопляки...

— А что могло случиться?

— Да что угодно, — сказал он, ничуть не кривя душой. — Городские бандиты, например. Они как раз любят приглядываться к таким вот уединенным домикам. И, если бы убедились, что там никого нет, кроме юного сопляка и красивой девушки... лучше не вдаваться в подробности того, что могло бы произойти. Я не преувеличиваю, Кани. Столько полицейских отчетов прочитал... И потом, есть еще «Черная благодать», токереты, горротская шайка... в общем, куча народу, для кого такие пленные, как вы, были бы подарком судьбы. Много знаете. А знания вытрясали пытками и из людей покрепче вас... Ладно, хорошо еще, что все обошлось... Больше туда, конечно, ни ногой. Ни ногой! — прикрикнул он, когда Канилла попыталась что-то сказать. — И это уже прямой приказ, за нарушение которого вылетите со службы быстрее молнии. Что нужно ответить?

— Есть, командир... — произнесла Канилла тусклым, севшим голосом. — Ни ногой...

Сварога так и подмывало на этом не остановиться, а устроить еще легонький разнос — но, присмотревшись к девушке, он мысленно плюнул и махнул рукой. Сидела осунувшаяся, несчастная, нисколько не играя. Может, придумать что-нибудь для этой парочки юных пылких сопляков? Которые ради него однажды всерьез шли на смерть?

— И что теперь будет... — произнесла Канилла куда-то в пространство. — Нам же совершенно негде теперь встречаться...

— Выпороть бы тебя, — сказал окончательно остывший Сварог. — Но поздно. Если... Погоди-ка.

Он отвернулся, заслышив курлыканье иного тона. Увидел мигающую синюю лампочку и коснулся соответствующей клавиши. Вспыхнул экран, Сварог увидел кабину «ящера» и сверкавшего белозубой улыбкой маркиза Оклера в нововведенном, синим с золотом мундире Морской бригады. Судя по тому, как светло было в кабине, «ящер» не плыл над водой, а летел по воздуху — отличная амфибия, надо будет заказать несколько штук для своих нужд...

— Хотите небольшой подарок, лорд Сварог? — сказал маркиз весело. — Очень похоже, мы нашли именно ту жангаду, насчет которой вы тогда говорили. Я, собственно, высоко над ними, они меня не видят... Дать вам картинку? Вполне возможно, вы их узнаете. Я бы не забыл субъектов, всерьез приносивших меня в жертву морским богам...

— Да и я не забыл... — проворчал Сварог. — Дайте картинку, если вам не трудно.

— Хо! Какие трудности! — Изображение сменилось, теперь оно представляло собой морскую гладь, по которой плыла вереница плотов: огромные, на каждом — единственная мачта с косым парусом и несколько плетеных хижин с острыми крышами. Судя по высоте, «ящер» повис над морем лигах в двух.

— Хотите посмотреть поближе? С какого начнем?

— С переднего, — сказал Сварог.

Показалось, что «ящер» пикирует с огромной скоростью — но то, конечно, камере дали резкое увеличение. Сварог словно бы висел теперь над самыми головами кучки людей, стоявших на носу.

— Вот так и оставьте, пожалуйста, — сказал Сварог. — Именно так, присмотрюсь... — Его лицо свела злая гримаса.

Тroe мужчин в одежде из рыбьей кожи с заметным почтением слушали четвертого — говорившего неторопливо, веско, с уверенностью предводителя. Он и в самом деле был предводителем, старшиной жангады, имя Сварог запамятовал, но эту рожу помнил прекрасно: пожилой, осанистый, представительный, с редкой проседью в аккуратно подстриженных волосах и бородке, чем-то

неуловимо смахивающий на секретаря обкома из безвозвратно ушедшего прошлого Сварога. На члена Политбюро не тянет, а вот первый секретарь обкома — один в один. Только его одежда оторочена мехом серого тюленя, только у него одного на шее вместо ракушек ожерелье из пары дюжин тяжелых золотых монет, только у него одного пояс не из кожи морского зверя, а из резных костяных пластин, у него одного на поясе скрамасакс с золоченой рукоятью. «Со свиданьицем, старшина, — подумал Сварог злорадно. — Имечко твое я забыл, зато прекрасно помню, что ты сказал на прощанье. «Утопленники никогда не возвращаются». Ошибочка вышла...». Экран стоял перпендикулярно к его рабочему столу, и Канилла тоже, забыв на миг о своих горестях, с любопытством разглядывала жангаду. Сварог, конечно, ей не препятствовал: с какой стати, свой человек, хотя и заслуживший хорошую порку...

— Маркиз, — сказал он глухо, — вон там, справа, женщина у борта... Можно крупный план?

— В два счета!

Сварог поймал себя на мысли, что помнил ее тело, но напрочь забыл ее имя. Лабейя? Лагайя? Что-то такое...

Она самую чуточку располнела, но оттого стала еще красивее. Тоже платье² из рыбьей кожи, на шее среди ракушек поблескивают три золотых монетки, вот только на светловолосой головке — повязка из тройного ряда жемчужин, раньше ее не было. А на руках...

А на руках она держала аккуратный сверток из рыбьей кожи, и там виднелась младенческая физиономия с закрытыми глазами — глупенькая, курносая, крохотная...

— Спасибо, маркиз, — сказал Сварог, с трудом проглотив комок в горле. — Будьте так любезны, сбросьте мне на служебный компьютер их координаты и курс. Я сейчас отправлю своих парней, чтобы привели на берег, мне эта компания нужна!

— Зачем вам лишние хлопоты, старина? — пожал плечами маркиз. — У меня тут поблизости барражирует звено автоматов. Сейчас дам приказ, эти скорлупки за-

хватят грави-неводами и поведут к берегу. Фиарнолл вас устроит?

— Конечно, — сказал Сварог. — Но у вас наверняка есть свои задачи, что же я буду вас отвлекать...

— Лорд Сварог, — сказал маркиз уже без улыбки. — В наши скучные времена очень мало найдется людей, которые могут сказать друг о друге: «Мы с ним вместе воевали». Мы с вами это друг о друге сказать можем. Так что не жеманьтесь и помните, что у вас есть друг, который всегда выполнит любую вашу просьбу, а уж такую пустяковую... Честь имею!

Он лихо отдал честь и пропал с погасшего экрана — гвардейский пижон номер один, на которого, как только что выяснилось (а впрочем, это было ясно еще при Дике), можно полагаться в серьезных делах...

— Что с вами, командир, — восторженно спросила Канилла. — У вас лицо стало какое-то такое...

— Кани, ты видела женщину с ребенком? — спросил он, вдруг почувствовав неодолимую потребность выговориться.

— Ну конечно. Красивая... Они совсем не похожи на дикарей, хотя кто-то мне их именно так и описывал...

— Это мой ребенок, — сказал Сварог. — Вне всякого сомнения.

— Ух, ты! — восхищенно воскликнула Канилла. — Вас и туда заносило?

— Куда меня только не заносило... — проворчал Сварог.

— А она красивая... Она вам нужна?

— Мне она абсолютно не нужна, — сказал Сварог, отрешенно глядя на погасший экран. — Так уж сложилось, это долгая история... Но ребенок мой. Черт... У меня никогда не было детей. Насколько я знаю... Я просто понятия не имею, что сейчас сказать, что я вообще должен чувствовать. Не представляю.

— Кто-кто, я уж я вам советом никак не могу помочь, командир, — сказала Канилла. — Хотя... Раз это ваш ребенок, на вашем месте я бы его забрала, он же все-таки ваш...

Хотя, конечно, многие своими земными детьми попросту не интересуются...

— Ладно, хватит об этом, — сказал Сварог. — Нужно как-то решать с тобой...

Она сказала настороженно и виновато:

— Я только могу дать честное слово, что ничего такого больше...

— Везет тебе, Кани, — усмехнулся Сварог. — То ли я сегодня чересчур благодушен, то ли на первые промахи и в самом деле надо закрывать глаза... Тебе ведь по слезавтра в Латерану на две недели (он видел, что девушка погрустнела еще больше). Сделаем так. Родрик на эти две недели полетит с тобой, занятие я ему там придумаю, оно всегда найдется... Вот только мой тамошний министр тайной полиции — жуткий моралист...

— Я знаю, — сказала Канилла, форменным образом расцветая на глазах. — Томи столько забавного рассказывала...

— Поэтому поступим очень просто, — сказал Сварог. — Совру ему, что вы — молодожены, он проглотит...

— Великие небеса... — прямо-таки завороженно прошептала Канилла с блаженной улыбкой. — Две недели жить вместе... — и тут же ее лицико чуть омрачилось. — А потом?

— Король сегодня патологически милостив... — проворчал Сварог. — Запоминай хорошенъко: ваши «ночные дежурства» служили лишь прикрытием для порученной вам сложной операции, которая до сих пор держится в строгой секретности. И продолжается. Я поговорю с королевой Сегурой, она вас приютит... Все. Свободна. И чтобы впредь... — он встал и погрозил указательным пальцем.

Канилла бросилась ему на шею, поцеловала в губы долгим, умелым поцелуем, шепнула на ухо:

— Командир, я за вас умру, только прикажите...

И улетучилась из кабинета, явно спеша порадовать Родрика.

Оставшись в одиночестве, он подошел к зеркалу и, заложив руки за спину, хмуро разглядывал свое столь же хмурое отражение.

Ну вот, опять в который раз окружающие считают его бескорыстным благодетелем. А меж тем на первом месте снова голый практицизм: коли уж у них там все и впрямь очень пылко, две недели Кани будет тосковать, терзаться, нервничать — что никак не пойдет на пользу работе. Соответственно, и ее мятущийся Ромео будет работать спустя рукава, да еще, тут и гадать нечего, вопреки уставу будет украдкой летать к ней в Латерану. Пусть уж для пользы дела поживут там вместе. Знал бы кто, сколько голого практицизма сплошь и рядом таится за «благородством души» короля Сварога...

«Ну, ты не особенно бей себя ушами по щекам, — сказало отражение беззвучно. — У Мары-то ты их приютишь не из практицизма, а из элементарной симпатии к двум молодым и пылким, которым просто негде завалиться в постель и заниматься любовью до изнеможения...».

«Откуда ты знаешь, рожа, — вяло ответил Сварог. — Может, и это я устраиваю из чистого практицизма, чтобы хорошо работали и не натворили каких-нибудь глупостей».

«Да ладно, — фыркнуло отражение. — Ты им просто по-человечески сочувствуешь. Тебя всерьез зацепили исполненные откровенной зависти слова Кани о том, что у тебя-то самого куча замков и прочих мест, куда ты можешь безнаказанно водить баб... И тебе стало искренне жаль эту парочку».

«Иди копай канаву, от забора и до заката», — огрызнулся Сварог, отвернулся и вышел в приемную. С дивана тут же вскочил Элкон, вид у коего был какой-то очень уж нетерпеливый. А секретарь прилежно доложил:

— Господин директор, вам депеша от наместника в Лоране. По форме «текущие дела».

— Ну, это подождет, — сказал Сварог, видя, как буквально затоптался на одном месте Элкон, и кивнул ему: — Пойдемте в кабинет.

Они даже сесть не успели, Элкон выпалил с порога:

— Командир, я в ближайшие сутки буду вам нужен для каких-то неотложных дел?

— Пожалуй, нет, — сказал Сварог. И вспомнил: ага, Латерана, та блондиночка-маркиза, ветреная, но не сказать, чтобы развратная... Пылкости там, пожалуй что, нет, просто обычный роман, но какая разница? Уж Элкон безусловно заслуживает суточного отпуска, в отличие от некоторых других, по которым ремень плачет бессильными слезами...

И удивился не на шутку, когда Элкон сказал:

— В таком случае я бы попросил разрешить мне служебную командировку в Горрот. Разумеется, я не собираюсь сходить на берег. Мне нужно всего-навсего проплыть по Ителу в пределах Горрота. Я уже все рассчитал. Есть грузо-пассажирский пароход, который идет в Балонг, причаливая в Горроте лишь на пару часов добрать угля. Я оставлю брагант на гланской границе, а в Балонге меня подхватят наши. Все займет от силы сутки. Никаких авантюр. Вы же знаете, командир, что авантюра за мной не числится. Просто не особенно и сложный эксперимент.

— В принципе, я не против, — пожал плечами Сварог. — Согласен. Но, Элкон... Н а ш а аппаратура в Горроте ведь не работает. Или вы хотите попробовать что-то хелльстадское? Неплохая идея, если так, я давно собирался что-то подобное провести...

— Командир, можно я пока промолчу о подробностях? Не из желания щегольнуть эффектным результатом, честное слово. Просто... Если все удастся, результаты могут быть самые ошеломительные... а если я неправ и потянул пустышку, очень уж стыдно будет потом, в первую очередь перед собой самим... Знаете, случаются такие ситуации...

— Знаю, — сказал Сварог. — Ладно, отправляйтесь, — он хитро прищурился: — А может, вам еще выделить время, чтобы завернули в Латерану?

— Очень хотелось бы, но некогда, — серьезно сказал Элкон. — Если я прав... Там такое, командир... Разрешите идти?

— Идите, — кивнул Сварог.

Элкон отдал честь, браво повернулся через левое плечо и вышел из кабинета чуть ли не строевым шагом — ну как же, участник самого настоящего военного набега на Горрот, кавалер соответствующей медали. «А ведь мальчишка накопал что-то очень и очень серьезное, подумал Сварог. С мальчишкой такое не в первый раз случается. Коли уж едва вошедший в совершеннолетие парень, познавший до сих пор не так уж много женщин, решительно отказывается от пылкой ночи с молодой искусной красоткой... Что-то там должно быть серьезное...»

Он вышел в приемную, повернулся к секретарю:

— Что там за депеша?

— Королева Лавиния Вторая Лоранская просит о срочной, тайной и неофициальной встрече с вами, — отчеканил секретарь.

Сварогу он достался в наследство от Гаудина, менять его Сварог не стал — идеальный бюрократический механизм, надежный и незаменимый на своем посту. Во многом — полное подобие Костяной Жопы. Правда, легонько постукивает на Сварога Канцлеру, но тут, как говорится, ничего личного — он и на Гаудина раньше постукивал. В конце концов, Канцлеру стучит, а не «Черной благодати» или каким-нибудь заговорщикам при дворе. Да вдобавок ему неизвестно ничего такого, что Сварог скрывает от Канцлера...

— Уточните, пожалуйста, — сказал Сварог. — Я не вполне понял. В к о т о р о м моем качестве она хочет со мной встретиться?

— В качестве начальника восьмого департамента.

— Интересно пьют драгуны — кто из жбана, кто из бочки... — задумчиво протянул Сварог. — Вот в э т о м я пока решительно не ориентируюсь... Это обычная просьба или в ней есть что-то необычное? Прецеденты были?

— Можно сказать, просьба самая обычная, — бесстрастно кивнул секретарь. — Такие просьбы земные короли высказывали пусть не столь уж часто, но и не настолько редко, чтобы считать это чем-то из ряда вон выходящим.

Обычно это означает, что в королевстве случилось что-то, с чем король не может справиться своими силами, и ему необходима помощь нашего департамента. Или наш совет — опять-таки по каким-то серьезным причинам.

— Срочно, тайно, неофициально... — проворчал Сварог.

— Это, собственно, стандартная формулировка, — сказал секретарь.

— Ну что же... — протянул Сварог. — Уже вечереет, а мне нужно еще просмотреть кучу материалов... Завтра у меня после обеда встреча с Канцлером, а до обеда я свободен... Назначьте ей, пожалуй, на завтра, на десять часов утра, это нормально для таких случаев?

— Вполне, — сказал секретарь. — Будь там что-то очень серьезное, не терпящее отлагательств, вместо «срочно» стояло бы «незамедлительно». Завтра, десять утра... Я сейчас же свяжусь с канцелярией наместника. Они доставят королеву на своей вимане или прикажете послать нашу?

— Пусть везут сами, — не особенно и раздумывая, сказал Сварог. — Все равно бездельничают... Я сейчас займусь документами, отключу всю внешнюю связь, оставлю только «бесшумку», на нее и сбрасывайте сообщения... но только если это выше обычной текучки.

— Слушаюсь, — кивнул секретарь.

Интересно, когда он спит и где живет? — подумал Сварог. Он в с е г д а здесь, вот и сейчас будет сидеть в приемной хоть до утра, если Сварог улетит только утром. А ведь полноправный лар, не бастард, должен иметь манор, семейство... Впрочем, и Диамер-Сонирил, как болтают то ли злые языки, то ли хорошо информированные источники, у себя в маноре ночует через два дня на третий, у него в департаменте жилье обустроено. Иные начальники, особенно из тех, кто помоложе, используют подобное служебное жилье, чтобы втихомолку принимать любовниц, но Диамер-Сонирил ни в чем таком не замечен, со-жительствует исключительно с параграфами...

Поразмыслив, он ушел из кабинета в комнату отдыха, где было гораздо уютнее: никакого рабочего стола, один-

единственный компьютер да парочка экстренных каналов связи, легкая, изящная мебель в так называемом галаринском стиле (был в большой моде лет двести назад, а пару лет тому неожиданно вошел в моду здесь), кресла, низкий столик, шкафчик с питиями и закусками, удобнейший широкий диван (ходили в свое время слухи насчет Гаудина и некоей его молодой подчиненной), все выдержано в янтарно-желтых тонах... Уютно.

Сварог снял сапоги, по въевшейся навсегда привычке аккуратнейшим образом поставил их у дивана бок о бок, повесил китель на спинку низкого кресла, придинул к дивану второй столик, еще меньше, выложил на него портсигар, принес бутылку келимаса с тарелочкой с фруктами. Не то чтобы хотелось выпить, просто он точно знал: просмотр досье Ледяного Доктора лучше сопроводить изрядной долей спиртного. Кое-кто, всерьез поговоривают, и блевательницы себе ставил, но Сварог считал, что обойдется и без нее — всякое повидал...

Он удобно устроился на диване, полулежа, подложив под локоть пухлую подушечку, наполнил бокал, но пить пока что не стал. Одним движением пальца включил «стену» — экран от пола до потолка, уардов трех в ширину.

Сначала, как он ожидал, — фотография. Благообразнейшего облика старикан, с красивой копной седых волос и тонким породистым лицом. Не зная подробностей, восклиknешь моментально: симпатичнейший человек! И глаза добрые-добрые... Герцог и граф, подобно иным представителям старой аристократии, не получивших свои титулы *п о з ж е*, императорской милостью, а изначально их имевших (впрочем, это изначально следует относить ко временам спустя лет пятьсот после Шторма), состоял в крайне отдаленном, но все же родстве с императорской фамилией через какой-то старинный брак девицы из его рода. В прежние времена — один из лучших специалистов Магистериума в своей области (биология, нейрохирургия, какая-то загадочная «молекулярная синапсология»). Академик, кавалер орденов, пятикратный лауреат

«Золотой Колбы» (высшей награды Магистериума, которой особенно не разбрасываются), автор двух учебников. Открытия, изобретения, лавры и почет — на троих хватит. Вот только и у столь заслуженного, гениального, как считали иные, ученого может в преклонные годы съехать крыша. Каковая и съехала, когда светило удалилось на покой.

Как проистекало из досье, до сих пор точно неизвестно, когда он начал о к а я н с т в о в а т ь. Потому что не осталось живых свидетелей, способных назвать более-менее точные даты.

Почти сразу же после ухода из Магистериума он обратился с прошением о выделении изрядного количества энергоресурсов для постройки собственного крохотного научного городка. Каковые и получил — в рамках соответствующего раздела Хартии Вольностей. Всякий благородный лар при желании может получить энергоресурсы на создание чего-то подобного: искусственную планету в натуральную величину, конечно, не дадут — это уже излишняя роскошь, но что-то вроде маленького научного городка — всегда пожалуйста. Другое дело, что подавляющее большинство ларов эту привилегию никогда не используют, а немногочисленные желающие в основном чудят: один устроит за облаками личный ипподром, другой — летающее озеро в добрую лигу шириной с островом посередине и живописным замком на нем (где, помимо хозяина, обитала еще дюжина молодых антланок, изображавших в озере в обнаженном виде русалок и прочих наяд, а в замке откалывавших номера и почище). Одним словом, человек имеет право. Тем более столь заслуженный ученый. Никто и не встревожился. Обычный манор, небольшой замок хозяина, несколько домиков для его научного персонала, три огромных здания лабораторий, никаких слуг, из которых, как теперь знал Сварог, восьмой департамент старательно вербует агентуру — их функции выполняют домашние автоматы и владеющий соответствующей магией управляющий. Ну, и собственный энергоприемник.

И зажил наш зловещий персонаж затворником. Как и набранный им из ларов и антланцев научный персонал. Правда, три-четыре раза в год Ледяной Доктор затворничество нарушал, устраивал прием для пары дюжин старых друзей, приятелей и бывших сослуживцев. Где всякий раз демонстрировал интересные, забавные, но не имевшие серьезного научного значения живые курьезы: вроде стаи мышей, преспокойно обитавших в воде на дне большого аквариума, кошек с тремя хвостами, умевших щебетать по-соловьевиному летучих мышей, двухголовых собак, точных живых подобий иных безобидных мифологических зверей — в общем, массу всевозможной, с научной точки зрения, дребедени.

Всякий раз среди гостей оказывались агенты Гаудина — как опять-таки выяснил Сварог, возглавив департамент, иные благородные лары с превеликой охотой стучали друг на друга, и вовсе не из меркантильных побуждений, хотя встречались и такие — большей частью либо из затеянной вражды, либо из врожденной подлости. И всякий раз отчеты Гаудин получал самые благостные: понемногу выживающий из ума старикан чудит на всю катушку, создавая кукаре��ающих змей, черепах, способных при желании выползать из панциря и разгуливать, так сказать, голыми, и прочую безобидную экзотику. Так оно года три и продолжалось...

Потом стали раздаваться первые звоночки. Один из аналитиков Гаудина, бывший инженер, написал отчет. Никакой конкретики там не было — просто-напросто автор считал: ему кажется, что энергопотребление научного городка чересчур уж, в разы, превышает количество энергии, необходимое для создания шестипалых зайцев и мяукающих улиток. Были у него, как Сварог понимал, какие-то смутные подозрения, но обосновать их человек не мог. Аналитик был молод, служил недавно, и его отчет, уцепившись за слова «кажется» и «возможно», благополучно похоронили в архивах.

В любом случае, агентуру внедрить туда не удавалось. Оснований для насильственного осмотра лабораторий

не имелось — Хартия вольностей, в перехлест ее и через клюз...

Потом как-то странно пропали без вести шестеро ларов — и об одном было точно известно, что он собирался поступить на работу к академику (правда, сам академик твердо заявил, что и слышать-то о таком человеке не слышал).

Чуть погодя восьмой департамент получил нехорошую бумагу из ронерской тайной полиции, от предшественника Интагара на этом посту. Само по себе дело казалось насквозь неинтересным: удалось обнаружить и большей частью повязать очередную шайку похитителей людей. Сие непотребное ремесло было не особо распространенным, но и не экзотическим. В портовых кабаках подпаивали и форменным образом крали моряков — для иных рейсов и кораблей, куда мало кто соглашался наниматься добровольно. Крали девушек для продажи в публичные дома — в основном из тех, кто попроще, чтобы не было лишнего шума, хотя случалось всякое. Иные владетели Вольных Майоров потихоньку прикупали себе похищенных (опять-таки главным образом из простолюдинов) для работы в шахтах.

Однако на сей раз тайная полиция представила довольно убедительные доказательства, что ниточки от этой шайки тянутся на верх, что практически всех, кого похитили, приобретал некий прибывший из-за облаков субъект (как отметили сотрудники Гаудина, проанализировав иные полицейские отчеты, безусловно пользовавшийся виманой-невидимкой). А над домом, где этот тип обитал и откуда регулярно исчезал таинственным образом вместе с купленным «товаром», всякий раз висел в небесах научный городок господина академика.

Это расследование не успели еще довести до конца, как баахнуло всерьез. На очередном приеме, созвав на сей раз всего четырех особо близких друзей, Ледяной Доктор отвел их в одно из лабораторных зданий и, сияя от гордости, продемонстрировал уже не квакающих хорьков, а невообразимых монстров. Таких, что все четверо (из

которых ни один не был стукачом), едва покинув научный городок, кратенько посовещались и полным составом бросились к Гаудину.

То, что они наперебой рассказывали, было дико, жутко, невообразимо — но все четверо говорили одно и то же, это были серьезные ученые,уважаемые люди, нисколько не производившие впечатления сумасшедших. С одним, кстати, там же, в кабинете Гаудина, случился сердечный приступ.

После короткого колебания, посовещавшись с Канцлером, Гаудин объявил тревогу, взял полдюжины своих людей, десяток спецназовцев, нескольких экспертов и на шести брагантах отправился в научный городок.

Ему крепко повезло, что три из шести брагантов были боевыми, с бортовым оружием... Еще издали они увидели встающий над манором исполинский столб дыма — а несколькими мгновениями позже им навстречу вылетел драккар, обстрелял браганты и припустил прочь, явно держа курс на землю. Пальба была непри цельная и хаотичная, так что лишь пара машин получила легкие повреждения. И те три, что были вооружены, немедленно кинулись в погоню. Севши на хвост, держались довольно далеко — драккар то и дело огрызался огнем и ухитрился сбить один из брагантов.

Где-то над горами Оттершо ему наперерез бросились браганты Серебряной бригады, с которой Гаудин успел связаться. Драккар, отстреливаясь, резко изменив курс, пытался уйти на бреющем полете, но передовой брагант Гаудина его догнал, зашел сверху и по команде начальника открыл огонь на поражение. Лупили, похоже, немило-сердно, из всех стволов. В конце концов драккар, словно бы потеряв управление, рыскнул в воздухе, остановился и медленно стал опускаться на землю, что означало, что живых на борту уже нет, одни мертвые, и, безусловно, лары...

Так оно потом и оказалось, когда к драккару, опустившемуся на памятных Сварогу унылых торфяных полях Оттершо, со всеми предосторожностями подошли пре-

следователи. В драккаре обнаружилось двое мертвцов — Ледяной Доктор и его многолетний ассистент еще по Магистериуму, некий барон, в свое время звезд с неба не хватавший, но все же кое-что сделавший в тех же науках, что и заслуженный академик.

Протоколы исследований на ДНК, подтвердившие несомненную идентичность Ледяного Доктора, — и еще парочка исследований, служивших той же цели, но совершенно Сварогу непонятных (однако подтверждавших первоначальный вывод).

Ну, а дальше пришлось от души хлебнуть келимаса. Потому что, как и предупреждал его не один человек, началось самое тягостное — видеозаписи обнаруженного в уцелевшем лабораторном здании... Остальные два были уничтожены начисто, от них остались лишь выгоревшие каркасы — а спалить третье Доктор, по-видимому, просто не успел, увидев приближавшихся незваных гостей.

Да уж, тут нужно было иметь крепкие нервы... Жуткие гибриды человека с волком, крокодилом, кабаном, человеческие головы, приживленные к змеиным туловищам, уродливые кентавры, отдаленно похожие на сильванских. И многочего... то есть кого еще. Животные с человеческим мозгом, дерево-людоед, «кусай-дуб» из ратагайских сказок — сочетание дуба, осьминожих щупальцев, пасти каталаунского тигра и человеческой головы, затылком погруженной в ствол дерева. Как и говорили Сварогу раньше, самым жутким оказался даже не вид этих монстров — а то, что большинство из них сохраняли ясное человеческое сознание, ориентировались в окружающем, вполне членораздельно и разумно разговаривали с Гауди-ном и его людьми.

«Как же они умом не тронулись?» — подумал Сварог. Ответ обнаружился очень скоро: гениальный безумец им впрыскивал лошадиные дозы нейролептиков и успокоительных. А еще чуть позже из очередного отчета Сварог узнал, что добрая половина этих несчастных жива до сих пор: обитает в том же маноре, в том же здании, в обитых изнутри толстым слоем чего-то мягкого клетках, под по-

стоянным присмотром пары дюжин докторов, на тех же лекарствах.

Канцлер (во время осмотра лаборатории облевавший мундир и сапоги), велел присвоить этому делу секретность высшей степени. Ледяного Доктора и его сотрудников объявили жертвами неудачного эксперимента, манор накрыли защитным полем и поставили немаленькую круглосуточную охрану. Двум благородным ларам, моментально опознанным обыскивающими, тоже пришлось придумать убедительные версии смерти от несчастных случаев — нельзя же было показывать их родным и близким в виде удава с человеческой головой и жуткой помеси человека с оленем...

Просмотрев все до конца, Сварог вполне серьезно похвалил себя: за то, что ухитрился так ни разу и не сблевать, хотя позывы случались неоднократно. После чего взялся за келимас по-настоящему: после такого зрелища просто необходимо было надраться в хлам, пока не вырубишься...

Такая вот история. А дальше? А что — дальше? Собственно, ничего особенного: в очередной раз усилили негласный надзор за Магистериумом, увеличили внутреннюю агентуру, обязали всех, кто частным образом занимается у себя в манорах научными исследованиями, регулярно представлять подробнейшие отчеты и четыре раза в год предоставлять лаборатории для осмотра особым инспекторам (для коих срочно сформировали новый отдел восьмого департамента). Одним словом, как не раз уже случалось, и не только в таларской истории, крепенько помахали кулаками после драки...

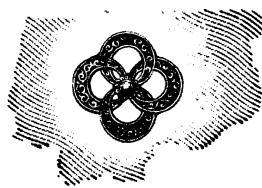
Прежде чем Сварог напился окончательно, до полной неспособности рассуждать здраво, он все же успел кое-что обдумать. И вынужден был признать, что в *данном* случае Гаудин был кругом прав: во-первых, что бы ни твердил покойный лорд Раутар, Ледяной Доктор, несомненно, мертв, во-вторых, совершенно непонятно, какая может быть связь между его «научным городком» и тем, что творится сейчас в Горроте. Доктор и Брашеро с сообщниками

занимались совершенно разными научными дисциплинами, никогда и ни в чем не пересекаясь. Ни дружбы, ни простого приятельства меж ними никогда не замечено — хотя шапочно знакомы, конечно, были, учитывая высокий научный ранг обоих и малочисленность ученого сословия Магистериума. Никакой связи не просматривалось, хоть ты тресни! Странные полулюди-полукошки, напавшие на загородный замок Стакора? Это еще ни о чем не говорит. Не видно ни малейшей связи, черт побери...

И все-таки одна толковая мысль пришла Сварогу в голову, прежде чем он провалился в алкогольное беспамятство.

И он как-то ухитрился не забыть ее на следующий день.

Глава VI

ПРИКЛАДНАЯ АСТРОНОМИЯ ПО МЕТОДУ КАНЦЛЕРА

Поскольку визит был неофициальным, обошлось без пышных церемониальных глупостей: всего-навсего секретарь, распахнув дверь перед Лавинией, склонился в поклоне гораздо ниже, чем перед своим начальством. Сварог встал и вышел из-за стола, чтобы встретить ее посередине кабинета. Лавиния вошла легкой, летящей походкой — и Сварог машинально подумал, что она должна хорошо танцевать.

Этюд в голубых тонах, знаете ли... На ней синее кружевное платье, сапфиры в ушах, на шее и на пальцах, даже вдовий чепец, обшитый белой ленточкой — из синего кружева и больше похож не на печальное напоминание о вдовьей нелегкой доле, а на изящную, даже игривую шапочку. Все это прекрасно гармонировало с большими синими глазами и темными волосами. Стерва, конечно, пробы ставить негде, но очаровательна...

— Вино? — вежливо спросил Сварог, когда она села, положив ногу на ногу (что земным королевам строго запрещалось этикетом).

— Не откажусь, — ответила она непринужденно. И, пока Сварогставил на стол поднос, продолжала: — Давайте сразу к делу?

— Давайте, — сказал Сварог. — У вас что-то стряслось?

— Ну что вы, к счастью, все превосходно... — Лавиния с непонятным выражением посмотрела на него поверх тончайшего бокала с цветным узором. — Просто я прилетела к вам с деловым предложением.

— А вот это очень интересно, — сказал Сварог, нисколько не кривя душой. — До сих пор отношения у нас с вами были такими, что о каких-то общих делах и заикаться не стоило... Итак?

— Сначала — о большой политике, — сказала Лавиния. — Быть может, вы согласитесь, что мой Лоран торчит у вас костью в горле, мешая планам овладеть всем Харумом? Королевство у меня не такое уж маленькое, отнюдь не слабое, есть сильный флот, неплохая армия, а главное — подданные мои вовсе не горят желанием сменить монарха. Я не так давно провела кое-какие реформы, не старалась, чтобы все как сыр в масле катились, это уж чесчур, — но сделала достаточно для всех, от дворянства до крестьян, чтобы они остались довольны. И время от времени подкидываю косточки... Конечно, есть люди, которые всегда и всем будут недовольны, но большинство — за меня. Вам ни за что не найти в Лоране столько недовольных мною, чтобы сколотить из них серьезный противовес. И вы наверняка это прекрасно понимаете, у вас хорошая разведка, вы много должны о нас знать. К тому же вы, несомненно, используете здесь возможности для устройства земных дел... как любой на вашем месте. Вы согласны?

— Согласен, — сказал Сварог.

— Нас нельзя разложить изнутри или устроить серьезную внутреннюю смуту. Нас можно только завоевать. А это будет нелегкое предприятие. Нам чертовски помогает, что мы — остров. Переправить войска через Великий Канал вы не сможете — сейчас он считается международными водами, но на случай войны мы запасли несметное число мин, и при малейшей угрозе часа за два вывалим их в Канал, так что он будет напоминать миску, где фрикадельки больше, чем похлебки. Мои генералы очень серьезно

относятся к вашему маршалу Гарайлे и его великолепной коннице — но ее еще надо перевезти морем... Заверяю вас, мы будем драться до последнего. Вы, конечно, победите, у вас громадный перевес, но и потери вы понесете огромные. И окажетесь в оккупированной стране, где народ вас люто ненавидит. Стоит ли овчинка выделки? Я уверена, вы не раз задавали себе этот вопрос, верно? Поскольку до сих пор нет ни малейшего намека на какие бы то ни было военные приготовления против нас. Я правильно догадалась?

— Правильно, — кивнул Сварог. — Позвольте уж и мне щегольнуть проницательностью? Уж не предлагаете ли вы союз?

— Гораздо больше, — сказала Лавиния. — Я вам предлагаю взять меня в жены. Обвенчавшись по всем правилам во всех ваших владениях — вы ведь имеете на это право, — она весело, звонко рассмеялась. — А вы чертовски удивлены... но уже справились с собой и начали прикидывать то и это... Я вам нравлюсь как женщина?

— Не скрою, — светским тоном сказал Сварог.

— Я не колдунья, но попробую прочитать ваши мысли... В них наверняка присутствует что-то вроде: «Положить бы тебя на тот диван... Угадала?»

— Угадали, — сказал Сварог, вежливо улыбаясь.

— Ну и прекрасно. Хотите задаток?

Она встала, танцующей походочкой подошла к дивану и легла. И пока прошла эти несколько шагов, успела расстегнуть все четыре пуговицы на платье, а подол кружевного платья смялся так, что лишь слепой бы не разглядел, что кружевные трусики у нее черные. Закинув руки за голову — отчего великолепная грудь стала еще выше — Лавиния ослепительно ему улыбнулась:

— Ну, идите сюда. Не думаете же вы, что я буду отбиваться и кричать? Наоборот...

Не раздумывая долго, Сварог подошел, присел рядом на краешек дивана, аккуратно, снизу доверху застегнул все пуговицы на платье и одернул подол так, что правила

приличия были полностью соблюдены. И спросил с интересом:

— Лавиния, вы и в самом деле думали, что я немедленно на вас наброшусь?

— Но это же не исключалось? — улыбнулась она томно. — Могли и наброситься. Многие не упустят столь удобный случай. Вы же меня хотите, по глазам видно.

— Врать не буду, — сказал Сварог. — С превеликим удовольствием прилег бы, коли уж так откровенно предлагаю, а обстановка способствует. Не будь вы... вами. Лавиния, заслуживающие доверия люди говорят, что вы большая умница и хитры невероятно. Отчего же вы считаете меня идиотом? Здесь так легко просчитать все наперед... Где-нибудь через месячишко после того, как вы станете законной соправительницей в с е г о, какой-нибудь шалун всадит мне в спину нож, и вы останетесь единственной наследницей... Вы ведь четырежды подсыпали ко мне убийц...

— Трижды, — поправила Лавиния, мило улыбаясь. — Честное слово, трижды. Если там у вас поймали какого-то четвертого, и он признался, что его послала я, он врал. Я посыпала только троих.

Самое забавное, что она говорила чистую правду. Маху дал Интагар с этим четвертым, подумал Сварог сердито. Быстремько «признался», избежав особых пыток, а поскольку здоров был, как лось, отправлен не на плаху, а навечно на Катайр Крофинд, сельское хозяйство развивать. Надо будет его оттуда срочно извлечь и расспросить поежече. Поскольку Лавиния не врет, есть еще кто-то неизвестный, пославший убийцу, и надо с ним побыстрее свести знакомство...

С ясным взором и невинной улыбкой Лавиния спросила:

— Я надеюсь, вы не рассердились... за тех трех? Подсыпать убийц — совершенно житейское дело в отношениях меж королями, не нами заведено, не на нас и кончится...

— Ну что вы, ничуть не сержусь, — ответил Сварог ей в тон. — Действительно, дело житейское, между нами, ко-

ролями... Но согласитесь, после такого у меня есть серьезные основания опасаться, что все произойдет именно так, как я говорил...

— Вы меня, право же, недооцениваете, — сказала Лавиния. — Я весьма даже умная, простите за похвальбу. Когда я посыпала убийцу, была совсем другая ситуация. Тогда мне еще в голову не пришло, что гораздо проще и выгоднее предложить вам себя. Вы же лары, вы моментально можете определить, когда я говорю правду, а когда вру. Так вот: у меня и в мыслях нет вас убивать после свадьбы, наоборот, я хочу, чтобы вы жили как можно дольше... Ну, что скажете?

— Что вы говорите чистую правду... — протянул Сварог.

— То не из доброты душевной, — сказала Лавиния. — Вот уж чего у меня не было никогда... Голый расчет. Я прекрасно понимаю, что все ваши владения держатся исключительно на вас. Если бы я вас убила и осталась одна, против меня моментально взбунтовались бы во всех без исключения ваших землях, вынырнула бы масса претендентов на трон, начались бы смуты, и меня непременно прикончили бы... Нет, вы должны жить долго... То, что я предлагаю, выгодно нам обоим. Вы без боя получите Лоран! Я тоже получу немало. Но главное — рядом с вами будет умная и хитрая... да что там, скажем прямо, коварная помощница. У вас слишком мало умных, талантливых и верных сподвижников, способных на большие дела. Я как-то сидела со своим начальником разведки, мы и дюжины не насчитали... И хотя вы молчите, прекрасно знаете, что так и обстоит. В этих условиях я была бы весьма полезна — с моим умом, оборотистостью, энергией... Мы с вами очень быстро стали бы повелителями всего Талара: Святую Землю взять нетрудно, там начались мятежи и смуты, вы лучше меня знаете, как успешно действуют ваши войска. Ну, а Шаган... это уже не проблема. И весь Талар у наших ног... — протянула она мечтательно. — Вы ведь наверняка изучили мою биографию чуть ли не с лупой?

— Было такое дело, — с обаятельной улыбкой ответил Сварог.

— Ну, тогда должны знать, сколь нелетним предприятием было после смерти мужа взять в свои руки королевство, — сказала Лавиния уже без улыбки. — При том, что немало знати видело во мне «замарашку из Майоров», а у мужа осталась многочисленная родня, и у всех слюнки текли при одном взгляде на трон... Но я справилась, — сказала она не без гордости. — Хотя меня трижды пытались убить, а однажды едва не изнасиловали, мои конники подоспели в последний момент, когда меня уже повалили на лужайке и задрали подол... Ну, конечно, не из похоти. Всего лишь согласно старинному неписаному закону...

— Это какому? — искренне удивился Сварог.

— Вы, правда, не знаете? — вскинула брови Лавиния. — Старинный закон, неписанный, но соблюдается до сих пор. Изнасилованная благородная дама не может претендовать на трон. А изнасилованная королева не может более оставаться на троне и вынуждена идти в монастырь, к какой бы вере ни принадлежала. Есть очень интересная книга об этой традиции, написана лет триста назад, но читается легко. Калинар Конкот, «Обесчещенные». Много интересного. Некий король, возжелав избавиться от жены, просто-напросто устроил так, что ее в охотничьем домике изнасиловали пьяные до изумления егеря... Почитайте как-нибудь, там много интересных фактов и курьезов...

Сварог усмехнулся, глядя ей в глаза:

— Вот и подвернулся самый простой способ от вас избавиться...

— Изнасиловать меня прямо сейчас? — понятливо подхватила Лавиния и рассмеялась. — Не получится, король Сварог. Во-первых, это действует только на земле, а вы сейчас — лар, чиновник, принимающий земную королеву. Это не то. Не говоря уж о том, что за такие проказы вас моментально вышибут со всех должностей, даже то, что вы фаворит императрицы, не поможет — в конце концов, я королева... Во-вторых... — она улыбнулась беззаботно и весело, — во-вторых, я ни за что не признаю

себя жертвой насилия, буду твердить, что все происходило по согласию. Кстати, Конкот пишет, что одна из королев в свое время так и поступила — сами понимаете, гораздо выгоднее было предстать простой изменницей, благо супруг был не особенно крут, чем уходить в монастырь... Но давайте вернемся к моему предложению. По-моему, вы от него получаете одни выгоды: и Лоран, и весьма даже полезную помощницу в самых серьезных государственных делах... и неплохую любовницу, стоит учитывать. Не зря же говорится, что браки по расчету — самые крепкие. Или вы рассчитываете, что пробудете в фаворитах долго? Зря. У этой вздорной девчонки ветер в голове, она позабавится новой игрушкой, а потом ей надоест... А я была бы вам великолепной помощницей и надежной опорой. Кстати, я не ревнива. Лишь бы вы меня удовлетворяли полной мерой — а потом можете укладывать в постель хоть целые балетные труппы... Что скажете?

Сварог молчал. Собственно говоря, если прикидывать цинично — то есть с точки зрения высших государственных интересов и большой политики — ее предложение при других условиях следовало бы и принять. Из нее и в самом деле получилась бы великолепная сподвижница, она нисколечко себя не перехваливает — в самом деле, чертовски умна, энергична и способна на многое, так что в Лоране ей, безусловно, тесновато. Мара ничуть не обиделась бы, наоборот, непременно сказала бы, что идея отличная...

Следовало бы принять... Не будь Яны. Совсем не похожей на эту, какой ее себе представляет Лавиния. Вот Яна того ни за что не приняла бы — а значит, и долго раздумывать нечего...

— Простите, Лавиния, — пожал он плечами. — Вы нужден ваше любезное предложение отклонить.

— Но почему? — недоумленно подняла она брови. — Вы прекрасно знаете, что я не собираюсь вас убивать, прекрасно представляете, что из меня получится отличная помощница...

— Позвольте уж, милая королева, сохранить свои мотивы при себе...

Приподнявшись на локте, Лавиния долго его рассматривала с непонятным выражением лица, потом покривила губы в злой, циничной ухмылочке и протянула тоном шлюхи, торгующейся с клиентом:

— Понятно, что же тут непонятного... Играете по крупной, король Сварог? Разинули рот на трон Империи? Ну, что ж, убедительные мотивы... Только вам все равно его не видеть, как своих ушей! Она с вами поиграет и выбросит!

Светски улыбаясь, Сварог сказал:

— Простите, королева, я не считаю возможным обсуждать сейчас известную нам обоим особу... Ваши кони, кажется, застоялись?

— Какие, к черту, кони? — и тут до нее дошло, что ее откровенно выпроваживают. — Мерзавец!

Сварог едва успел вскочить и посторониться — она сорвалась с дивана, как бомба, стояла, пепеля его взглядом, машинально схватившись за эфес несуществующего кинжала: ну да, по достоверным сведениям, во время той драки за власть она самолично проткнула мечом одного из королевских племянников и пырнула кинжалом второго, да и третий жмурик за ней числится, какой-то оплошивший часовой...

Из предосторожности Сварог отодвинулся подальше — кинжала при ней нет, но все равно, отвергнутая женщина — одно из самых страшных созданий на свете, похоже каталаунского тигра... Может и коготками по физиономии пройтись, и оплеух навешать — а ведь настоящий мужик даме не сможет дать сдачи, тем более королеве...

Нет, он все же недооценил эту умную и коварную красотку с тремя трупами за спиной. Она не сорвалась в вульгарный скандал, более приличествующий базарной торговке, — стояла, выпрямившись, гордо вскинув очаровательную головку, глядя ему в глаза с рассудочной, холодной, лютой ненавистью.

— Ну что же, король Сварог... — произнесла она беспристрастно, чеканя каждое слово. — Враги, так враги... Пол-

ная ясность, — и улыбнулась циничной, блудливой улыбкой. — Желаю успехов на пути к трону Империи... если не споткнетесь по дороге.

Вежливо поклонилась, отвернулась и той же легкой, летящей походкой направилась к двери, колыша бедрами, высоко держа голову — высокомерная и гордая... кипящая от злости. «Ох, и враг у меня теперь будет, — подумал Сварог меланхолично. — Она и раньше дружбы не питала, а уж теперь...»

Вот забавно: когда за ней затворилась дверь (она не хлопнула дверью, выдержала с т и л ь до конца), Сварог ощутил легкое, мимолетное сожаление: а все же отличная помощница в серьезных делах была бы, да и женщина очаровательная... Но ничего не поделаешь, коли уж приходится выбирать меж Лавинией и Яной, колебаться нельзя ни секунды... Нажав клавишу, он распорядился:

— Приготовьте мой брагант.

... Канцлер осведомился не без любопытства:

— Интересно, лорд Сварог, с чем вы на сей раз пожаловали? Ни о чем не докладываете с порога, никаких новостей не сообщаете... Помалкиваете пока что... И напускаете на себя вид скромного просителя, а? Что вам нужно на сей раз?

— Сущий пустяк, Канцлер, — сказал Сварог с улыбкой. — Я бы хотел узнать одну из высших государственных тайн. Для работы необходимо

— Великолепно, — хохотнул Канцлер. — Вот еще и за это я к вам питаю слабость, лорд Сварог — за вашу милую непосредственность. Вынь да положи вам еще одну высшую государственную тайну... Вот так незатейливо и в лоб...

— Я думаю, мне это крайне необходимо по службе, — уже без улыбки сказал Сварог.

— Вообще-то это еще не аргумент. Я решаю, кому и какие тайны следует знать в интересах службы.

— Безусловно, Канцлер, — прямо-таки смиренно сказал Сварог. — Я ведь никоим образом не настаи-

ваю, я просто хочу спросить, нельзя ли мне и эту тайну узнать...

— Значит, ваши юные компьютерные гении на сей раз до чего-то не смогли добраться? — с большим пониманием произнес Канцлер. — Ну, не смущайтесь вы так (хотя Сварог и не думал смущаться) Я прекрасно знаю, что они еще во времена Гаудина шарапи по компьютерным сетям самых разных контор. У меня в Технионе сидят не растяпы...

— Небольшое уточнение, Канцлер, — сказал Сварог. — С формально-юридической точки зрения они ни разу не нарушили ни единого запрета. Зато... Вы хотя бы раз фиксировали попытки проникнуть в сети вашего Кабинета или Кабинета императрицы?

— Ни разу, — ответил Канцлер моментально.

— Вот видите. Что запрещено, то запрещено. Ну, а там, где запретов нет...

— Умиляет меня ваше благородство, лорд Сварог, — сказал Канцлер с философским видом. — Честнейшей вы души человек. А могли бы, как в том старом анекдоте, не только денежки забрать, но и мельницу спалить вместе с мельником...

Не похоже было, чтобы он сердился — просто пребывал в одном из крайне редких приступов благодушия и беззлобно шутил.

-- Каковы ваши впечатления от досье Ледяного Доктора? — уже серьезно спросил Канцлер.

— У меня осталось странное ощущение, — сказал Сварог. — Словно что-то очень важное лежит прямо у нас перед глазами, но мы его не видим...

— Интересно... — сказал Канцлер. — В разное время от разных людей я слышал именно эту фразу раз десять. И независимо от них у самого в голове всплывала... У вас никаких догадок?

— Ни малейших, — сказал Сварог.

— Жаль. Я чуточку надеялся, что вы, как свежий человек... — Канцлер безнадежно махнул рукой. — А, сколько ни ломали голову... Так что там за тайну вы хотите выведать?

— Меня давно уже не то что интересует — мучает один вопрос, — сказал Сварог. — Почему государство официально именуется Империей Четырех Миров, но реально контролирует только Талар и Сильвану?

Почему о Нериаде и Тетре молчат так, словно их не существует? Я лично убедился, что многие здесь даже и забыли, что существуют Нериада и Тетра, ведь все о них слышали один-единственный раз в жизни, совсем детьми, в начале обучения...

— А какое отношение то имеет к вашим служебным обязанностям? — бесстрастно осведомился Канцлер.

— Черные камни, — сказал Сварог. — Загадочные камни-компьютеры. Уж они, безусловно, входят в круг моих служебных обязанностей по линии сразу двух учреждений, не так ли? Так вот, один... человек мне рассказал, что якобы в вашем личном архиве лежат данные анализов, неопровергимо свидетельствующих, что эти камни, все до одного, происходят с Нериады...

— Ах, вот оно как... — не без ехидства усмехнулся Канцлер. — Ну что же, вычислить болтуна несложно. Поскольку те, кто делал эти анализы, давным-давно умерли — это были не лары, а антланцы, — допущенных к тайне осталось всего четверо. Я вам ничего не говорил. Если бы об этих анализах вам проговорилась Яна, рассказала бы и все остальное — но вы-то явно знаете только об анализах... Остается одна-единственная персона, которую мы оба прекрасно знаем. Диамер-Сонирил ни за что ни за что не проболтался бы. Каковая после ведра келимаса способна разболтать государственные тайны тому, кого считает достойным доверия... — он тоскливо вздохнул. — И ничего с той персоной сделать невозможно... Значит, он вам рассказал только об анализах?

— Только, — сказал Сварог. — А потом в совершенно открытых данных я обнаружил, что обе планеты со значительной частью прилегающего космического пространства объявлены запретными зонами. Летать туда категорически запретно кому бы то ни было — только с вашего личного разрешения.

— И с разрешения Императрицы тоже, — буркнул Канцлер. — После ее совершеннолетия.

— Ну что же, — сказал Сварог. — Не так уж и давно, когда я был этаким искателем приключений, я бы попросту взял разрешение у Яны, сел в виману и полетел туда сам... — он вздохнул. — Но что-то я в последнее время по-взрослел, Канцлер, и потерял любовь к приключениям... Так могу я эту тайну знать или нет? Если Нериада — запретная зона, каким образом эти чертовы камни-компьютеры попали на Талар? Или — еще до Шторма?

Канцлер долго молчал, глядя в стол, задумчиво прикусывая губу. Потом сказал с той же бесстрастностью:

— Ну что ж, лорд Сварог, вас все равно давно пора зарезать за то, что вы вызнали кучу государственных тайн. Одной больше, одной меньше — это вашего положения не изменит... — он поднял голову. — Извините, это я так шучу. Если я вас зарежу, потеряю ценного сотрудника, да и Яна мне в жизни не простит. Шутка.

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Сам иногда шучу... не без цинизма. Как начальнику восьмого департамента позвольте осведомиться: мой предшественник эти тайны знал?

— Нет.

— Даже так? — вырвалось у Сварога.

— Даже так, — жестко сказал Канцлер. — Ну а вас придется в эти тайны посвятить — и потому, что времена сейчас другие и оттого, что я на вас возлагаю некоторые надежды. Коли уж вам удавались некоторые предприятия... Ну, так вот, дело обстоит следующим образом. До Шторма все четыре планеты были обитаемы. Правда, Империи не было. Ни на одной планете не было единого правителя. Судя по сохранившимся скучным данным, у них тогда было нечто вроде Виглафского Ковенанта, только называлось иначе: Лига Четырех Миров. Прав и возможностей у Лиги было вроде бы чуточку побольше, чем у Ковенанта, но подробностей мы не знаем. Кроме того, есть старые хроники, где упоминается о «застрявших на Таларе и Сильване после Шторма обитателе-

— Значит, и межпланетное сообщение было?

— Да, безусловно, — сказал Канцлер. — Они успели к тому времени открыть антигравитацию... но эти сообщения не успели развиться настолько широко, как, скажем, нынешнее морское и речное сообщение на земле, где в плавание может отправиться любой желающий, были бы деньги. Главным образом служебные поездки, а туризм — для очень уж важных персон или толстосумов. Ну, потом грянул Шторм... Межпланетные корабли наши предки смогли создать вновь лишь лет через триста после Штormа. Когда, собственно, Империя и возникла в нынешнем ее виде. Естественно, последовали — экспедиции... Что обнаружили на Сильване, объяснять не стоит, вы о ней и так все знаете. С Тетрой, если можно так выразиться, обстоит понятнее всего. То есть мы до сих пор не знаем, что ее привело в нынешнее состояние, но, по крайней мере, точно знаем, что же там происходит. Случился какой-то жуткий катаклизм, после которого планета превратилась в сущий ад. Из атмосферы почти полностью исчез кислород, его там теперь тысячные доли процента. В основном — углекислый газ. Температура на поверхности постоянная, около четырехсот градусов, естественно, тепла. Озера из легкоплавких металлов, потоки серы, кислотные дожди, пелена облаков из всевозможной химической дряни... В таких условиях не могло сохраниться ничего живого да и все материальные следы цивилизации погибли. И никаких тайн. Запретной зоной ее сделали исключительно для того, чтобы туда не совались искатели приключений. А вот Нериада... это, знаете ли, одна сплошная тайна. Первые экспедиции вернулись с радостными докладами: ситуация обстоит примерно так, как на Таларе, то есть, на земле — более половины населения пережило Шторм, восстанавливаются государства, хотя и примитивные, плавают корабли, колосятся поля... Замки, короли, рыцари и крестьяне... Разъезжают купцы, охотники стреляют оленей... В общем, глядя со стороны — нормальная

жизнь. Но лет через пятьдесят стало ясно, что жизнь та совершенно ненормальная... Она стоит на месте.

— Как это? — тихо спросил Сварог.

— Тогда еще не все понимали, но когда прошли не просто столетия, а тысячелетия, поняли: что-то крепенько не так... Там полностью отсутствует какой бы то ни было технический прогресс. Абсолютно. Конечно, что уж от вас-то таить, и на Сильване, и на Таларе мы технический прогресс чуточку... подтормаживаем. Но он существует и проявляет тенденцию к развитию. На Нериаде мы в этом плане не делали ничего. Абсолютно ничего. Однако, если просмотреть фильмы, снятые пять тысяч лет назад и вчера, вы не увидите никакой разницы. Я потом дам вам фильмы...

За пять тысяч лет не изменилось ни ч е г о . Вы понимаете? Н и ч е г о . Множество поколений сменилось — но и замки, и дома, и крестьянские лачуги словно бы те же самые. Абсолютно не меняется мода — они и сегодня одеваются так, как их предки пять тысяч лет назад. Ничуть не изменилось оружие, корабельная оснастка и сами корабли, орудия ремесленников и крестьян. У них нет никакого искусства. Вообще. Только ювелиры — опять-таки пять тысяч лет работающие по одним и тем же шаблонам. И науки практически²⁴ нет.

Наконец, они никогда не воюют. Вообще. Хотя всякий король содержит и рыцарские дружины, и алебардщиков с лучниками, — Канцлер тяжко вздохнул. — Вот так примерно выглядит Нериада. Это, безусловно, люди: они играют свадьбы, рожают детей, пашут землю, прокладывают дороги, строят дома — но поколение за поколением продолжается одно и то же. Мы их исследовали — самые обыкновенные люди, без малейших патологий. И в то же время — словно бы и не люди. С ними невозможно общаться — они абсолютно не в состоянии говорить на отвлеченные темы, разговор всегда вертится вокруг профессиональных занятий собеседника. И все. Мне приходилось с ними общаться. Поверьте на слово — впечатление жуткое.

Напоминают роботов с куцей программой. Мы у них выявили и супружеские измены, и преступность — но и то, и другое постоянно держится на некоем уровне, будто задан определенный процент на шлюх и разбойников. Словно кто-то давным-давно определил: должен существовать определенный процент рыцарей, пахарей, ремесленников, проституток, бондарей, и так далее, и так далее... Черт, они даже не дерутся, хотя в кабаках пьют — но опять-таки и здесь все выглядит так, словно в графе «кабацкие гуляки» поставлена определенная цифра. Ни песен, ни шуток. Танцы и музыка, правда, есть — н е и з м е н и ю . Нет, кстати, ни религий, ни ч е р н ы х культов. Ни следа магии. Самое интересное, что нет ни роста населения, ни основания новых городов и сел. Почему население держится примерно на одном и том же уровне, никто понять не может. Чего ни коснись — никто ничего не может понять. — Канцлер глянул на него с любопытством: — Надеюсь, вы не станете с ходу предлагать никаких скороспелых версий?

— Никаких, — угрюмо сказал Сварог. — За пять тысяч лет их наверняка выдвинули столько...

— Наоборот, очень мало, — скрупо усмехнулся Канцлер. — Для многочисленных версий нет основы. Все версии быстро сводятся к одному: существует некий фактор, действующий на сознание людей и превращающих их в... то, что они есть. Вот только этого фактора так и не обнаружили. Брали кровь на анализ у людей и животных, пробы воздуха, воды, земли, исследовали космические излучения, магнитное поле планеты... и многое, многое другое. Ничего не нашли. Хотя — этот загадочный фактор безусловно е с т ь... В этом все твердо убеждены.

— На каком основании?

— В свое время, достаточно давно, кто-то из тогдашних министров решил, что следует назначить имперских наместников и на Нериаду, — сказал Канцлер. — Коли уж там существуют короли и государства... Наместников они приняли, как приняли и то, что находятся под властью

Империи. Крайне равнодушно приняли. Пожали плечами, пробормотали что-то вроде: «Ну, раз надо, значит, так тому и быть...» — и ни малейшего протеста. Естественно, и наместники, и их многочисленный штат состояли сплошь из разведчиков и экспертов. Одновременно заслали туда агентов, которые крайне успешно внедрились — у них тоже, случается, люди переезжают в другие города и села... Никаких интересных результатов. Женщины, простите за вульгарность, дают, мужчины пьют с нашими агентами в кабаках... но невозможно извлечь хоть какую-то пригодную информацию. Потому что, как я уже говорил, разговоры крутятся исключительно вокруг собственной профессии или профессии собеседника, домашних дел, на манер «А у меня баба горшок разбила», «А у меня корова забор сломала». Среди дворянства — то же самое. Бесконечные разговоры о родословной, о предках, о том, кто сколько может выпить вина, кто кому изменяет и с кем. Дуэлей, кстати, тоже нет. Один из наместников писал в отчете, что дворцовый бал напоминает ему музыкальный ящик с движущимися фигурками — видели такие? Ну вот... Ни поэтов, ни острословов, ни интриг. Менестрели, как выяснилось, поют те же песни, что тысячу, две, три назад. Потом, примерно через год, началось что-то непонятное. И² от наместников, и от агентов, и от ученых лавиной посыпались просьбы их отзвать. Послали комиссию. Все, с кем ее члены разговаривали, отвечали одинаково: они сами чувствуют, что тупеют. Даже между собой начинают разговаривать на уровне местных, один человек вдруг обнаружил, что стал читать с трудом и плохо понимает прочитанное, другой — что не может более производить статистические вычисления, третий, на досуге давно баловавшийся поэзией, внезапно словно бы разучился сочинять стихи... И тому подобное. Комиссия сделала вывод, что наши люди начинают опускаться на уровень местных. Изложено это, конечно, было более научнообразно, но смысл именно таков. Всех срочно оттуда отзвали, и дома они очень быстро пришли в норму... но еще до того стали объектами тщательнейших исследова-

ний, опять-таки не обнаруживших никаких следов фактора.

Тогда же один из крупнейших психологов решил поставить свой эксперимент. Он забрал на Нериаде около ста человек — от дворян и купцов до горшечников и крестьян, молодых, средних лет, пожилых. Поселил их в одном из антланских городов и установил постоянное наблюдение. Примерно через год все они стали словно бы оживать. Меняться. Вести себя, как нормальные люди. Кто подрался на дуэли, кто просто подрался из-за девушки, кто захотел учиться грамоте, чтобы читать книги... И разговаривали они теперь, как нормальные люди — обо всем на свете. Еще через год их было просто не узнать, не отличить от антланцев. И ни один из них не захотел возвращаться. Все прижились. Каждого, от дворянина до крестьянина, определили здесь на место, соответствующее его прежнему положению. Очень быстро они стали воспринимать прежнюю жизнь на Нериаде, как сон. Особенно молодые. За каждым наблюдали до самой его смерти, и всякий раз оказывалось, что он жил, как обыкновенный человек. Если у него — или у нее — были дети от антланцев или таларцев, они вырастали абсолютно нормальными, ничем не отличаясь от здешних сверстников. Именно после того, что стало происходить с нашими людьми на Нериаде и «Эксперимента ста», и стало ясно: есть некий фактор, некое воздействие на человеческий мозг. Это было шестьсот лет назад. С тех пор на Нериаде ничего не изменилось, а фактора так и не нашли. Я думаю, этого достаточно?

— А камни?

— Камни... — поморщился Канцлер. — Есть на Нериаде такие камни. В основном в горных районах. Залегают главным образом на поверхности, такими исполинскими кристаллами наподобие друз аметиста. Есть ремесленные цеха, которые их добывают, в не особенно и большом количестве, из них делают кувшины, блюда, обтачивают, придавая круглую форму, — и всегда они служат чисто декоративным украшением дома. Исследован этот мине-

рал многократно и скрупулезно. Самый обыкновенный минерал. Ни на Таларе, ни на Сильване пока что не найден. — Канцлер усмехнулся. — Запретной зоной планету объявляли, когда меня еще и на свете не было, и я не нашел в бумагах внятного изложения мотивов. Есть подозрение, что тогдашние сановники просто-напросто хотели накрепко изолировать непонятное, и это был главный мотив. Других я при всем старании усмотреть не смог. Если Нериада и представляет для нас угрозу, никто не знает, в чем она заключается. Как из камней получились компьютеры и каким образом они оказались на Таларе никто не в состоянии догадаться.

Сварог осторожно спросил:

— А мог кто-то, оставаясь незамеченным, летать туда?

После введения запретной зоны?

— Исключено, — сказал Канцлер. — Надзор строжайший. Что вы так смотрите?

Сварог тихо сказал:

— Я просто вспомнил, что летательный аппарат Вингельта так и вышел за пределы атмосферы, незамеченный нашими системами наблюдения и контроля. Нет, Канцлер, я не намерен утверждать, что именно они летают на Нериаду, что они вообще куда-то летают за пределы планеты... Суть в другом: здесь, у нас под носом есть аппараты, незамеченными преодолевающие наши системы контроля. Вряд ли тот, на котором я тогда летал, — единственный.

— Не бередите душу, — зло насупился Канцлер, — эти х ищут которую тысячу лет и не могут обнаружить. Но даже если это они, зачем им подбрасывать камни-компьютеры кому попало? Шестилетняя девочка, банкир-делец, вор, пират, бедный студент, зерноторговец...

— Не знаю, Канцлер, — сказал Сварог. — Это вы выдвигаете версии, а не я. Лично я никаких версий измышлять не берусь, потому что в толк не возьму, на чем их основывать... Вы, и правда, дадите мне какие-то материалы?

— Я же обещал, — усмехнулся Канцлер, достал из ящика стола две обычных «спички», белых, с синими головками, подал Сварогу. — Но имейте в виду, каждая прорабатывает не более трех часов.

— Благодарю, — сказал Сварог, вставая.

— Присядьте еще на минуточку, — сказал Канцлер, и Сварог послушно уселся. — Еще один пустячок... Вы никогда не обращали внимания на то, что горротские странности начались еще при настоящем Стакхоре?

— Ну как же, — сказал Сварог. — Давно обратил. Воздвигнение сети «дорожных знаков» началось еще при настоящем. И свой внешний долг Горрот странным образом выплатил при настоящем, хотя, как клянутся мои финансисты, не имел к тому никаких возможностей...

— А з д е с ь у вас есть версии?

— Конечно, — сказал Сварог. — Лично я предполагаю, что наши п р о й д о х и сначала спелись с настоящим Стакхором. И наверняка придумали для него что-то убедительное, но не имевшее никакого отношения к их подлинным целям. Вполне возможно, так и было. Ну, а потом его понадобилось убрать и заменить совершеннейшей марионеткой... У вас на него что-нибудь есть?

— Ничего. А у вас?

— Откуда? — пожал плечами Сварог.

Он был совершенно искренен. Он только об одном умолчал, уходя: что у него, если его не обманули в свое время, есть возможность извлечь эту беглую парочку из их убежища на Древних Дорогах.

Глава VII

ВСАДНИК НА ДИКОВИННОМ КОНЕ

Король королей Сварог Барг давненько уж неторопливо прохаживался по Янтарному залу Латеранского дворца (несмотря на пышное название, представлявшему собой не столь уж и большую комнату, отделанную янтарными панно и мозаиками и служившую еще одним малым кабинетом). Сунув руки в карманы роскошных королевских портков из редкого и дорогущего шемахайского бархата, меланхолично напевал под нос:

*— На диване, на диване, на диване
мы лежим, художнички.
У меня, у меня и у Баклаги
протянулись ноженьки.
В животе, в животе стучат пельмени,
как шары биллярдные...
Дайте нам хоть рваных денег —
будем благодарные.*

И время от времени косился на отделанный янтарем стол, где преспокойно лежал массивный треугольный

предмет, напоминавший наконечник копья с выпуклыми гранями.

— На диван, на диване, на диване
тишина раздалася —
у меня, у меня и у Баклаги
жизня оборвалася...

Просмотренные два дня назад секретнейшие фильмы о двух несчастных планетах его сейчас нисколечко не задевали, и вспоминать не стоило — в адских пейзажах Тетры не было ничего загадочного, а тайна Нериады оказалась столь неприступной, что и думать о ней не следовало — он не считал себя настолько гениальным, чтобы решить, будто смаху раскроет загадку, над которой пять тысяч лет ломали головы поколения неплохих специалистов. Да и о том, как черные камни попали на Талар, гадать пока не стоило: от них не усматривалось никакой угрозы, работали себе помаленьку в руках Бетты и Кадарата, выполняя нехитрые функции. А вот Горрот...

Но тут не продвинуться ни на шаг. Как пела когда-то Тарина Тареми:

— А нам и горе — не беда,
глядим героями.
Из ниоткуда в никуда
однажды строили...

Вот именно. Все следы вплоть до нынешнего момента вели из ниоткуда и обрывались в никуда. Насчет «ниоткуда», конечно, не совсем верно, но что касаемо «никуда» — попадание стопроцентное.

Лбом в стену — хорошо хоть уперлись, а не треснулись...

Остановившись у стола, он уставился на талисман, в котором якобы до сих пор был заключен Горлорг, магический конь давным-давно исчезнувшей расы, способный носиться по Древним Дорогам. И пребывал там, как ему сказал Радужный Демон, миллионы лет — сколько именно, Демон не знал и сам, а уж Сварог тем более. Бабка

Грельфи, заявившая, что вещица «невообразимо древня», никакой ясности не внесла.

И вот тут-то начинаются тягостные размышления. То, что он задумал и старательно готовил двое суток, предусмотрев (не без советов Интагара, конечно), кажется, все, что только способен предусмотреть человек. Но для успеха предприятия — или хотя бы его претворения в жизнь — требовалось попасть на Древние Дороги. Вот он, талисман, однако...

С некоторых пор он стал чертовски осторожен и подозрителен — или попросту повзросел окончательно и не кидался, очертя голову, в любую дверь, на которой было написано: «Тайны и загадки».

Не так уж и давно, во времена своей насыщенной лихими приключениями юности, Сварог, не колеблясь, быстренько проделал бы все необходимые манипуляции. Теперь же он чуть ли не полчаса бродил вокруг стола в тягостной задумчивости.

Потому что случиться могло что угодно. С магическими предметами, пролежавшими миллионы лет, точнее, с их содер жи ми, могло (как соглашалась Грельфи) произойти самое непредсказуемое. В лучшем случае — взлетит и растирает струйка дыма, а то и того не произойдет. В худшем — вместо Горлорга оттуда вылезет или попрет нечто такое, что и головы не сносить. Бывали печальные примеры с гораздо более молодыми находочками.

И наконец, нет полной гарантии, что Радужный Демон ему не наврал, чтобы отвязаться. Хотя, с другой стороны, Сварог ему тогда открытым текстом намекнул: обманешь, радужный ты наш, вернусь и размечу твой курган до основания. Демон вроде бы прекрасно это уяснил. Но опять-таки мог подсунуть такое, что возвращаться и мстить будет просто некому.

Одним словом, ситуация головоломная. Но и тянуть до бесконечности нельзя: другой возможности, другого следа нет, на Древние Дороги идти необходимо... Так что самая пора рисковать... Распечатать бы эту штуку где-нибудь в чистом поле, чтобы она была под прицелом

дюжины серьеcных стволов — но нельзя, никто пока не должен знать, что у него есть возможность проникать на Древние Дороги. При некоторых обстоятельствах поведение Канцлера предсказать решительно невозможно...

Пора, однако... С тяжким вздохом, еще раз напомнив себе, до чего он везуч и удачлив, Сварог подошел к столу, зачерпнул ладонью из широкогорлого глиняного кувшина речной воды — Радужный Демон наставлял, что впервый раз, до знакоmства, без ритуала не обойтись, и горшок непременно должен быть глиняным, а вода — проточной, ни в коем случае не колодезной, не озерной, на худой конец сойдет и озерная, но из такого озера, куда непременно впадает (или вытекает) река (но может и не получиться)...

И вода, осторожно выплитая Сварогом на талисман, повела себя странно — не растеклась, не стекла на стол, а покрыла всю поверхность камня множеством круглых капелек, посверкивавших, как ртуть. Неизвестно, как это расценивать, — омеха Демон не распространялся...

И тогда Сварог, затаив дыхание, громко произнес три не особенно и длинных фразы, неторопливо, медленно выговаривая неведомо что означавшие слова: сочетания букв оказались чертовски непривычными.

Отступил на пару шагов, к распахнутому окну, куда в случае чего можно было, забыв о королевском достоинстве, в два счета сигануть — Янтарный зал располагался на первом этаже (опять-таки согласно наставлениям Демона: лучше всего стоять прямо на земле, и талисман на землю положить, но если нет такой возможности — то находиться не выше первого этажа, и под комнатой не должно быть подвалов...). Началось! Ничего страшного либо интересного не произошло: камень окутался облачком сероватого дыма, и этот дым стал распространяться вверх, вниз, в стороны, колышась причудливыми, извивавшимися, переплетавшимися струйками, образуя этакий занавес — будто он был заключен меж двух невидимых высоких стекол. Образовал почти правильный квадрат примерно три уарда на три...

А потом попросту исчез, словно повернули некий выключатель.

Вместо стола и противоположной стены перед Сварогом предстало ограниченное тем же струящимся дымом пространство размером не особенно и отличавшееся от стойла в конюшне. Огромная коробка из дыма, без передней стенки, только вот пол не из дыма, напоминает больше лужайку, поросшую густейшей, темно-зеленой травой.

Не обманул, надо же. Он стоял там, внутри, головой к Сварогу, как спокойный конь в стойле...

Размером примерно с рослого коня, Горлорг все же на привычного коня походил мало: очертания туловища, ног, шеи в общем, напоминают конские, и весьма. Однако круп примерно до половины боков покрыт темно-желтыми круглыми плитками, каждая в концентрических, тонких черных линиях и больше всего похожа на черепаший панцирь, только плоский. Все остальное тело, и ноги, и шея покрыты кудрявой черной щерстью, напоминавшей каракуль. Ноги заканчиваются не копытами, а тремя толстыми пальцами, покрытыми теми же плитками, только размером уже с монету (а на спине и боках — с блюдце). Длинная массивная морда больше похожа на черепашью — совершенно черепаший клюв, на вид роговой. Грифа черная, словно бы аккуратно подстриженная густой щеткой. Хвост тоже черный, но куцый, длиной в пару ладоней, этаким конусом.

И все же это диковинное создание отчего-то не вызывало отвращения. Никак нельзя сказать, что оно уродливо, монструозно — Горлорг красив какой-то своей, совсем другой красотой навсегда исчезнувшего, невообразимо древнего мира. Почему-то так и чувствовалось.

— Так вот ты какой, северный олень... — пробормотал Сварог, стараясь не делать лишних движений.

Горлорг неотрывно уставился на него огромными желтыми глазами с вертикальным кошачьим зрачком. Решительно невозможно определить, какие эмоции это

создание сейчас испытывает: неизвестно, какое у него выражение морды, когда оно злится, радуется, скучает — Демон и в эти детали не вдавался...

Сварог стоял неподвижно. Горлорг, не сводя с него глаз, притопнул правой передней ногой и, не разевая пасти, испустил нечто вроде короткого вороньего карканья. «Господи, пронеси», — подумал Сварог, осторожно сделал шаг вперед, еще один, еще... Встал рядом с шеей, и клювастая черепашья морда тут же повернулась к нему, шумно понюхала. В голове промелькнуло: сейчас как цапнет, зараза...

Прядая высокими, шерстистыми, похожими больше на собачьи ушами, Горлорг вновь каркнул — и Сварог каким-то озарением ощутил исходящее от животного недоумение: ну да, впервые в жизни увидел человека, и неизвестно еще, кто кому кажется более диковинным...

Не похоже, чтобы собирался кусануть. Пахло от него странновато: никакого смрада, обычный запах чистой шерсти и здорового тела животного, но непривычный, незнакомый. Так могло бы пахнуть Время...

Ну что же, значит, по всем правилам, коли пока что идет согласно обещанному? Сварог извлек кинжал из ножен и легонько черкнул острием там, где наказывал Демон: аккурат в том месте, где роговая морда смыкалась с кучерявой шерстью на шее. Горлорг чуть заметно встрепенулся — но остался стоять спокойно. Там, где кольнул Сварог, медленно выступила капля темно-синей крови размером с крупную вишню. Приободрившись, Сварог полоснул себя острием кинжала по мякоти большого пальца левой руки и, когда выступила достаточно большая капля крови, прижал руку к шее диковинного коня, потер, смешивая красную и темно-синюю кровь. Опустил руку. Ранка была покрыта смесью неопределенного цвета — как и то место на шее Горлорга.

Спохватившись, бросил кинжал в ножны, поднял левую руку к морде. Черепаший клюв слегка приоткрылся, выполз широкий синеватый язык, прошелся по руке Сварога. Исчезли и смешавшаяся кровь, и сама ранка. Ага!

Сварог провел пальцами правой руки по конской шее, там тоже исчезли и кровь, и ранка.

Облегчение оказалось таким, что ноги едва не подкосились, и недолгое время имела место противная дрожь в коленках. З а р а б о т а л о!

— Ну что, животина? — спросил он севшим голосом. — Провели боевое слаживание?

Коротко каркнув, Горлорг опустил ему морду на плечо. Ясно было, что все в порядке. Сварог посмотрел направо: там, и точно, лежали седло с уздечкой чуточку непривычного вида, но, судя по всему (да и вспомнив скелет), ноги и задница прежнего хозяина не особенно отличались от человеческих, так что проблем не будет. И седло, и уздечка — из черной, тонкой, хорошо выделанной кожи, украшены накладками золотого цвета: то ли неведомые буквы, то ли просто орнаменты.

Заседлать Горлорга оказалось не труднее, чем обычно коня, и уздечку надеть оказалось так же легко. Удила наличествуют: значит, конек с норовом... Ну да, а последнюю манипуляцию следует, проделать, уже сидя в седле, иначе останешься тут один, а он радостно умчится...

Подтянув предварительно под свою ногу массивные, вроде бы серебряные стремена, Сварог привычно вскочил в седло. Крепко сжав левой рукой поводья, взял свободно болтавшийся ремешок с затейливым крючком золотого цвета — а может, и золотым — и решительно защелкнул его в налобной бляхе, прочно державшейся на двух боковых ремешках.

Все вокруг окуталось туманом, Сварог крепко стиснул ногами конские бока, ухватил поводья обеими руками и вовремя: Горлорг рванулся вперед, будто пущенная из лука стрела, так, что неумелого наездника моментально вынесло бы из седла.

Туман рассеялся, по обе стороны появились знакомые деревья со светло-коричневыми стволами и темно-сиреневыми кронами, под странными копытами Горлорга мелкими уложенные «елочкой» серые каменные блоки. И сероватое, словно затянутое облачной хмарью небо без

солнца над головой. И закругленные серые бордюры по обе стороны. И «верстовые столбы». Древние Дороги!

Горлорг шел галопом, то и дело испуская длинное, пепеливчатое карканье, в котором чудилась радость, даже ликование. Ну да, это все-таки живое существо, и реакции у него те же, что у застоявшегося на конюшне скакуна, слишком долго лишенного простора.

Понимая то, Сварог дал коню время отвести душу, проскакать, по прикидкам, пару-тройку лиг — а потом принялся помаленьку натягивать повода, останавливать. Совершенно как обычные кони, Горлорг поначалу артачился, но Сварог довольно быстро привел его к порядку, пустил шагом, удовлетворенно подумав: мы как-никак Гэйры-лошадники, у нас не забалуешь...

Недовольно, утробно фыркая, поматывая головой, Горлорг все же послушно двигался шагом — тут, конечно, и удтила свою роль сыграли, не одно лишь умение Сварога обращаться с норовистыми лошадьми. Вокруг, как и в прошлый раз, стояла тишина. Ну вот, теперь надо сосредоточиться и делать, как учил Демон, — не обманул все-таки, реликт радужный...

Положив правую ладонь на голову коня, меж ушей, он как можно более четко постарался вспомнить то место — каменную плиту с загадочным знаком, вертикальную строчку из семи иероглифов пониже, лесенку из трех невысоких каменных ступенек. Чтобы так и встала перед глазами...

Горлорг встрепенулся, дернулся всем телом, ударил передними ногами по камню, с коротким карканьем резко развернулся, едва ли не на месте, помчался в противоположную сторону — похоже, сработало... Сначала шел просто галопом, потом сорвался на такую скорость, что верстовые столбы, казалось, пролетали мимо, как густой частокол, — а скорее всего, так оно и было, с невероятной прытью несся конь, по обе стороны вместо деревьев тянулись лишь смазанные полосы. Ну да, конечно, Конь Древних Дорог, это его места, он здесь, как рыба в воде... Время от времени Горлорг испускал короткое ли-

кующее карканье — да и Сварога подмывало всплыть от восторга оттого, что все сложилось так здорово. Он удержался только потому, что не знал, как отреагирует на человеческие крики конь: ничего, свыкнемся, приладимся, получше узнаем привычки друг друга...

Слева, у бордюра мелькнуло и тут же осталось за спиной совершенно непонятное разноцветное пятно: кто-то встречный, но что это за путник и какого он облика, разглядеть при таком аллюре попросту не удалось. Ослабив поводья, держась левой рукой за луку, Сварог без труда удерживался в седле: Горлорг несся на бешеной скорости, но удивительно ровно и плавно, с некоей чуточку механической размеренностью, так что усидеть было легко. Бог ты мой, столько лет талисман пролежал без пользы, давно пора было это сделать... а впрочем, не было жизненной необходимости, получилось бы только утоление любопытства и все. Зато теперь...

Неизвестно, сколько времени продолжалась бешеная скачка, — но настал момент, когда Горлорг начал понемногу сбавлять бешеный бег, верстовые столбы уже не пролетали мимо, а размытые полосы по обе стороны дороги вновь стали деревьями. А там конь перешел на крупную рысь. Значит, совсем близко.

Навстречу, слева двигалось что-то странное: зеленая с золотом карета непривычных очертаний, без оглобель и лошадей, самостоятельно катившая с едва слышным глухим жужжанием. Ступицы колес временами испускали пучки синих искр. На облучке сидел, держа два изогнутых рычага, несомненный человек, вот только одет странно и незнакомо, да лихо закрученные черные усы не под носом расположены, а начинаются выше ноздрей. Ну что ж, кто тут только ни бывает, дорога общая...

Перед тем, как они разминулись, Странноусый приложил руку к своему синему круглому колпаку несомненно приветственным жестом — и Сварог ему вежливо поклонился. Тихие, спокойные места, вежливые странники... Не похоже, чтобы здесь обитали какие-то чудища, просто хищные звери или разбойники — хотя исключать нельзя.

О Древних Дорогах кружит масса рассказней, но большинство из них, если не все, наверняка сочинены теми, кто здесь не бывал, — пока что Сварог не увидел здесь ничего из того, о чем болтали или писали иные авторы якобы научных трактатов — но, что характерно, никто не говорил и не писал о реальности: уложенных «елочкой» каменных брусках, бордюрах, деревьях, верстовых столбах. Иные повествования были настолько красочны и увлекательны, что по сравнению с ними реальность казалась невероятно скучной — ну, так частенько обстоит со сказками и реальностью...

Ага! Горлорг пошел вовсе уж медленно. Вертя головой, Сварог вскоре высмотрел слева и плиту с иероглифами, и лесенку, и уходившую от нее в лес неширокую утоптанную тропинку. Повернул туда коня. Горлорг одним великолепным прыжком соскочил с Дороги на утоптанную землю, пролетев над невысокой каменной лесенкой. Сварог пустил его по тропинке неспешным шагом, напрягшийся, собранный, готовый к любым неожиданностям. Неизвестно, как его тут могут встретить во второй раз — пирогами или колотушками...

При нем были меч, кинжал и бластер — правда, неизвестно, будет ли здесь действовать бластер и те заклинания, которыми он располагал.

Этого ему никто рассказать не мог и в книгах не было — точнее, рассказывали-писали много, всяк на свой лад, но, поди догадайся, где истина. Коли уж Дороги выглядят совершенно не так, как их описывали, всему остальному тоже особой веры нет...

Вот оно, то спиленное дерево, из которого люди Вингельта делали оружие. Вот и желтоватые холмы меж деревьями показались, вот и обширная поляна, вот и небольшое, почти круглое озерцо с темной спокойной водой, вернувшее ему человеческий облик... Тропинка ведет влево, за холм...

И вот он впереди, аккуратный домик в два этажа, каменный, с высокой узкой крышей, крытой коричневой черепицей. Крыльцо с не особенно и вычурными пери-

лами, по обе стороны от него большие клумбы с таларскими цветами выглядят столь же ухоженными, как в прошлый раз... Дверного молотка, он прекрасно помнил, нет.

Спрыгнув с седла, Сварог привязал поводья Горлорга к перилам справа, ничуть не боясь, что конь сорвется с привязи и убежит. Демон наставлял: коли уж ты однажды въехал на дороги верхом на Горлорге, он от тебя уже ни на шаг не отойдет...

Потянув на себя бесшумную дверь, Сварог, как и в прошлый раз, без церемоний вошел в небольшую прихожую, до потолка отделанную резными панелями из темного дерева. Но на сей раз вешалка, рядок медных крючков на темной доске, пуста, бадагара Стакора с белым пером на ней нет... значит, и хозяина нет дома? А вот за приоткрытой дверью кухни слышатся легкие шаги и позвякивание металлической посуды. Ну, хозяйка, по крайней мере, дома, что даже упрощает дело...

Он постоял немного, готовя себя не к самому благородному делу, слушая, как позвякивает посуда и Эгле мурлычет под нос какую-то незнакомую песенку. Потом громко откашлялся, позвал:

— Хозяйка, к вам гости!

Он грустно ухмыльнулся, когда произошло примерно то, чего он и ожидал: королева в изгнании выскочила из кухни, сжимая в правой руке скрамасакс, а в левой — внутрительный пистолет под названием «утиная лапа»: пятиствольник, способный неслабо стегнуть веером картечи по целой шайке незваных налетчиков. Правда, на этот раз ее грозный вид чуточку портила одежда: она не в мужском охотниччьем костюме, а в простом домашнем платье из бело-желтой полосатой ткани, напоминавшей махровое полотенце. В прошлый раз как-то серьезнее выглядела...

— Не надо в меня стрелять, это ведь все равно бесполезно, — сказал Сварог. — И я один, честное слово.

Чуточку расслабившись и опустив оружие, она все же глянула поверх плеча Сварога, прислушалась. И уже не выглядела так настороженно.

Улыбаясь с самым простецким видом (и загоняя по дальше нечто напоминавшее угрызения совести), Сварог самым безмятежным тоном произнес:

— Мне, правда, чертовски любопытно, почему вы, увидев меня, точнее, даже не зная, что это именно я, всегда выскакиваете с этими дурацкими причиндалами. Неужели здесь бродят простые, обыкновенные разбойники, от которых можно отбиться ножом и пистолетом? Но почему тогда дверь у вас никогда не заперта, и не видно ни замка, ни засова? Нелогично как-то...

— Привычка, — сказала Эгле словно бы с некоторым смущением. — Никаких разбойников тут нет, просто после всего пережитого... Были основания, чтобы такая привычка появилась...

— Понятно, — сказал Сварог. — Может, теперь уберете весь этот арсенал? Я просто-напросто хотел поговорить с вашим супругом... Я могу пройти, или вы запрещаете?

Она досадливо поджала губы:

— А вы надоедливы... — и еще раз бдительно прислушалась к окружающей тишине, потом все же отступила, открыв дверь на всю ширину, положила оружие на столик у входа. — Заходите уж, от вас, я подозреваю, все равно не отделаешься...

— Честно говоря, да, — сказал Сварог, входя в знакомую кухню, где на плите побулькивали две кастрюли и приятно попахивало мясной похлебкой со специями. — Когда я считаю, что у меня неотложные дела...

— Муж должен вернуться примерно через час, — сказала Эгле. — И у меня есть сильные подозрения, что вы сейчас рассядетесь и скажете, что будете его ждать...

— Примерно так, — сказал Сварог. — Но поскольку это ваш дом и вы здесь хозяйка, я не намерен наглеть. Могу подождать снаружи... На крылечке сидеть можно или и это вас будет раздражать?

— Сидите уж здесь... — сказала она таким тоном, словно примирилась с неизбежным. — Не устраивайте комедии... Мне проявить гостеприимство, предлагать угощение или обойдется?

— Да обойдусь, — сказал Сварог. — Курить разрешите?

— Курите.

Повернувшись к нему спиной, Эгле занялась кастрюлями — сдвинула обе к краю плиты, отчего там, где они стояли, обнаружились два раскаленных круга, точнее, две спирали... «Да ведь у нее тут электрическая плита, — подумал Сварог. — Значит, и лампы — электрические. Какой-нибудь генератор, конечно — что-то нигде здесь не видно столбов с проводами. Интересно, кто им обеспечивает подобные мелкие бытовые удобства? Наверняка Вингельт?»

Эгле повернула какие-то ручки, и обе спирали погасли. Усевшись напротив Сварога, она протянула:

— В толк не возьму, отчего вы к нам прицепились...

«Значит, думаешь, что я ничего такого о вас не знаю», — мысленно прокомментировал Сварог, а вслух отметил:

— Как сказал бы любой на моем месте — чертова служба, сударыня...

— Ах да... — улыбнулась она иронично. — Вы же теперь еще и парочку секретных служб возглавляете... Там... — она указала пальцем в потолок. — Мы что, у вас на прицеле?

С самым невинным взором Сварог спросил:

— А что, есть что-то, из-за чего вас следует взять на прицел? Я еще не успел освоиться в этих службах, честно говоря...

Она все-таки легонько вильнула взглядом: все же не прожженная авантюристка, не гот человеческий тип. Знает: это «что-то» есть. Вряд ли шашни Стакхора с Брашеро были для нее секретом, в ее досье написано, что Стакхор в ней всегда видел помощницу и всегда советовался о делах — умна, энергична, может дать толковый совет... Видно, что ей неловко чуточку притворяться ягненочком невинным...

В этом простеньком платьице, с русыми волосами, собранными на затылке в небрежный узел, посреди домашних хлопот, она выглядела такой домашней и милой, что угрызения совести вновь осмелились легонечко на-

помнить о себе, но Сварог на них сурово цыкнул, и они юркнули куда-то в дальний угол.

— Как вы сюда попали? — спросила Эгле вряд ли подозрительно, просто с извечным женским любопытством. — Снова Лесная Дева?

— Ну да, — сказал Сварог. — Мы с ней старые добрые знакомые, так уж получилось... К тому же она мне очень благодарна за Багряную Звезду... А вы с ней знакомы?

— Не довелось, — сказала Эгле, прищурилась. — Она, конечно, не знает, что ей следовало бы быть благодарной и кое-кому еще...

— Я ей об этом непременно скажу, когда увидимся в следующий раз, — добавил сказал Сварог.

— Интересно, у вас и с ней роман?

Сварог изобразил крайнее изумление (не особенно и наигранное, впрочем):

— А что, это возможно? Я и не подозревал...

— Конечно, — сказала Эгле. — Она может становиться... обыкновенной девушкой. И романы с людьми у нее частенько случаются.

— Буду знать... — сказал Сварог.

Эгле посмотрела на него с тем же смешливым прищуром:

— А что скажет императрица, если узнает?

— Ого! — сказал Сварог. — Для затворницы вы что-то слишком хорошо осведомлены о внешнем мире... и даже о том, что происходит н а в е р х у...

— Сплетничают... — пожала плечами Эгле.

Не стоило тянуть, хотелось побыстрее со всем этим покончить. И Сварог, вздохнув про себя, вдруг выбросил к ее лицу руку, прижав три пальца к ладони, выставив большой и безымянный так, словно зажал меж ними короткую палочку. Громко произнес две фразы — бессмысленный набор непонятных слов, с точки зрения непосвященного.

Откровенно говоря, если не получилось бы, он готов был лишить ее сознания вовсе уж не по-джентльменски: коротким точным ударом. Но заклинание Грельфи сработало: меж вытянутыми пальцами блеснула неяркая алая

вспышка, и Эгле, не успев удивиться, замерла с застывшим лицом, глаза остекленели, она стала крениться вправо со стула. Вскочив, подхватив ее, Сварог присмотрелся к спокойному лицу с закрывающимися уже глазами. Нет, никакого притворства, она и в самом деле погрузилась в сон на достаточное для его замысла время...

Королевское ремесло, напомнил он себе. Крайняя необходимость. Так что всяким там угрызениям совести предлагается и далее сидеть по темным углам, носу не высовывая...

Бережно держа спящую на руках, он огляделся и, не найдя ничего подходящего, опустил ее прямо на пол, благо пол чисто выметен. Достал кинжал и, повернув лезвие горизонтально, острием вырезал на одной из темных панелей: «Если хочешь получить жену назад, жду в Латранском дворце. Сварог». Получилось коряво, но отчетливо. Подхватил спящую королеву и вышел из домика. Хмыкнул, покрутил головой: Горлорг за это время успел сожрать половину цветов с клумбы, насколько позволили поводья.

— Интересно, — сказал Сварог. — Травку ты, выходит, щиплешь... но и ухитряешься просидеть пару миллионов лет, не жравши...

Горлорг каркнул и положил голову ему на плечо. Пыхопав его по шее, Сварог отвязал повод, сначала пристроил Эгле перед седлом (что оказалось не таким уж легким делом при полном отсутствии опыта), все время придерживая ее одной рукой, влез в седло. Положил руку меж конскими ушами и отчетливо представил себе то с т о й л о, откуда взял Горлорга.

Конь трусцой направился к Дороге.

...Грельфи заверяла, что заклинание не дает никаких побочных эффектов наподобие похмелья. И действительно, когда Эгле открыла глаза, выглядела вполне свежей и безмятежной — как в тот миг, когда мгновенно уснула. Правда, едва она попыталась пошевелиться, бросила взгляд по сторонам, очаровательное лицико вмиг исказилось изумлением и испугом. Ничего удивительного, лю-

бой человек, обнаруживший себя в таком положении, и изумился бы, и испугался...

Она сидела в тяжелом кресле с высокой спинкой, кисти и щиколотки надежно скованы массивными железными захватами, прикрепленными к подлокотникам и ножкам. Рядом стояло точно такое же кресло, но пустое. Оба они вдобавок были еще надежно прикреплены к полу, но вряд ли сейчас Эгле обращала на это внимание.

Инстинктивно она дернулась, но освободиться, конечно, не смогла — на совесть были сработаны кандалы, без волшебства никто не освободится...

— Что это все значит? — быстро, неприязненно спросила она. — Где я? Зачем?

— Отвечаю по пунктам, — сказал Сварог скучным голосом канцеляриста. — Арест. Вы сейчас в Латеранском дворце, в так называемом Ореховом зале. Для допроса.

Он оценил выдержку русоволосой красавицы: она не дергалась, уже понимая, что это бесполезно, судя по лицу, лихорадочно оценивала обстановку.

— По какому праву?

— Восьмой департамент, — сказал Сварог тем же тоном. — Девятый стол. Выбирайте, что вам больше нравится. Как начальник что одной, что другой конторы имею полное право вас задержать. И подвергнуть допросу. Правда, по причинам, которые вы вскоре поймете, я предпочитаю сейчас выступать в роли земного короля... но и в этом качестве имею право вас задержать. Или вы знаете какую-нибудь юридическую закорючку, запрещающую производить задержания и аресты на территории Древних Дорог? Я — нет.

Судя по ее лицу, она тоже не знала никаких таких крючкотворств, вряд ли существовавших...

— За что?

— За шкирку... — сказал Сварог без улыбки. — Вы ведь не год и не два пробыли королевой. А значит, должны быть знакомы с имперскими законами. В том числе и с «Законом о запрещенной технике».

— Но какое он ко мне имеет отношение?

— Давайте по существу и короче, — сказал Сварог. — Только помните: я ведь лар, а значит, моментально определяю, когда мне врут... Все просто. Примерно за пару лет до вашего... свержения в Горрот прибыли несколько ларов. Главным у них — несомненно, известный вам герцог Брашеро, как он себя именует. Они заключили с вашим мужем некое соглашение и занялись некоей деятельностью, прямо запрещенной законами Империи. Вы не могли об этом не знать, так что вполне можете считаться сообщницей. Очень уж серьезный закон вы нарушили. Тут уж и королям спуску не дают... Так что же, будете уверять, что ничего этого не было? Что Брашеро вам неизвестен? Интересно будет послушать...

Она молчала так, что это выглядело красноречивее любых слов.

Прекрасно поняла, что если начнет все отрицать, Сварог моментально определит вранье. Тут уж, действительно, остается только молчать, чтобы не ставить себя в глупое положение...

— Вот видите, — сказал Сварог. — Коли уж вы н и ч е г о не пытаетесь опровергать, я угадал по всем пунктам... И вы прекрасно понимаете, каких ответов от вас ждут. Но я все равно произнесу все вслух: я хочу, чтобы вы мне подробно рассказали все, что знаете об этой истории. Или вы станете уверять, будто ничего не знаете? Ну вот, вы опять красноречиво молчите...

— Я не могу вам ничего рассказать, — сказала Эгле непрекаемым тоном.

— Почему? — терпеливо спросил Сварог.

— Потому что я в свое время дала слово чести держать все в тайне, — отчеканила Эгле, гордо выпрямившись в кресле.

— И будете молчать даже теперь? После того, как они решили от вас избавиться и лишь чудом не убили?

— Так уж сложилось, — сказала Эгле с оттенком грусти. — О н и не давали никакого слова чести, которое потом нарушили бы. А я — давала. Королева свое слово чести нарушить не может. Вы должны понимать мое положение.

Сварог прекрасно понимал. По-настоящему благородный дворянин, не говоря уж о коронованной особе, слова чести никогда не нарушит. Классический пример — барон Гарамонд. Пустил ночевать двух незнакомых дворян и дал слово чести защищать их от любых опасностей. А потом нагрянули королевские гвардейцы, эти двое оказались спешившими скрыться участниками заговора против короля, намеревавшимися его убить. И барон, верный сторонник короля, его добрый знакомый, вынужден был драться против гвардейцев вместе с теми двумя — согласно данному слову... И был убит. Таких классических примеров хватает — и сейчас случается... Скверно.

Сварог спросил с надеждой:

— А в вашем слове чести не было никаких формулировок, которые позволяют его нарушить? Вы знаете, как это порой обстоит...

— Знаю, — сказала Эгле словно бы с сожалением. — Увы, никаких лазеек нет... Так что я вынуждена молчать, — она села еще более прямо, закусила губу: — В и н у ж д е н а. Как бы эти мерзавцы с нами ни поступили...

Сварог сказал мягко:

— Эгле, но ведь никто не узнает, кроме нас с вами...

— Вот именно, — ответила она с застывшим лицом. — И вы будете знать, и сама буду знать... то ч е с т ь...

Сварог прекрасно знал, что дальнейшие уговоры бесмысленны. А потому шагнул к столу и нажал кнопку. Почти сразу же распахнулась одна из дверей, вошли двое деловитых, целеустремленных молодых людей, одетых, как здешние дворяне (на деле они были его сотрудники из восьмого департамента). Сварог мотнул головой, и они направились к королеве — напрягшейся, не понимавшей, что с ней собираются делать.

Собственно, ничего страшного ей и не предстояло — всего-навсего добрый глоток того самого «эликсира правды», после которого обычный человек не в состоянии ничего скрыть и отвечать будет на любые вопросы, дай он хоть сто слов чести...

Эгле дернулась в захватах:

— Что вы хотите...

— Есть все же лазейка, — сказал Сварог, подходя. — Вы всего лишь выпьете стопку совершено безопасного для здоровья напитка. После которого ничего скрыть не сможете. Так что ваша честь никоим образом не пострадает. Будет классический случай «насильственно вырванного признания» — то есть никакого урона для чести.

Молодой человек открыл небольшой кожаный футляр, извлек стеклянную стопочку, наполненную до краев фиолетовой жидкостью, отвинтил стеклянную крышечку, поднес к губам Эгле. Плотно сжав губы, она отвернула голову насколько могла. Молодой человек вопросительно глянул на Сварога. Тот кивнул и отвернулся. Возня за его спиной была короткой — молодые люди знали свое дело...

— Все нормально, лорд Сварог, — послышался за его спиной бесстрастный голос. — Она проглотила до капельки.

Сварог повернулся к креслу. Растрепанная, покрасневшая Эгле обожгла его ненавидящим взглядом, попытавшись наклониться вперед (и явно попробовать поблевать), но молодой человек, крепко прихватив ее шею, спокойно пояснил:

— Простите, это бесполезно. Напиток всасывается в слизистую оболочку желудка в считанные секунды, если вы понимаете, о чем я. — Он достал часы, сосредоточенно уставился на циферблат.

Сварог знал, что ждать придется недолго: достаточно квадранса минуты, то есть пятнадцати секунд. И пусть сверкает глазами, как пантера — так лучше в первую очередь для нее...

Молодой человек, убрав часы, кивнул. Сварог подошел вплотную и спросил:

— Как у вас появился Брашеро? При каких обстоятельствах?

Эгле, глядя все так же ненавидящие, молчала. Черт знает что... Для надежности выждав еще минуту, Сварог спросил:

— Когда вы впервые увидели Брашеро?

Снова упрямое молчание и ненавидящий взгляд. Сварог, как ни старался, не мог усмотреть у нее и тени магии, волшебства, ничем подобным она не владела. И тем не менее «эликсир правды» на нее не подействовал.

Схватив за локти обоих молодых людей, Сварог отвел их в другой конец обширного зала, тихо спросил:

— Что происходит?

Оба едва ли не синхронно пожали плечами.

— Представления не имею, — сказал тот, что держал футляр. — Л е к а р с т в о просто обязано было подействовать... Я не чувствую у нее ни магии, ни волшебства, ни каких-то охранительных заклятий...

— И я, — кивнул второй.

— И я тоже, — сказал Сварог. — Ладно, идите...

Сердиться на этих парней не было никакого смысла. Они не медики, не эксперты — простые оперативники, выполнившие самые разнообразные задания. Мастерски и вмиг влить в глотку человеку питье, которого он не хочет пить, они умеют, но во все остальное не посвящены...

Сварог прошелся по залу, отчего-то стараясь, чтобы шаги звучали не слишком гулко. Остановился у длинного, овального, тяжелого стола из карлейского ореха — исторического стола, возрастом в полторы сотни лет, окруженного тяжелыми креслами, своими ровесниками. Отчего-то и в этот момент, когда никак не следовало отвлекаться на что-то постороннее, в который раз попытался угадать: продолговатое темное пятно слева — и в самом деле впитавшаяся в древесину, как ни чистили потом, кровь герцога Фирлента, как гласят легенды, или просто более темный кусок дерева? Нужно позвать Грельфи как-нибудь, уж она-то определит точно... Такие вещи она умеет...

Выругался про себя. Потому что прекрасно понимал, почему отвлекается на постороннее — оттягивал неизбежное. Не умерло еще в к о р о л е что-то человеческое. Но ведь не подействовал на нее эликсир...

Он превозмог себя — без столь уж тяжелой внутренней борьбы как-никак к о р о л е в с к о е изрядно потеснило

все прочее. Подошел, остановился прямо напротив Эгле в каком-то шаге. Красавица королева все так же смотрела на него с нескрываемой враждебностью, чуть побледнев, но ее глаза оставались сухими. В голове у Сварога словно бы промелькнул посторонний отзвук — словно услышал отдаленное тревожное пение военной трубы. Что это означает, он так и не понял, но то ему не примерещилось, это было что-то, безусловно, постороннее, услышанное им не слухом. «А вдруг...» — подумал он с надеждой. Вдруг это как раз и означает, что они начали? Хорошо бы...

Поморщился, зная, сколько пар глаз уставились сейчас на него, и сколько пар ушей услышат каждое сказанное слово. Спросил:

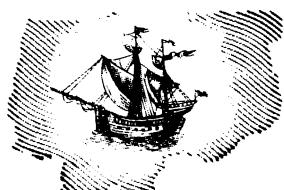
— Интересно, почему на вас не подействовал «эликсир правды»? Он действует на любого земного человека, не владеющего магией и волшебством, не защищенного заклятьями...

— Не знаю, — сказала Эгле сухо.

Похоже, она снова не хотела говорить неправду, которую Сварог мгновенно определил бы. Что это такое, и откуда оно у нее? Прежде за ней не замечалось никаких особенных способностей, была самым обычным человеком. И то, что она тогда проделала с озером... Чего-то нахваталась на Древних Дорогах? Чему-то научилась у Вингельта и его друзей?

С неудовольствием поймав себя на том, что снова неосознанно пытается оттянуть неизбежное, встретился с ней взглядом и спросил, стараясь, чтобы голос был лишен всяких человеческих чувств:

— И что же теперь прикажете с вами делать?

Глава VIII

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Глянул на часы — с того времени, как он увез Эгле из дома, прошло всего-то полчаса. Стакор мог еще и не вернуться. Остается тянуть время и надеяться...

Он встал вполоборота к креслу — не сомневался в своих людях и в технике, но лишняя предосторожность не помешает, мало ли что они могут придумать...

— Вы в состоянии делать, что хотите, — иронически улыбаясь, сказала Эгле. — Я женщина, и я скована...

— Если рассчитываете меня уязвить, крупно ошибаетесь, — усмехнулся Сварог. — Следствие — такая штука, которая не делает различий меж женщинами и мужчинами...

— Следствие... — протянула она насмешливо. — Знали бы вы, как я вас ненавижу... Нет, не вас персонально, не в вас дело... Всю эту кучку сытых бездельников, парящую над облаками и диктующую свою волю миллионам людей...

Сварог даже слегка оторопел, но тут же опомнился. Усмехнулся:

— Ах, вот как? Мне встречались люди с подобными убеждениями, но вот из уст коронованной особы их слышу впервые... Любопытно было бы знать, вы этого от Вингельта нахватались или думали так и пр е ж д е?

— Прежде, — ответила она спокойно. — От такого признания моя участь никак не изменится, верно?

— Верно, — сказал Сварог. — Простите, а ваш муж придерживается тех же убеждений?

— Спросите у него.

— Надеюсь, случай выпадет... — сказал Сварог. — Значит, вот так... это позволяет строить версии... Начинаю крепко подозревать, что Брашеро со своей шайкой, про слышав о ваших умонастроениях, вам поначалу представились идеинными борцами с тиранией ларов или кем-то вроде... Ну, а с е й ч а с вы их тоже считаете борцами с тиранией? Или обычновенными сволочами, занятыми исключительно собственной выгодой?

— Какая разница? — пожала плечами Эгле. — В любом случае вам, сытым и тупым владельцам, будет только хуже...

— А говорили, вы умница... — сказал Сварог. — А вы дура... Вы что-нибудь слышали про Токеранг и токеретов? Не могли не слышать, общаясь с Вингельтом, уж он-то наверняка их прекрасно знает. Неужели вы всерьез полагаете, что они собираются выступить против Империи? Гораздо больше верится, что в первую очередь дстанется тем самым «миллионам угнетенных», о которых вы так печалитесь. Потому что н е б о им не по зубам.

— Это мы еще посмотрим, — процидила Эгле. — В любом случае, вам станет очень неуютно там, за облаками...

«Ничего нового», — меланхолично подумал Сварог. Другая планета, другой мир, а мысли те же. Зашибнуть ее на Землю, года в семидесятые — получилась бы ярая активистка каких-нибудь «Красных бригад», где, в общем, дураков не было, зато имелось немало интеллектуалов обоего пола... «Чем хуже, тем лучше». Как это там, в Библии? Нет ничего нового под этим солнцем...

— Я бы с удовольствием с вами подискутировал на эту интересную тему, — сказал Сварог. — В другое время и при других обстоятельствах. Но сейчас не до лирики, сплошная конкретика навалилась... Значит, говорить вы не будете... Вы хорошо понимаете, что вас при таком раскладе ждет?

Он смотрел, как на очаровательном личике сменяют друг друга самые разные чувства: недоверие, тревога...

В голове снова послышался тот непонятный отзвук, словно бы раздававшийся ближе и сильнее.

— Но вы же не хотите сказать... — произвела она, еще более побледнев.

— Именно, — кивнул Сварог. — Остается одно — пыточная...

— Подонок!

— Ничего подобного, — серьезно сказал Сварог. — Во-первых, я сейчас не человек. Я король. То есть работающий механизм, в котором нет ничего человеческого. И думать должен, в первую очередь, о своих подданных, а не о ваших вольнолюбивых идеях или целости ваших косточек... Во-вторых... При чем здесь небо? Можно подумать, это там придумали пыточные и силой их на земле внедряли, а вы, гуманисты и добряки усиленно отпирались... Боюсь, вы сами до этого додумались. Вы словно бы даже удивились, полное впечатление... Как будто благородных не пытают. Еще как. Я говорю даже не о свежих примерах — когда, скажем, лет шесть назад по приказу Конгера Ужасного на Монфоконе разорвали лошадьми не какую-то крестьянку, а герцогиню старинного рода... Давайте лучше поговорим о вашей милой родине, княжестве Скатерон. Я кое-что просмотрел по его истории... Там написано, что во время знаменитого заговора барона Гудера ваш родной дедушка дюжинами вздергивал на дыбу не только благородных кавалеров, но и благородных дам... И я бы его нимало не порицал, заговор был невымышленный, а настоящий, серьезный, включавший в планы и убийство вашего дедушки... Но он, не особенно разбираясь, велел пытать и виновных, и невиновных, а невиновных, как пишут, приходилось человек по десятку на каждого настоящего мятежника и заговорщика. Как нам с этим быть, Эгле? Насколько я знаю, ваш дедушка умер, когда вам было года четыре, вы успели не раз посидеть у него на коленях и получить от него кучу леденцов... Хорошо, я подонок. А он — нет? Маркизе Альвине Латорми, как позже выяснилось, совершенно непричастной, было всего девятнадцать... Вы знаете, что с ней сделали палачи вашего дедушки? В толк не возьму, почему он — лю-

бимый дедушка, а я — подонок. Тут уж всех следует по одной мерке мерить...

Кажется, Эгле чуточку смущалась.

— Я и не говорила, что считала его «любимым», будучи уже в з р о с л о й, — сказала она.

— Тем более, — пожал плечами Сварог. — Я, как король, о б я з а н знать то, что вы скрываете. Значит, придется вас пытать. Вы полагаете, что выдержите хотя бы половину обычных... процедур?

В лице у нее не было ни кровинки, но глаза оставались сухими — все же не кисейная барышня, а княжна из Скательона, то есть из Каталауна...

— Не выдержу, — призналась она тихо.

— Вот видите, — сказал Сварог. — Но когда вы, наконец, заговорите, вас к тому времени успеют изрядно покалечить... И это вы тоже прекрасно понимаете. Ах да, я и забыл... — он театрально хлопнул себя по лбу. — Перед тем, как попасть в пыточную, вам еще предстоит заглянуть на поварню...

— Зачем? — спросила она с ноткой удивления.

— То есть как это — зачем? — Сварог, в свою очередь, сделал вид, что несказанно удивлен. — Псари у меня имеют дело не с дамскими собачками, а с гончими, натасканными на кабана, медведя, с волкодавами, каких спускают на каталаунских тигров... Это нелегкое ремесло... и оно делает людей достаточно черствыми, лишенными всякой сентиментальности и излишней доброты. Самый подходящий в данном случае народ. Кинут в уголке какуюнибудь дерюгу, завалят вас туда, задерут подол... Вы что же, забыли о старинной, до сих пор действующей неписаной традиции, согласно которой подвергшаяся насилию королева должна уходить в монастырь? Не торопитесь снова меня обзвывать, я при этом неаппетитном зрелище присутствовать не буду, я не извращенец... Тем более что псари — народ грубый, с грязной фантазией...

— Мой муж... — прошептала она, смертельно бледная, и замолчала, будто у нее перехватило дыхание.

Так оно, похоже, и было.

— Ну да, конечно, — кивнул Сварог и скучным голосом продолжал. — Он меня потом зарежет и зажарит,

ошиплет и ошпарит... Да? Во-первых, еще неизвестно, получится ли у него. Меня столько раз пытались убить, что лень даже считать. Но я всегда как-то успевал первым, это уже традиция такая сложилась... Во-вторых, даже если ваш муж, во что совершенно не верится, все же сумеет меня достать, вы к тому времени пройдете и пасарню, и пыточную. — Сварог наклонился к ней, грубо взял за подбородок, поднял ее голову выше и заглянул в глаза: — Эгле, я не шучу и не запугиваю напрасно. Слово чести, если будете молчать, я выполню все, что обещал... Ну?

Уголки губ у нее подрагивали, глубоко в глазах затаился страх, но она держалась — не плакала и явно не собиралась просить пощады...

— По-моему, это означает «нет»... — сказал Сварог, выпрямляясь. — Очень жаль. Ладно. Скажу вам по секрету: у меня еще осталась капелька человеческого. Я все же не урожденный король, меня к этому ремеслу не готовили с детства, в отличие от вас. Я вам дам время на раздумье. Целых полчаса, — он глянул через плечо на высокие напольные часы в резном корпусе из орехового дерева. — Отсюда вам прекрасно виден циферблат. Отсчет начнется, когда стрелка достигнет половины третьего, так что у вас, собственно, тридцать одна минута... Обдумайте все. В три я вернусь и вас уведут. Будьте благоразумны, а? Из чисто эстетических побуждений мне не хотелось бы видеть такую красавицу на дереве среди дюжины гогочущих поварей, и уж тем более на дыбе... Подумайте как следует, я вас прошу...

Он отвернулся и, не оборачиваясь, целеустремленной походкой вышел в коридор — а там, наплевав на королевское достоинство, бегом преодолел расстояние десятка в два шагов, ранул ручку комнаты справа, примыкавшей к Ореховому залу, влетел туда.

Там у стены, отделявшей комнату от Орехового зала, напряженно застыли несколько человек с оружием на готове, а перед ними в два ряда висели в воздухе шесть экранов — камеры просматривали Ореховый зал с шести разных точек. Присмотревшись, Сварог быстро нашел

взглядом нужный экран, на который давала изображение камера, запрятанная над спинкой кресла Эгле. Длинный исторический стол, за ним — два высоких окна и ни единой живой души, никаких изменений.

Сердце у него заходило в лютой тоске. Когда истекут эти полчаса, можно будет еще немного потянуть под убедительным предлогом... но не до бесконечности же? Если он ошибся в расчетах и зря ставил себя на место Стакхора с Вингельтом, придется выполнить все угрозы. Обе. Потому что несколько миллионов его подданных, в отличие от него, не способны отсидеться за облаками и в безопасном местечке. А потому не имеет никакого значения, что королева Эгле молода, красива и чиста... Либо-либо...

Он, не глядя, протянул руку вбок, щелкнул пальцами. Кто-то торопливо подал ему серебристую полудугу с двумя шариками. Сварог сунул один в ухо, повернул дугу так, чтобы второй шарик оказался у рта.

— Внимание, всем группам, — сказал он жестко. — Повторяю, еще раз повторяю: если начнется, брать живыми, только живыми...

Несколько голосов один за другим кратко отрапортовали, что все понимают и приказ выполняют скрупулезно.

— Ни секунды промедления, — сказал он. — Если парализаторы не подействуют — сети, сети...

Ему снова отрапортировали, что поняли и исполнят. Не было никакой необходимости повторять приказы, он отобрал самых опытных — просто нужно было чем-то себя занять, пока минуты ползли, как улитки. Странный звук в голове все усиливался, и у него помаленьку стала формироваться догадка — что он слышит исходящий от Эгле зов. Непонятно, как она это делает, какой это все природы, ясно только, что магия тут и не ночевала. Ну что ж, если он верно догадался, пусть зовет...

Показалось, или... Ага!!!

Центральная часть зала внезапно исчезла, на ее месте возник аркообразный проем — за ним виднелись деревья со светло-коричневыми стволами... и несколько человек, яростным рывком метнувшихся оттуда прямо к камере, то есть к креслу Эгле.

— Вперед! — рявкнул он в микрофон, пнул потайную дверь и первым ворвался в Ореховый зал. В разных его концах распахнулось еще пять незаметных изнутри дверей, и оттуда рванули спецназовцы, по весьма существенным причинам отобранные исключительно среди ларов.

Пятеро, стоявшие у кресла Эгле, на несколько секунд оказались застигнуты врасплох. Со всех сторон засверкали ярко-малиновые вспышки парализаторов, но лишь один человек скорчился и медленно опустился на пол. Остальные после резкой короткой команды метнулись к проходу на Древние Дороги, наугад паля во все стороны из чего-то, бросавшего ярко-синие искры, трещавшие, словно электрические разряды. Взлетели, разворачиваясь, сети...

Опоздали. Т е м было гораздо ближе до прохода, чем нападавшим до них. Сети, утяжеленные по краям грузиками, вспорхнули и развернулись, но накрыли уже лишь пол — проход закрылся...

В два прыжка оказавшись возле лежащего, Сварог узнал Стахора. В кресле, в нелепой позе, склонилась всем телом вперед Эгле, удерживаемая лишь захватами, — тоже попала под малиновую вспышку...

— Обоих в драккар, немедленно! — закричал Сварог. — Уходим! Уходим! — Его люди метались, как черти, шевелившие в аду грешные души.

Эгле моментально освободили от захватов, двое подхватили ее, двое подняли Стахора, остальные тесно их обступили, и вся орава бегом кинулась к выходу, ощетинясь уже не парализаторами, а сверкающими лезвиями кордов. Они протопотали по коридору, не встретив ни единой живой души (это крыло дворца было наглухо блокировано людьми Сварога, переодетыми в форму дворцовой стражи), громко топая, взбежали вверх по лестнице, выскочили на широкую галерею и, не сбиваясь с темпа, кинулись туда, где виднелась словно бы распахнутая в иной мир дверь. Один за другим вбегали на первый этаж невидимого драккара. Пилот со своего места смотрел на них, вывернув голову. Едва дверь захлопнулась за последним, он взял такой старт, что дворец и парк моментально

провалились вниз, словно булькнувшая в воду тяжеленная купеческая гиля.

— Во второй манор, — негромко распорядился Сварог, подходя к пилоту.

Тот, не оборачиваясь, кивнул. Сварог плюхнулся в ближайшее кресло, сунул в рот сигарету, жадно заглотнул дым, весь обмякнув, смотрел на лежащую на полу королевскую чету, на присевших вокруг на kortochki спецназовцев. Он не сомневался, что видел среди незваных гостей Вингельта. Задача, конечно, выполнена не целиком, но хорошо и то, что удалось взять хотя бы Стакора, знавшего гораздо больше жены. Коли уж ни на кого другого не подействовали парализаторы — они все лары. Как и предполагалось. Нескольких метров не хватило его ребятам, но то было единственное место во дворце, столь подходившее для засады...

Что же, он рассчитал все правильно. Прочитав надпись, Стакор, конечно же, каким-то образом связался с Вингельтом, и тот использовал свое умение ходить по Древним Дорогам. Выход можно открыть в любом месте, даже в здании, если не выше первого этажа, а под помещением нет подвала, — в точности как с Горлоргом обстоит...

Кто бы мог подумать, что Ореховый зал сто пятьдесят лет спустя послужит ~~примерно~~ тем же целям... У самого Сварога попросту не хватило бы времени все это обустроить за два дня — работать ведь пришлось бы обычным земным мастерам...

Сто пятьдесят лет назад юный король Кадоген Третий Ронерский (в те времена Латерана еще оставалась под властью ронерской короны), хотя и вступил в совершеннолетие, никак не мог взять в руки реальные бразды правления. Поскольку их, как и последние десять лет, твердо намеревался и далее удерживать бывший регент, а ныне первый министр, тот самый герцог Фирлент, дальний родственник короля, чья кровь якобы и до сего дня виднеется на столе. Очень уж нравилось властному и неглупому человеку править королевством (в те времена превышавшим размерами нынешнее раза в полтора), поскольку это при-

носило не просто почет, но и реальные выгоды. Крепкой опорой ему служили две дюжины магнатов и генералов, образовавших Благородный Совет. У короля такой опоры не было. Но и куклой быть не хотелось.

До сих пор неизвестно, сам король это придумал или подсказал кто. Затевавши ремонт дворца, король сумел в глубокой тайне окружить Ореховый зал потайными ходами, подходившими к шести потайным дверям. И назначил очередное заседание Благородного Совета именно там. Охрана реальных правителей королевства, конечно, осталась в коридоре. Едва они расселись, король подал сигнал, все шесть потайных дверей распахнулись, и в зал ворвались вооруженные до зубов человек тридцать гвардейцев — сплошь молодые и честолюбивые кадеты, считавшие, что засиделись в кадетах, и лейтенанты, хотевшие в капитаны... И первого министра, и всех до единого членов Совета положили тут же, за столом, что было крайне разумно со стратегической точки зрения: никто из прихвостней герцога рангом пониже и не подумал дернуться. К чему царедворцам, министрам и полковникам выступать против короля на стороне п о к о и н и к о в ? От которых уже не дождешься ни денег, ни чинов, ни орденов? Охрану в коридоре расстреляли появившиеся с двух сторон егеря и мушкетеры, король моментально созвал уитенагемот и с волнением объявил, что чудом уцелел, едва не стал жертвой заговора. Хорошо, нашлись порядочные люди, вовремя предупредили... Обстановка была столь напряженной (пара гвардейских полков вокруг здания уитенагемота, массовые аресты сторонников и сподвижников герцога), что ни одна живая душа не рискнула задавать его величеству неудобные вопросы. Кадоген в одночасье стал настоящим королем, правил чуть ли не сорок лет и умер своей смертью. А сто пятьдесят лет спустя его задумка пригодилась и Сварогу...

Он глянул в окно — драккарбросил скорость и шел на посадку. «Второй манор», новехонький, можно сказать, с иголочки, был небольшим по размерам, уардов этак триста на триста. Посадочная площадка (то есть попро-

сту засаженная невысокой травой безукоризненно ровная лужайка), лесок, и посреди — здание. Официально объект числился за девятым столом, по его заказу и построенным, но о его существовании в конторе знал одинственный человек — секретарь Сварога, получивший строгий приказ держать это знание исключительно при себе. Зная секретаря, можно не сомневаться, что приказ он соблюдет в точности...

Вся эта секретность была затеяна исключительно ради юных сподвижников Сварога. Здесь, во втором маноре, предстояло заниматься неприятными делами, той самой грубой и унылой изнанкой жизни, от которой юных следовало держать подальше, насколько удастся долго...

...Сварог сидел в кресле и спокойно курил, наблюдая, как доктор девятого стола целил полулежащему в кресле Стакхору в висок небольшим серебристым рефлектором — сниная действие парализатора раньше обычного срока. Доктор отступил, кивнув. Здесь опять-таки не таилось никаких побочных эффектов, так что Стакхор, открыв глаза, моментально осознал себя в ясном создании, инстинктивно попытался вскочить — но руки у него были схвачены наручниками за спиной, а два охранника мгновенно навалились ему на плечи и принудили сесть. Ну конечно, бессильная ярость во взоре, понимание своего печального положения...

— Я крайне удручен, мой венценосный брат, что нам пришлось встретиться при таких именно обстоятельствах, — сказал Сварог. — Но что ж поделать... Давайте сэкономим время, насколько возможно, — мне его вечно чертовски не хватает. Предупреждая неизбежные вопросы: вы в летающем замке, моей личной тюрьме, откуда Вингельту ни за что вас не выручить. Ваша очаровательная супруга тоже здесь, с ее головы ни один волосок не упал... п о к а. Арестованы вы согласно имперскому «Закону о запрещенной технике». Вряд ли стоит вам объяснять, что это за закон, верно? Ваша супруга арестована как сообщница в нарушении описанного закона. В данное время вашей судьбой распоряжаюсь исключительно я. Вот вкратце как обстоит дело... Вопросы будут?

Стахор молчал, глядя на него исподлобья без особой враждебности — судя по глазам, король-изгнаник лихорадочно прикидывал, что в такой ситуации можно предпринять. И, быть может, уже сообразил, что предпринять не в силах совершенно ничего...

— Молчите? — спросил Сварог. — Это хорошо. Это просто замечательно. Значит, вы не пустослов и не глупец, этак мы еще больше времени сэкономим. У меня к вам для начала несколько вопросов. Вы, конечно, можете не отвечать, ругать меня всякими нехорошими словами... но вряд ли станете заниматься бесполезной и бессмысленной руганью. Впрочем, если все же собираетесь, выскажите уж все сразу, так будет проще... Молчите? Просто прекрасно. Итак, пошли вопросы... Ваша супруга буквально только что произнесла краткую, но очень искреннюю и эмоциональную речь, объясняя мне, как она ненавидит ларов, кучку тупых угнетателей, поработивших миллионы обитателей земли. Примерно так. И сказала, что этих взглядов она придерживалась еще до того, как вас... право, не подберу нужного слова. Скажем, согнали с трона. Согласно известной поговорке, муж и жена — одна сатана. К тому же ячитываю некоторые события, происшедшие в Горроте... И у меня есть подозрения, что и вы придерживаетесь тех же взглядов... которые у вас возникли и сформировались еще в те времена, когда вы безмятежно сидели на троне. Я прав?

— Даже если и так, что из этого? — холодно сказал Стахор.

Сварог широко ему улыбнулся и самым дружелюбным тоном спросил:

— А вы сказать в лицо? «Я вас ненавижу, сволочи!» Слабо? Смелости не хватает? Только в потаенном, безопасном месте язык развязываем?

Стахор выпрямился, постарался придать своей позе как можно больше достоинства (насколько позволяли скованные за спиной руки) и, не отводя яростного взгляда, отчеканил холодно:

— Смелости у меня хватит. Я придерживаюсь именно тех взглядов, что и моя жена, тех, которые вы были столь

любезны кратко изложить за меня. И придерживался их, еще будучи наследным принцем. Кричать «Я вас ненавижу, сволочи!» я не буду исключительно потому, что это смешно и бессмысленно в данной ситуации. Однако все так и обстоит.

— Хотите, я вам выдам мелкие государственные тайны? — спросил Сварог. — Так, чепуха... Знаете, что самое смешное? Если бы ваши прегрешения заключались только в этом, вас бы никто не трогал, вас бы и на медный грош не оштрафовали. Согласно негласным указаниям сверху и подзаконным циркулярам королям такие убеждения сходят с рук. Впрочем, как и всем остальным. Можно чесать на кухне языки, пока они от усталости узлом не завяжутся, можно вслух толковать друг другу, какие мы все здесь, за облаками, сволочи, тираны, сатрапы и угнетатели. Лишь бы это было на кухне. Лишь бы не дошло до словесного оскорблении императрицы — вот тут можно огrestи по полной... впрочем, королей и это не касается. Одним словом, главное, чтобы эти взгляды не провозглашались публично и не сопровождались детьми. А вот нарушение «Закона о запрещенной технике» — вещь посерьезнее, тут и коронованной особе не спустят... Должен сразу предупредить: мне известно не все, что вы наворотили в компании с Брашеро еще до того, как он решил, что пора вас прикончить, — но многое. И на основании того, что мне известно, я могу кое-что реконструировать... Вы желаете, чтобы я подробно объяснил, в чем именно заключались нарушения вами означенного закона? Или нет нужды? Молчите? Значит, нет. Черт, как удобно с вами беседовать, как вы мне экономите время... — он вздохнул. — Правда, я всерьез подозреваю, что вскоре как раз и начнутся проволочки и запирательства, никакой экономии времени, наоборот... Вопрос: вы, как и ваша жена, дали Брашеро слово чести ничего не рассказывать ни о нем, ни о его друзьях, ни о его делах? И сформулировано все было так, что вы даже тेpь не можете ничего рассказать? Следовательно, и расспрашивать вас бессмысленно, потому что вы будете молчать?

— Именно так все и обстоит, — сказал Стахор.

— Ну что же, — спокойно сказал Сварог. — Значит, я и не буду тратить время на вопросы, взывать к вашей совести, напоминать, что от вторжения токеретов лары нисколько не пострадают, а вот земные жители как раз хлебнут горя... Мне хватило беседы с вашей супругой, чтобы понять, насколько это бессмысленно, — он встал. — Ну что же, пойдемте...

Он вышел первым, стал спускаться по длинной лестнице, покрытой чем-то, что совершенно глушило шаги. Слышал, как за ним ведут Стахора. Спускаться пришлось ступенькам по тридцати — но не устраивать же з а в е д е н и е наверху, в освещенной солнцем комнате? В конце-то концов, это против всяких традиций...

Распахнув дверь, он оказался в большом сводчатом подвале, как две капли воды напоминавшем хозяйство глэрда Баглю — поскольку с него и скопировано, не мудрствуя. Дыба, стол для растягивания, прочие невеселые устройства, там и сям разложены инструменты, над жаровней калятся до багрового цвета железные прутья. А вот склонившаяся перед ним троица — не точные копии людей Баглю, а они самые и есть: здоровяк Одноглазый, в одной только короткой кожаной юбке, его подручный, столь же здоровенный, без всякого намека на интеллигентность на физиономии, и третий, ученик-подмастерье.

Не оборачиваясь, Сварог махнул рукой. Судя по лязгу железа, Стахора усадили в прикрепленное к стене кресло и тщательно прищелкивали руки-ноги кандалыми захватами.

Судя по лицам «мастеров печальных ремесел», их нисколечко не волновало, совершено даже не занимало то, что они впервые в жизни оказались в летающем замке. Обстановка вокруг — самая привычная, как и предстоящая работа. Вот они и не заморачивались.

— Ну как, гвозди больше не путает? — без улыбки спросил Сварог, кивнув на молодого.

— Путается еще в том и в сем, государь, — пробасил Одноглазый. — Однако ж начинает проявлять сообра-

зительность и рвение. Коли уж обещал я его матушке, а моей, значит, сестрице, что выведу шалопая в люди, что человеком сделаю, на совесть послужит...

Сварог обернулся и махнул караулившим Стахора, чтобы вышли.

— Вот такие унылые дела, мой венценосный брат, — сказал он бесстрастно. — Все вы понимаете. Не станете же врать, будто после вступления на престол изничтожили доставшуюся от батюшки пыточную, р е м е с л е н и к о в разогнали? Все осталось, как есть — не нами заведено, не нам и отменять... — Он усмехнулся. — Я бы с удовольствием обошелся без этого и угостил вас «эликсиром правды», но на вашу жену он нисколечко не подействовал, черт вас знает, вдруг и с вами так получится. Так что не стал я тратить лишнее время и гонять людей взад-вперед... Вот только если вы решили, что пытать станут вас, глубоко заблуждаетесь. Пытать будут е е, притом — п о т о м... После мероприятий, которые ее обяжут уходить в монастырь... — он деловито продолжал: — Сами понимаете, никакого садизма — поганое королевское ремесло, уж вы-то должны знать... — он присмотрелся к помертвевшему, вмиг осунувшемуся лицу Стахора. — В который раз убеждаюсь, что человек вы серьезный. Ни глупой ругани, ни бессмысленных мечтаний вслух вроде «Попался бы ты мне в чистом поле...» Послушайте, — произнес он доверительно. — Может, обойдемся без всего того? Мне чертовски неприятно, что е е будут насиловать и пытать, но, слово чести, так и будет. Когда на одной чаше весов ваша очаровательная супруга, а на другой — жизни и процветание тысяч и тысяч моих подданных, приходится стиснуть зубы и отдавать приказы... Ну, так к чему мы пришли?

— Будьте вы прокляты все, — произнес бледный как смерть Стахор сквозь стиснутые зубы.

— Не беспокойтесь, мастера, — сказал Сварог, оборачиваясь к палачам, — то просто фигура речи, ничего такого наш гость на самом деле не умеет, я точно вижу...

— Да знакомое дело, государь, — кивнул Одноглазый. — Чем только ни пугают, а все это — пустые словеса... — он

крайне деловито поинтересовался: — Значит, я так понимаю, с красоткой сначала побаловать, а уж потом?

Сварог мрачно кивнул.

— Бежи в чулан, — повернулся Одноглазый к племяннику. — Там справа, как войдешь, одеяло свернутое. Неси сюда. Хоть и выкинутая с трона, но все ж королева, не годится ее валять на голом полу... Живо! Уж одеяло, хоть и растяпа, ни с чем не перепутаешь...

Племянник опрометью кинулся выполнять указание.

— Стахор, — сказал Сварог. — Может, хватит? Все укладывается в «насильно вырванные признания», никакого ущерба для чести.

— Много вы знаете о чести, приблудыши неведомо откуда, — сказал Стахор мертвым голосом.

Вернулся племянник, и Одноглазый принялся деловито распоряжаться:

— Вот сюда постели, балда, во-от тут... да не так, горе ты мое! Поперек. Так оно гостю будет лучше видно.

К боковой двери Сварог даже не стал оборачиваться — он и так не сомневался, что оттуда выжидательно наблюдают в крохотный глазок. Выбросил руку в ту сторону и щелкнул пальцами. Дверь моментально распахнулась, и двое бесстрастных субъектов ввели Эгле.

Для пущего эффекта Сварог распорядился, чтобы она ничем не напоминала растрепанную замарашку, наоборот. Так что распущеные волосы старательно расчесали, а над лицом потрудился с косметикой вызванный из Келл Инира мастер (антланец, подмахнувший пару жутковатых подписок о неразглашении). Платье обкромсали ножницами ладони на две, так то подол стал совсем коротеньkim, оторвали две верхние пуговицы и вдобавок продуманно порвали платье на плече, чтобы прелести оказались именно что полуобнаженными, а не выставленными на всеобщее обозрение. Несмотря на похоронное выражение лица, она сейчас была прелестна и пленительна. Сцена крайне напоминала вульгарные киношные штампы (как выяснилось, однотипные, что на Земле, что здесь), но что тут поделаешь? Коли все всерьез?

А Сварог моргнул Одноглазому. Тот, с превеликим трудом оторвав взгляд от Эгле, подошел вразвалочку к Стахору, наклонился, сгреб его за ворот каftана и задушевно произнес:

— Слыши, гуняый, я тя душевно умоляю: запирайся и дальше, изо всех сил, а то мне до того хочется красотку опробовать, аж спасу нет. Да и ребятишки вон слюной исходят... Малой, рот захлопни, ты на службе, а не в бане за девками зыришь. Тебе тоже достанется, только в свой черед, очередь должна быть по старшинству, потому как во всем должен иметься порядок. Государь, начинать велите?

— А что кота за хвост тянуть... — процидил Сварог. — Стахор, я, конечно, присутствовать не буду, не извращенец. Чуть-чуть времени у вас есть, если передумаете, попросите, чтобы позвали меня, только не затягивайте...

Он пошел к двери, слыша, как Одноглазый спокойно распоряжается:

— Укладывайте, ребятки. Руки ей подержи. Если начнет кусаться, палку в рот и завязки на затылке. Давайте.

Сварог отошел недалеко — скрывшись из виду тех, кто оставался в пыточной, он поднялся на пару ступенек, приложил скрещенные в запястьях руки к стене и прижался к ним лбом. Угрызения совести помалкивали по углам, потому что их заслоняли другие картины — лица, люди, города и деревни, все, что он видел, немало пошатавшись по своим королевствам.

Совсем рядом отчаянно вскрикнула Эгле, послышалась шумная возня, короткий треск рвувшейся материи, насмешливый бас Одноглазого:

— Ну, как тебе на вид? ...Ты бы ослабилась, что ли, глядишь, гляже пройдет...

И отчаянный крик Стахора:

— Стойте, сволочи! Короля позовите!

На лестницу выскочил подмастерье-племянник. Сварог, приложив палец к губам, велел ему стоять смироно — и выждал примерно с полминуты, чтобы усугубить душевный раздрызг к л и е н т а. Потом вернулся в подвал. С одного взгляда оценил комбинацию из нескольких фигур

на одеяле — в последний миг Стахор сломался, еще б се-
кундочка, и пиши пропало...

— Я так понимаю, разговор по душам состоится? —
спросил он спокойно.

— Уведите ее отсюда, — тусклым голосом ответил
Стахор.

— Как скажете, — пожал плечами Сварог. — Только,
если что, вернуть ее назад — минутное дело... Уведите ее.
И сами все — за дверь. Кто вздумает подслушивать, оста-
нется без головы...

Когда они со Стахором остались наедине, Сварог, чуть
поморщившись, отбросил носком сапога подальше разо-
рванные женские трусики, взял за спинку неуклюжий кор-
явый стул и поставил его в двух шагах от кресла Стахора.
Уселся, закурил, стараясь, чтобы на лице не отразилась
нешуточная радость, которую он сейчас испытывал отто-
го, что все обошлося. Сказал холодно:

— Ну, начинайте. С самого начала и подробнее.

Сидел, уставясь в пол, и слушал монотонный, лишен-
ный эмоций голос Стахора.

Оказалось. Стахор, как человек умный, о своей ненави-
сти к ларам и неприятии существующих порядков гово-
рил не так уж и часто, всегда в компании старых прияте-
лей по Академии или тех, кому доверял всецело. И особо
они — этими беседами не увлекались, все были люди не-
глупые, прекрасно понимали: язык можно чесать сколько
угодно, но от этого возможностей свергнуть правление
ларов ни на каплю не прибавится.

И тут объявился Брашеро. К Стахору его привел гер-
цог Орк, давным-давно принятый при дворе и в Горроте
обвыкшийся, как у себя в замке, даже лучше, — он гораз-
до больше времени проводил на земле, чем наверху, все
это прекрасно знали, да и он нисколечко не скрывал.

Разговор, правда, шел слазу на глаз — вполне может
быть, что Орку Брашеро доверяет не в с е ц е л о, что весьма
логично: герцог никогда не входил в тесный круг заговор-
щиков из Магистериума, уж, это наверняка, с некоторых
пор, еще при Гаудине, его перемещения и круг общения
отслеживались — насколько удавалось...

Не пытаясь ходить вокруг да около, Брашеро начал с самой сути: заявил, что ему прекрасно известно об умонастроениях короля и его ближайшего окружения. А потому именно в Горроте и решили искать приюта лары-заговорщики, настроенные против нынешней системы так же, как и Стахор, и всерьез намеренные ее поломать к чертовой матери, чтобы Империя рухнула и лары жили сами по себе, а земляне сами по себе, чтобы никто более не пытался из-за облаков управлять земной жизнью — а там, за облаками, следует провести решительны реформы, план коих давно разработан...

Судя по рассказам Литты, Брашеро без труда мог предстать чертовски убедительным и обаятельным. И Стахор купился. Поскольку предложение отвечало его потаенным заветным «чаяниям»... Для начала, сказал Брашеро, следует сделать Горрот местом, где лары уже не смогут подслушивать и подглядывать. И началась история с «верстовыми столбами». В детали, которые он сам считал мелкими, Стахор и не собирался вникать — он попросту издавал указы и отдавал повеления, выполняя план Брашеро.

В Акобар и парочку других портов прямо-таки вереницей потянулись грузовые корабли, как следовало из документов, все до одного принадлежавшие судовладельческому дому «Каурат и сыновья», располагавшемуся в Фиарнолле (прикидывая по количеству кораблей, заведение могучее и богатое). С них выгружали тщательно упакованные в ящики «верстовые столбы» и еще какую-то (как понял Сварог) необходимую аппаратуру, потом из нескольких складов развозили по всем границам. Устанавливали столбы ни о чем не подозревавшие подданные Стахора — но всякий раз после этого люди Брашеро что-то еще доделывали. Ну, явно устанавливали у основания каждого, старательно закапывая потом, какую-то аппаратуру, связывавшую столбы в единую сеть (ни о чем, напоминавшем бы рытье канав и подкладку проводов Стахор, не раз приезжавший взглянуть на работы, ни словечком не упоминал).

Справились. И вскоре Стахор на конкретных примерах убедился, что Брашеро нисколечко не соврал — лары и в самом деле словно оглохли и ослепли, надзирать за происходящим в Горроте более не могли, никакие их приборы в Горроте не действовали, а летательные аппараты попросту падали. В Канцелярии земных дел Стахор лишь недоуменно пожимал плечами в ответ на первые расспросы Диамер-Сонирила и твердил, что он не ученый, что его ученье полагают, будто все дело в каком-то неизвестном доселе природном феномене, но сам он ни о чем судить не берется по недостатку знаний. Впрочем, вскоре его перестали расспрашивать — видимо, поручив расследование восьмому департаменту. Каковой, что Сварогу и без того известно, ничегошеньки не добился.

Стахор приободрился и воспрянул, видя, что дела идут успешно и данные ему обещания сбываются. Еще до завершения работы со «столбами» часть дворца отгородили высокой стеной, и Брашеро устроил там нечто вроде штаба, откуда мог управлять всем. Туда опять-таки завезли массу громоздких ящиков. По завершении Стахор захотел осмотреть все. Брашеро ему нисколечко не препятствовал и согласился без малейшего промедления. Ясно, почему: как рассказал Стахор, он ничего не понял в увиденном — но, по его описаниям, это больше всего напоминало центр управления (Сварог подозревал, не только столбами).

Потом Брашеро через финансистов Стахора потратил немало денег, выплатив абсолютно все долги Горрота (там наверняка было настояще золото, если никто из кредиторов не поднял паники).

Чуть позже попросил объявить запретной зоной некое местечко в горном хребте Каррер — использовав в качестве предлога якобы открытое там золото и устройство рудников. Несомненно, то самое «Горное гнездо», о котором поминала Литта, — но, в отличие от нее, Стахор знал точное место, которое и показал на карте Сварогу. Брашеро охотно, не дожидаясь расспросов, дал необходимые пояснения: он намерен разместить там устройства,

парализующие еще кое-какую деятельность ларов, а заговорщикам лишь придающие силы. И разводил руками (надо полагать, с самым обаятельным и честным лицом): он бы и рад дать самые подробные объяснения, но его величество все равно ничего не поймет, увы... Прекрасно сознавая, что так оно и будет, Стахор вопросов задавать не стал — но, когда захотел осмотреть то место, был опять-таки немедленно туда допущен. Там огромные, непонятные ему механизмы выравнивали площадку в небольшом ущелье, копали котлованы, закладывали фундаменты — чего лары уже не могли видеть...

Корабли «Каурата и сыновей» шли прямо-таки нескончаемым потоком с новыми загадочными грузами. Стахор и Брашеро находились в превосходных отношениях. Эгле, впрочем, как-то рассказала мужу, что Брашеро пытался за ней ухаживать, но крайне галантно и деликатно и отвязался после первого же намека на то, что здесь ему ничего не светит. А посему Стахор не стал придавать этому никакого значения и выступать с упреками — многие пытались ухаживать за Эгле и в бытность ее наследной принцессой, и позже, когда она стала королевой; на фоне иных наглых прилипал, получавших от Стахора свое, Брашеро выглядел весьма порядочным человеком, которому хватило одного намека.

Со временем Стахор наладил за Брашеро и его людьми самое искусное наблюдение силами тайной полиции. Доверять своим новым друзьям он вполне доверял, но прекрасно отдавал себе отчет, что в политических союзах каждый участник всегда держит что-то в рукаве исключительно для себя, как шулер — козырные тузы. Стахор попросту хотел знать как можно больше (Сварог на его месте поступил бы точно так же).

Ничего интересного, правда, узнать не удавалось. До некоего момента... Один из лучших агентов, игравших роль приставленного к Брашеро лакея (сам Брашеро никаких слуг с собой не привозил, их предоставил гостям Стахор) ухитрился подсмотреть и подслушать интереснейшие вещи. Глубокой ночью в своем кабинете Брашеро

разговаривал с сидевшими у него на столе тремя крохотными человечками, чьи голоса, вот удивительно, звучали так же громко, как голоса обычных людей. Речь шла об устройстве «новых укрытий», о доставках каких-то грузов. И в ходе разговора Брашеро заверил собеседников, что «этот коронованный придурок ни о чем не подозревает».

Последнее Стакору, как любому на его месте, не понравилось крайне, в ту же ночь он обсудил эти сведения с Эгле, которая тоже немного встревожилась («А в спальню к вам, голуби мои, наверняка с самого начала напихали микрофонов», — подумал Сварог, который на месте Брашеро так именно и поступил бы).

Стакор, разумеется, не стал, как умный человек, устраивать скандала с обличениями. Всего-навсего с простецким видом поведал Брашеро о том, что один из лакеев случайно подсмотрел беседу с крохотными человечками — вот только разговора не слышал, к сожалению...

Брашеро, не запираясь и не крутя, подробно рассказал о Токеранге и токеретах — но, разумеется, ни словечком не упомянул о характеристике, данной им Стакору. Все вроде бы было в порядке, но Стакор своему «другу» уже не верил. До него наконец-то стало доходить, что, собственно говоря, он не имеет никаких возможностей влиять и на идущую игру — большую, серьезную, кое в чем до сих пор непонятную. Что он предстал простачком, приютившим у себя в доме субъектов, оказавшихся не столь благородными, как виделось поначалу. Что от него в два счета можно избавиться, если возникнет такое желание. Что цели токеретов ему совершенно неизвестны. Спохватился, одним словом.

И решил на несколько дней отправиться с женой в один из загородных замков, пригласить туда кое-кого из друзей и обсудить создавшееся положение. До замка друзья доехать не успели — в первую же ночь на замок и напали те твари...

Сварог прикинул сроки: по всем выкладкам выходило, что нападение на королевскую чету было вызвано отнюдь не тем, что Стакор узнал о токеретах да еще признался

жене, что перестает «приятелям» доверять. К тому времени Брашеро уже подготовил двойников, так что в любом случае кончилось бы точно так же — решено было, что от Стахора и Эгле пора избавляться...

Признаться, он не услышал ничего особенно нового или интересного — лишь некоторые детали, дополнявшие то, что ему и так известно. Одно оказалось крайне ценным: точное место, где располагалось «Горное гнездо». Неизвестно, сколько времени пришлось бы Сварогу потратить, прочесывая хребет Каррер Золотыми Шмелями (которых к тому же шайка Брашеро могла засечь, черт знает, чем они еще располагают). И вот эта-то информация оправдывала все предпринятые действия, все усилия, оккупилось, выражаясь по-купечески...

— Ну что же, — сказал, глянув на часы. — Время позднее, у меня еще есть дела, так что на сегодня хватит. Завтра мы продолжим, расскажете о том, как спаслись, о господине Вингельте и его друзьях, которые меня крайне интересуют... Вопросы, просьбы?

Не глядя на него (и явно стараясь, чтобы голос не звучал просительно) Стахор произнес глухо:

— Если в вас осталось что-то человеческое, поместите меня вместе с женой.

— А завтра мы будем беседовать столь же откровенно и обстоятельно? — усмехнулся Сварог.

— Да.

— Ладно, — сказал Сварог. — Когда со мной по-человечески, и я не зверь...

Разумеется, он не стал признаваться, что и сам собирался поместить их на ночь в одну комнату: вреда от этого никакого, а вот польза кое-какая сышется — комната уже оборудована микрофонами, авось его дежурящий до утра оперативник и услышит что-то интересное...

— Ну что же, — сказал он вставая. — Начало хорошее, будем надеяться, что и дальше все пойдет неплохо...

 Глава IX

ХОД ФЕРЗЕМ

Сообщение имперского наместника в Горроте заняло один листок — изложенное, как у этих господ всегда водится, сухо и канцелярски. Вот только новости оказались отнюдь не рядовыми... Сегодня ночью король Стакор и королева Эгле были убиты в коридоре дворца, когда направлялись завтракать. Убийца, стрелявший из двух пистолетов типа «утиная лапа», был сторожа прикончен разъяренными гвардейцами.

Пришедшее через полчаса донесение легального резидента восьмого департамента оказалось, как и следовало ожидать, более обширным, по крайней мере, там отыскались кое-какие подробности. Стрелявший, как очень быстро выяснилось, был племянником генерала гвардии, в свое время отправленного в отставку — судя по датам, уже двойником. После чего утратил прежнее положение гвардии и на прежнюю протекцию уж никак не мог надеяться. Дело житейское, иногда случалось и прежде, когда успешно, когда нет. Вот только Сварог не сомневался, что к прежним житейским делам это не имеет никакого отношения. Брашеро решил, что пора убрать эти х — точнее, т о г о, собственно говоря, уже и ненужного. Возможно, после исчезновения «супруги» этот типчик запаниковал,

что-то не то сказал, не то сделал, а то и хотел, подобно Литте, рвануть куда-нибудь от греха подальше, набив карманы драгоценностями... У трусов, между прочим, чутье на опасность очень развито, мог и почуять что-то этакое еще загодя...

Остальное он читал бегло — ничего интересного: классические меры для такие случаев — усиlena охрана дворца, в столицу введена парочка гвардейских полков, прошли кое-какие аресты, но не особенно широкие (судя по всему, Брашеро не намеревался раскручивать б о л ь ш о й заговор, не имея в том необходимости). Ага, вот... Регентом, изволите ли видеть, назначен граф Картаниус — фигура, прежде не игравшая никакой роли в дворцовой жизни и влиянием не пользовавшаяся. То есть, надо полагать, еще одна марионетка Брашеро, вовсе уж ничтожная, которую и утопить не жалко. Все продумано: в ближайшие шесть лет королевством будет управлять тот бесцветный мышонок, то есть Брашеро. А больше им, вполне может оказаться, и не надо...

Засвирел сигнал, и он включил экран. Канцлер выглядел абсолютно спокойным. Спросил только:

— Донесения читали?

— Только что, — сказал Сварог. — Значит, они решили, что п о с р е д н и к и им больше ни к чему...

— А может быть, дело и не только в том.

— То есть?

— Возможно, решили наконец д о с т а т ь вас.

— Как это? — искренне не понял Сварог.

Канцлер вздохнул:

— Вы опять не удосужились заглянуть в иные основополагающие кодексы... Монархи Виглафского Ковенанта всегда в полном составе съезжаются на похороны собрата. А значит, придется ехать и вам. И я уверен: если поедете, оттуда не вернетесь. Уж эти искусники смогут что-нибудь придумать. В конце концов, на свете хватает обиженных гвардейских лейтенантов... Да и прецеденты бывали. Так что не вздумайте ехать. Если хотите, это приказ.

— И не вздумаю, — сказал Сварог серьезно.

— Вот и прекрасно. Срочно придумайте себе какую-нибудь болезнь. Не будем перегибать палку — какое-нибудь падение сноровистого коня, ушибы... Они, конечно, поймут, но это не трусость, а разумная предосторожность. В одиночку у вас там не будет никаких шансов. Поручите сановникам написать пышное соболезнование... А впрочем, где-то есть образец.

Когда экран погас, Сварогу пришло в голову, что ситуация, как ни крути, трагикомическая. В Горроте сейчас — прямо-таки перепроизводство коронованных особ. Одна королевская чета (ну, предположим, один король, но все-таки полагают, что погибли оба) лежит в ожидании погребения. Другая пребывает под замком не так уж далеко отсюда... вот только взгляды у них, как оказалось, не вполне приемлемы для империи. В нынешних непростых условиях возвращать на трон людей, только и мечтающих, как бы свергнуть власть ларов, было бы непростительной политической ошибкой. Ну и, наконец, есть еще одна королева, которую никто не в силах отличить от настоящей.

А вот это уже простор для комбинаций. Скажем так: королеве буквально утром удалось ускользнуть от убийц. Потому что там не просто покушение одиночки, а заговор. Верные люди ее спрятали, она бежала за границу и оттуда будет отстаивать свои права. А уж герцог Лемар, прохвост этакий, сумеет доставить кучу ее весьма убедительных писем и посланий. А недовольные и в самом Горроте найдутся — ни о чем не подозревающие, зато разозленные потерей теплых мест и той «косовицей», которую устроил двойник. Если грамотно поработать в этом направлении...

Вспыхнул экран сбоку — меньших размеров, прямоугольный — это секретарь вызывал.

— Господин директор, в приемной — герцог Орк.

«Кто-кто?» — едва не переспросил Сварог от растерянности, но вовремя опомнился. Вот уж о ком давненько не было ни слуху ни духу, безвылазно засел в Горроте с некоторых пор. Интересно, что ему вдруг понадобилось, да еще в девятом столе?

— Проводите, — сказал Сварог.

И из врожденного пессимизма нажал зеленую клавишу на торце стола — когда имеешь дело с Орком даже в своем собственном кабинете, лишние предосторожности не помешают. Прошли те времена, когда мы были юны и полагались лишь на свой клинок, с пренебрежением отвергая любую помощь. А теперь — и прослушка организована должны образом, и охрана наготове... и вообще, нет никаких гарантий, что это настоящий Орк, а не очередная кукла Брашеро, явившаяся решить проблему самым радикальным образом, попросту воткнув в Сварога что-то ост्रое. Впрочем, его сейчас моментально проверят на спектр... нет, все в порядке, горит зеленая лампочка, значит, это настоящий герцог.

Орк ничуть не изменился — правда, прошло не так уж много лет — по-прежнему веселый, белозубый, красивый хищной мужской красотой.

И на Сварога он смотрел без малейшей ненависти — какую просто обязан был таить в душе. Слишком много Сварог поломал планов, на которые надеялся сам Орк...

— Вот так встреча! — сказал Сварог, столь же дружелюбно улыбаясь и вставая. — Вот уж кого не ожидал видеть! Я слышал, вы прямо-таки поселились в Горроте...

— Интересные места, — пожал плечами Орк. — Скучать не приходится.

— Да, до меня краем уха что-то такое доходило... — сказал Сварог. — Уж тем более утренние события...

— Да, настоящая беда... — на лицо Орка на миг набежала тень. — Никто не застрахован от безумца с пистолетом... Они были красивая пара и хорошие люди, мне жаль...

Экран секретаря справа от Сварога вновь вспыхнул, но на сей раз в верхнем правом углу настойчиво пульсировал сигнал белой тревоги, а на экране вместо лица секретаря появилась надпись: «Господин директор, у герцога с собой работающий электронный прибор!» Сварог даже не успел ничего подумать. Он просто-напросто вспомнил о «хваталке». И нажал белую кнопку на торце. Дверь рас-

пахнулась в секунду, секретарь пропустил троих в сине-черной форме, сомкнувшихся вокруг Орка так, чтобы сдаться его в любую секунду и не дать выхватить меч.

Орк остался невозмутим. Огляделся вокруг и преспокойно осведомился:

— Ну, и что же все это означает, господа?

Секретарь отчеканил:

— Господин герцог, при вас находится работающий электронный прибор, что запрещено правилами учреждения. Прошу мне его немедленно выдать, не дожидаясь применения... — и он многозначительно уставился на троицу.

Орк и глазом не моргнул:

— С каких это пор лару запрещается посещать учреждения империи, имея при себе хотя бы десяток электронных приборов? Лорд Сварог, до меня доходили слухи, что вы стали записным бюрократом, но это уж чересчур. Странно вы принимаете посетителей, да вдобавок старых знакомых...

Сварог сказал любезно:

— С тех самых пор, как Канцлером введено особое положение для королевского дворца и некоторых других учреждений империи. Эдикт утвержден императрицей.

— Не слышал...

— Вы слишком долго задержались внизу, — сказал Сварог. — Хотите ознакомиться с документами?

— О, что вы, — небрежно отмахнулся Орк. — С каких это пор благородный лар не верит слову благородного лара? Коли вы так говорите, значит, все так и обстоит... Что у вас произошло такого чрезвычайного, пока я странствовал на земле?

— Долго рассказывать, — сказал Сварог. — Не отадите ли то, что у вас при себе? Могу заверить, это совершенно законное требование: вы в одном из учреждений Кабинета императрицы...

— Не смею препятствовать... — Орк с обаятельной улыбкой извлек из кармана обычновенные часы Цветной эмали на короткой цепочке.

Сварогу показалось, что он успел нажать одну из кнопок — но никто ничего не успел сделать: драгоценная безделушка вдруг окуталась крохотным облачком дыма и тут же просыпалась на пол тучкой непонятных, крохотных, дымящихся деталей, следом упал корпус, на лету распадаясь на части. Взлетело еще одно облачко — и от крошечных обломков на полу не осталось ни следа. Орка уже схватили в шесть рук. Он нисколько не сопротивлялся, даже ухитрился пожать плечами:

— Совершенно недоработанный экземпляр, из меня скверный механик... Никогда они у меня не получались. Просто-напросто хотел показать вам игрушку собственной работы...

Секретарь взглядел спросил разрешения, придвижнулся к столу Сварога и прошелся пальцами по клавиатуре своего экрана. Вспыхнула недлинная надпись: «По данным наших экспертов — примитивное поисковое устройство, нацеленное на спектр одного-единственного человека».

Кивнув, Сварог распорядился:

— Господа, все могут покинуть помещение. Мы с господином герцогом еще побеседуем.

Когда дверь за вышедшими закрылась, Орк улыбнулся вовсе уж безмятежно:

— Мне, право же, неловко, что я стал виновником такой паники...

— Да что вы, — в тон ему улыбнулся Сварог. — Не было никакой паники. Особое положение, знаете ли, указания идут сверху, а мы примерные служаки...

— Интересно, что же такое стряслось, что вы все так испугались? Ах, простите... Что вы начали принимать чрезвычайные меры?

— Спросите у Канцлера, — сказал Сварог. — Я лишь исполняю приказы и не во все посвящен...

— Великолепный бюрократ и чиновник из вас получился, лорд Сварог, за самое короткое время, — сказал Орк. — Раньше вы представляли не в пример привлекательнее: дерзкий и пронырливый искатель удачи...

— Тяга к карьере пересилила, — сказал Сварог. — Как у многих. — А и вы, насколько я знаю, так и остаетесь истинным приключением?

— Каждому свое, — сказал Орк. — Натура такая, уж не взыщите...

Он уже не сомневался, что Орк по поручению Брашеро искал Литту. Значит, они не уверены точно, что официальная версия соответствует правде. Это ее спектр, он отлично запомнил цифры...

— Каждому свое, — повторил Сварог медленно. — Вот только... Знаете, что самое опасное в иных приключениях? Когда они подходят к финалу, те, кто руководят, сплошь и рядом начинают прикидывать, кто понадобится и дальше, а кого следует ради вящего спокойствия отправить на тот свет. Это как с кладами в пиратских романах, доводилось читать? Главное — не отыскать клад, а благополучно унести ноги со своей долей или просто уцелеть...

Они долго смотрели друг другу в глаза, и улыбка Орка что-то на сей раз немного потускнела.

— Знали бы вы, через что я прошел, лорд Сварог, — сказал он негромко — И знаете, как-то обходилось.

— Значит, вам везло, — сказал Сварог. — Или люди попадались не те.

— То же самое можно сказать и о некоторых других.

— А если силы других несравнимы?

— Как сказать, лорд Сварог, как сказать... — Орк поднялся. — Рад был засвидетельствовать вам свое почтение. Вынужден удалиться — дела...

— Подумайте, так ли вы нужны... кое-кому, — сказал Сварог.

— Обязательно.

Дверь закрылась за ним. Сварог жестко усмехнулся. В конце концов, все было сказано едва ли не открытым текстом: в той теплой компании, что собралась в Горроте, Орк явно — лишний. Он просто-напросто не их поля ягодка, и господа ученые фанатики, ручаться можно, держат его для грязной работы, какую сами выполнять не умеют. А вот потом... Потом, когда придет время дележки клада

(будем надеяться, что не придет), возможны хитрые повороты сюжета. Брашеро — не филантроп, и токереты — не филантропы, обернуться может по-разному. Особенно если вспомнить, какую неприязнь питают высоколобые из Магистериума к светским вертопрахам наподобие Орка...

Короткий вой сирены заставил его едва ли не подскочить в кресле. Он огляделся, ища источник — но он был где-то снаружи. А на столе у него мигала белая лампочка, относившаяся к строго определенному объекту. Секретарь распахнул дверь, но сказать ничего не успел — Сварог пронесся мимо него, крикнув:

— Группу на вылет!

...Четыре боевых браганта опустились так, чтобы окружить небольшое здание со всех сторон. Драккар ходил высоко, над кронами деревьев, ощетинясь стволами башенок. Едва аппараты коснулись лужайки, Сварог выпрыгнул первым и кинулся к двери. Следом, растянувшись шеренгой, неслись спецназовцы. Дверь распахнута, сбоку, у столика с пультом, в нелепой позе полулежит один из охранников: ноги на полу, верхней половиной туловища взгромоздился на стол и ладонью давит, давит клавишу тревоги.

Лестница, все двери по бокам распахнуты настежь. Еще один охранник лежит ничком, и его бластер отброшен далеко, а в руке зажат меч — так, будто он знал, что от противника можно отбиваться только мечом, а бластер бесполезен. И еще один — у комнаты, куда поместили Стакхора и Эгле, — и там дверь распахнута, отсюда видно, что никого внутри нет...

Он уже понимал, что проиграл. И, остановившись, убрав оружие, громко сказал:

— Обыщите дом тщательно.

...Все случилось ближе к рассвету. Охранник в прихожей заверял, что система так и не подала сигнал о приближении какого-то бы то ни было летательного аппарата.

И произошло все, да простит господин директор, как-то буднично. Дверь, (которую никто не держал на засове, к чему?) вдруг открылась, вошел самый обыкновенный человек, вытянул руку — и из руки у него метнулось нечто вроде синего шнурка, с невероятной скоростью коснувшееся груди. И больше охранник ничего не помнил, нашел в себе силы доползти до пульта и поднять тревогу.

В коридоре, когда охранники пришли в себя и смогли давать показания, как выяснилось, произошло то же самое — выстрел уардов с трех из бластера в одного из нападавших, не причинивший ему никакого вреда, а когда охранник выхватил меч — его ударили тот же синий шнур, мгновенно погрузивший в беспамятство. Третий и повернуться не успел, как рухнул. Ночевавших палачей попросту обдали чем-то шипящим и морозным «из банки» — это лары, и с ними оказалось проще всего...

Сварог ругал себя последними словами, отчего не выходило ни малейшего облегчения. Он уже не сомневался, что это Вингельт освободил пленников, больше просто некому. Одно оружие для ларов-охранников, другое для земных палачей. И, конечно же, летательный аппарат, как и тот, первый не замеченный системами слежения... Единственное утешение — кто мог предвидеть та��ую наглость? Но даже если никто ни в чем тебя не упрекнет, сам долго не найдешь себе места — вот они, в руках были сведения о Вингельте и, возможно, еще о многом интересном. Стакор сломался на Эгле, он и сегодня говорил бы подробно, отвечал на все вопросы... В руках были, черт возьми... Одно зыбкое утешение: Вингельт, похоже, никак с Брашеро не связан, иначе они, объединив усилия, давным-давно устроили бы такое, что мало не показалось бы... это еще не мат, конечно, но ферзы могучим ударом пронесся по доске, сметя столь необходимые сейчас фигуры.

Пора взять себя в руки — нелегкий разговор с Канцлером предстоит. И не крикнешь ему прямо в лицо: «Вы сами их не могли найти которую тысячу лет, откуда я мог предвидеть?!» Как ни крути, а оказался крайним...

Глава X

СЮРПРИЗ ИЗ СЮРПРИЗОВ

Сварог стоял у высокого фальшборта корвета, перекрывавшего вход в бухту. Сама бухта десятка в полтора югеров идеально подходила бы для военно-морской базы, если бы не узкий выход из нее: шириной не более сотни уардов. Чересчур много понадобилось бы рабочих и пороха, чтобы его расширять — тут повсюду скалистые берега, прочный камень на всю немаленькую глубину. К тому же имелись и более подходящие места, не требовавшие таких затрат. А вот в качестве плавучей тюрьмы она как нельзя более годилась, потому Оклар и загнал сюда жангаду. Все семнадцать плотов торчали посередине бухты, как горсть горошинок на огромном блюде. Мачты все до одной срублены под самый корень, паруса конфискованы, отобрано и большинство весел, на каждом плоту осталась лишь парочка, чтобы могла хоть как-то маневрировать, не сталкиваясь. Впрочем, они все на якорях...

— Как они себя ведут? — спросил Сварог, не оборачиваясь.

Гарн-капитан, командир корвета, навытяжку стоявший за его плечом, четко отрапортовал:

— Ни одного случая паники или попытки пробиться в океан. Они же не дураки, государь. Некоторое представление о пушках имеют. Ну, а по берегу мы не стали

расставлять часовых — куда они денутся, им же на сущу ступить — как нож острый...

— Действительно, куда они денутся... — проворчал Сварог, опуская подзорную трубу. — Оружие конфисковали?

— На с т о я щ е е. Ножи для разделки рыбы и все такое прочее оставили — они же здесь рыбу ловят...

— Ну, что же, — сказал Сварог. — Приказ простой: выход в море накрепко заблокировать бонами и сетями. Кроме вашего корвета, поставьте в проливе еще парочку шлюпов, этого вполне хватит. Шлюпки на воду.

Заскрипели тали, три баркаса начали спускаться, пока не коснулись воды, подняв ореол брызг. Моряки проворно вывалили за борт «адмиральский трап» (его деревянные ступеньки глухо простучали по борту). Сварог стал спускаться первым в баркас, за кормой которого уже реял королевский вымпел, — он, освоившись с морскими порядками, шагал лицом вперед, придерживаясь за канаты. Трое медиков в длинных мантиях Сословия Чаши и Ланцета спускались далеко не так ловко, спиной вперед (так что моряки на борту наверняка посмеивались в кулак). Друг друга они не знали, а потому и понятия не имели, что среди троицы замешался доктор, прихваченный Сварогом с в е р х у. В остальные баркасы проворно спускались, да что там, слетали, едва касаясь ногами ступенек, моряки под командой парочки офицеров.

— Вон тот плот, — сказал Сарог рулевому.

Молодой лейтенант, командир баркаса (у любого военно-морского суденышка, пусть самого крохотного, непременно должен иметься командир), громко отдал команду, и весла ударили по воде. Плота достигли быстро. В плетеном из прутьев борту уже распахнута калитка, и возле нее прогуливается моряк с мушкетом на плече — бдительно-грозно поглядывая на кучку Морских Бродяг, оттесненных к противоположному борту. Кое-какие физиономии оказались Сварогу смутно памятны — и уж ни за что он не забыл старосту жангады, стоявшего, как обычно, в первом ряду, но с видом невеселым, и, конечно, без оружия на поясе.

Именно к нему Сварог и направился, остановившись в двух шагах, тяжело усмехнулся и сказал:

— Помнится мне, староста, кто-то не так уж и давно говорил, что утопленники не возвращаются...

Староста старательно пытался сохранить на лице если не гордость то невозмутимость... Сказал бесстрастно:

— Мало ли на свете морского волшебства...

— Да какое там волшебство, — сказал Сварог. — Некоторые умеют дышать под водой, вот и все...

— А можно ли осведомиться, как ваше настоящее имечко?

— Никаких секретов, — сказал Сварог. — Король Сварог Барг, и прочая, прочая... Доводилось слышать?

— Доводилось, — ответил староста. — Сразу повесите или мучить будете? Характер у вас, говорят, не голубиный...

— Ну что ж вы так уныло, староста, — усмехнулся Сварог. — Вы же, насколько помню, меня не мучили. В жертву приносили — это было, что уж там... Вот кстати: это у всех жангад такой обычай, или вы единственные?

— Только мы, — сказал староста словно бы даже с некоторой гордостью. — Только мы — Хранители Места и Обряда.

Он не врал. Сварог сказал с некоторым облегчением:

— Вот и прекрасно. Не придется за остальными гоняться. Видите ли, староста, мне категорически не по нраву, что по морям плавают люди, приносящие человеческие жертвоприношения, причем, подозреваю, достаточно регулярно...

— Мы не ваши подданные, государь, — сказал староста, — и никогда вашими подданными не были.

— А какая разница? — пожал плечами Сварог. — Если уж на земле это преследуется, то и на воде должно безусловно подлежать... — он покосился на знакомую хижину. — Пусть выйдет Латойя. Живо!

Староста, повернув голову, громко позвал — и из хижины появилась Латойя, почти не изменившаяся, светловолосая и синеглазая, в коротком платье из рыбьей кожи,

разве что чуточку располневшая после родов, но это ей шло. На Сварога она смотрела с большим страхом, чем староста и обеими руками прижимала к груди невеликий сверток из той же рыбьей кожи. Подойдя к ней вплотную, Сварог тихо спросил:

— Мой?

Она кивнула. И не врала.

— Кто?

— Сын, — ответила она тихонько.

Сварог протянул руки:

— Дай-ка. Посмотреть, дура, не съем ведь...

После заметных колебаний она все же отняла сверток от груди. Держа его неуклюже (ввиду отсутствия всякого опыта), Сварог откинулся на уголок одеяльца, присмотрелся. Почему-то он не испытывал ровным счетом никаких чувств, даже не знал, какие именно чувства полагается сейчас испытывать. Смотрел на крохотное лицико с закрытыми глазами и сопящим курносым носиком, пытаясь пробудить в себе что-то — а что и сам не знал. Как-то не пробуждалось. Просто крохотное курносое лицико, почмокивавшее губами. Возможно, все дело в обстоятельствах зачатия и появления на свет той крохи... Не самые веселые впечатления с ним связаны, и сказать, что Сварог его ждал, никак нельзя. Возможно, когда ждешь, все бывает совершенно иначе — но откуда ему взять такой опыт?

В голове у него вновь и вновь звучал голос Лесной Девы: «Берегись своей крови!». Очень многие, и старуха Грельфи, которой Сварог безоговорочно доверял, считали, что подобные предсказания, сделанные человеку, касались его собственных детей, не обязательно всех, кого-то одного. И что прикажете делать, если это правда? Сделать пару шагов, чтобы оказаться над водой, и разжать руки? Навечно определить в какую-нибудь уединенную башню?

Во-первых, нет никаких доказательств, что эта кроха и есть Грэмилькар. Нельзя же убивать всех подряд своих отпрысков, получится вовсе уж гнусно. Во-вторых, он помнил кое-какие сказки: немало королей, султанов и падишахов, оказавшихся в его положении, именно что либо поручали убить опасного наследника, либо навечно

заточить в башню. Но как-то так получалось, что убийцы своей работы не выполняли, а башню наследник в конце концов ухитрялся покинуть. Одним словом — от судьбы не уйдешь... Да и времени впереди достаточно. К тому же эта кроха — тот самый лар, которого просто полагается усыновить с «урезанным» гербом, и, коли уж Сварогу стало о нем известно...

— Сколько ему? — спросил он все также таращившуюся с опаской Латою.

— Четыре месяца, — отозвалась она тихо. — Уже ползать пытается...

Сварог думал. Конечно, под строгий присмотр врачей, в том числе и с в о е г о — кто знает, какая тут у них антисанитария на плоту и какой процент детской смертности. Потом надо будет з а б р а т ь — интересно, когда они перестают кормить грудью? Ну, а дальше — по заведенному порядку. Можно взять с ним и мать, а можно и не брать — тут уж целиком и полностью на усмотрение благородного лара, так в кодексах и написано...

Вернув сверток — малыш за это время так и не проснулся, — Сварог взял старосту за меховую оторочку одежды, отвел подальше и сказал негромко, веско:

— Слушай внимательно, повторять не буду. Тебя никто не тронет, никого из вас. Но и отпускать вас в океан я не собираюсь. И из-за вашей милой привычки приносить людей в жертву, и... — он покосился на застывшую у хижины Латою. — Быть вам здесь долго, это не суши, так что не помрете. При матери и ребенке будут неотлучно находиться мои врачи и охрана. Все понял? И нестрой ты такой похоронной физиономии, ничего бы и не случилось, не будь у вас милого обычая приносить людей в жертву... Если будут какие-то детали, обговорим потом... а собственно, тебе достаточно обратиться к начальнику охраны, — он усмехнулся. — Похож я на зверя, староста? Или на злопамятного сатрапа?

— Еще неизвестно, что хуже, — тихо, едва слышно произнес староста. — Люди будут тосковать...

— А уж как тосковали те, кого вы связанными сбрасывали в воду... — жестко усмехнулся Сварог.

— Это что же, моя дочь — мать настоящего лара?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Может, потому ты еще и жив, а все остальные не отправились прямиком на какую-нибудь каторгу...

— Это о ничем не лучше каторги, — староста показал рукой вокруг.

— Сам виноват, — сказал Сварог, глядя ему в глаза. — Ребенка беречь как зеницу ока. Потом, может быть, и придумаем, как с вами поступить, чтобы от тоски не перemerли...

Собственно говоря, он уже знал, как поступить. Когда ребенка заберут, всю эту шайку, коли уж они не могут без моря, можно отпустить назад в океан, настрого предупредив, что за первую же попытку человеческого жертвоприношения ответят головой, все поголовно, кроме женщин и детей. Если люди умные, до них дойдет. Ну, а на плоты легко напихать постоянно действующих датчиков, или вообще повесить над ними высоко в небе орбитал. Такие вот этнографические заботы. Ну, а поскольку староста должен знать много интересного о море, с ним пару месяцев поработают соответствующие спецы, и земные, и небесные. Не столь уж трудной оказалась задача, вполне решаемая... Не перемрут, в конце концов, вокруг море разливанное воды...

— Я надеюсь, ты меня хорошо понял, староста, — сказал он холодно. — И запомни еще, что у меня есть привычка всегда выполнять свои обещания...

Еще раз глянув на сверток в руках у Латои — и вновь при том не испытав никаких чувств, — он отвернулся и спрыгнул в баркас.

Врачи и охрана (коих предстояло регулярно менять), конечно же, остались на борту. Сидя спиной к плоту, Сварог на него так ни разу и не обернулся — зачем? Все, что можно предвидеть, сделано. Да, нужно еще по рекомендации Грельфи отыскать колдуныю потолковее и отправить сюда, чтобы присматривала со стороны. Мало сейчас осталось справных колдуний (полное впечатление, что в последние годы на них и на магов напал на-

туральный мор, и никто не может доискаться концов), но парочка-то у Грельфи найдется...

Весла погружались в воду аккуратно, без плеска и брызг. Глядя на приближавшийся корвет, Сварог почувствовал знаковую вибрацию в правом кармане камзола. Сунул туда руку, вытащил вторую «флейту Пана» — на этот раз из четырех трубок, служившую для связи с мэром Анрахом.

Одна из них, крайняя справа, светилась ровным зеленым огнем. Впервые на памяти Сварога эта штука ожила — причем не подавала тревоги, что, быть может, еще удивительнее.

Просто-напросто в Хелльстаде происходило нечто не понятное его верным помощникам...

...Сварог поднял летающую лодку повыше, чтобы осмотреть огромное пожарище с высоты. Хелльстадское Приморье, как его называли в обиходе, пыпало: огонь надвигался сплошной стеной, лиг несколько в длину, пламя неслось по кронам, наплывало колышущейся стеной, выбрасывая рыжие языки, как пучок спичек, вспыхивал кустарник, охваченные огнем деревья рушились...

Внизу, по равнине, по редколесью, опрометью неслось обычное зверье, сбившись в кучи, где перемешались хищники и травоядные; охваченные бешеной паникой. Справа, далеко на горизонте, виднелись белоснежная вершина Гун-Деми-Тенгри и темные скальные откосы. Несколько туманных полос пронеслись вниз, стелясь над высокой травой. Это быстрее всех спасались гармы. Черт, вот и глорх, не в силах быстро уползти от надвигавшегося со скоростью несущегося галопом всадника лесного пожара, оказался в огненном аду, извивался, бился, порой вздымая голову выше верхушек пылающих деревьев.

Самая скучная и ничем не примечательная часть Хелльстада — где такого никогда не происходило. Во всем Хелльстаде никогда такого не происходило — погодой, как и многим, управлял покойный король, никогда не допускавший, как только что прокричал на ухо мэтр Лагефель, подобных безобразий...

Впрочем, нынешний король, принявший наследство предшественника, тоже был не лыком шит... Поправив митру, Сварог послал нужный сигнал на компьютер Вентордерана — и вскоре срочно принятые меры дали о себе знать...

Над пожарищем, до самого горизонта, откуда оно прокатилось, до морского побережья стали сгущаться тучи — черные, непроницаемые напоминавшие исполинскую полосу абсолютного мрака. Кое-где сверкнули вспышки молний — и из низких туч пролился ливень, густые, как плотно связанный метла, струи обрушились на пожарище на всем его протяжении, что Сварог прекрасно мог разглядеть, подняв лодку на лигу. Должно быть, так и выглядел Всемирный потоп — стена ливня, хлещущая по земле так, что иные деревья вырывало с корнем. Очень быстро пожар погас, лишь редкие, вовсе уж тоненькие струйки дыма поднимались меж поваленными деревьями, но и они вскоре погасли, задавленные тугой массой воды. Приподнявшись еще чуть-чуть повыше — тучи висели совсем низко, — Сварог на полной скорости пронесся до морского берега, время от времени создавая в тучах просветы, чтобы разглядеть землю. Везде одно и то же — пожар погас, задавленный, как попавшая под каменную плиту черепаха. И никогда, ни в одном месте он не ощутил ни капли магии — ну правильно, откуда ей взяться?

Остановил лодку над берегом. Требовательно спросил:
— Мяус?

Министр полиции, сидевший на дне лодки, меж скамейками мэтров, приподнялся на задние лапы, высунул голову наружу и показал лапой:

— По данным наблюдателей, примерно в сорока местах из-под воды взлетели продолговатые предметы размером не более половины уарда длиной, и когда они упали в прибрежный лес, повсюду возникли очаги пламени...

«Ну, конечно, ребус не для разгадки», — сердито подумал Сварог. Подлодки токеретов подошли к побережью и дали залп чем-то зажигательным, чертовски эффективным, вроде напалма. Другого объяснения просто нет, лю-

бые устройства ларов, как обычно, не сработали бы. Но зачем? Всего-навсего спалили лес на площади в сотню югеров, да погибло некоторое количество животных... это что, ненавязчивое напоминание о своем существовании или попытка проверить Хелльстад на прочность? Может быть, все сразу...

— Мяус, — сказал Сварог. — Почему их не сбивали?

— Подобное случилось впервые в жизни, и приказов не было, — прилежно отрапортовал Мяус. — Наблюдение за всей территорией Хелльстада велось испокон веков, еще до меня, но никогда не было приказа сбивать летящие в нашем пространстве объекты... потому что никогда не бывало таких.

Сварог легко подавил желание ухватить ministra за хвост и выкинуть из лодки — очень уж полезен был да и рассуждал в соответствии с безукоризненной логикой робота. Черт, чтобы такое придумать, чтобы предусмотреть отдать роботам соответствующий приказ?

— Мяус, — сказал Сварог, — насколько технически сложно сбивать такие объекты?

— Ничуть, государь, — откликнулся Мяус моментально. — Всего-навсего изменить программу и наладить патрулирование тех же Золотых Филинов, замкнув их на пост наблюдения. Все, что появился в нашем пространстве, будет немедленно сбито... я должен понимать так, что госпожи Яны, то и дело появляющейся в нашем воздушном пространстве, данный приказ не касается?

— Ни в коем случае не касается, — сказал Сварог. — Организовать надежное патрулирование, все предметы, прилетающие в наше воздушное пространство, немедленно сбивать... впрочем, какую-то часть из них, прежде не попадавшихся, следует захватывать для изучения. Это возможно?

— Конечно. Захватить коконом из силового поля и увести в лаборатории Вилердерана... Разрешите уточняющий вопрос: если появятся не предме́ты, а люди, как с ними поступать?

Сварог на миг задумался. Никто, кроме Яны, не мог пока что преодолеть защитные барьеры Хелльстада и

преспокойно опуститься, где ей угодно. Нужно сформулировать все предельно точно, иначе этот механический идиот...

— Ставлю задачу, — сказал он, подбирая каждое слово. — Госпожу Яну пропускать беспрепятственно. Всех остальных людей — разумеется, кроме меня — захватывать и доставлять в лабораторию. Все предметы сбивать, но захватывать образцы из тех, что прежде не попадались. Когда мы прилетим, я дополню это еще одной программой...

Ему пришло в голову, что токереты, коли уж начали м е л к и е пакости, могут и высунуться наружу через тот самый таинственный ход, который пока что так и не нашли. Поэтому программу следует дополнить: взять под контроль и сверхнизкие высоты, те, на которых, он помнил, летали вертолеты токеретов, но в случае появления не захватывать, а отслеживать. Точно так же и з е м л ю на значительном удалении от того места, где под землей расположился Токеранг, следует подвергнуть вдумчивому наблюдению. Вдруг да получится из этого какая-то польза? В конце концов, Фаларен ни к о г д а не интересовался токеретами и н и к о г д а их не ловил — равным образом и они за пять тысяч лет успели привыкнуть: в Хелльстаде их не ловят и не охотятся на них. Инерция мышления, знаете ли... Может однажды и подвести.

— Прикажете повернуть лодку в Вентордеран? — осведомился мэтр Лагефель.

— В Вилердеран, — распорядился Сварог.

Именно туда должен был в первую очередь вернуться Элкон после своей загадочной миссии в Горроте — сам говорил, что ему понадобятся тамошние компьютеры.

Вернулся, целый и невредимый. Вот только обнаружил его Сварог не в компьютерных залах, а на той самой плоской крыше дворца, где когда-то устраивались танцы, а потом загорала Яна (после некоторых внутренних колебаний все же отправленная Сварогом в Келл Инир). Юный граф, правда, не загорал, а издали видно, занят

делом: установил на подставочке тот стерженек с разноцветными линзами, что Сварог уже видел, направил его в зенит, три линзы установил в строгом порядке, одну над другой, остальные расположил в беспорядке полнейшем, так, что торчали в разные стороны. То и дело сверяясь со старой потрепанной книгой, осторожно обкладывал тот свой стерженек с выпуклыми линзами в широкой темной оправе, кубиками темного стекла в серебряной оправе (соединяя иные линзы и стеклянные кубики посредством хитрых пазов), одним словом, собирая какую-то непонятную Сварогу конструкцию. Сварог присел подальше, на край парапета, достал сигареты и молчал, чтобы не мешать ученым занятиям Элкона, от которых сплошь и рядом получалась нешуточная польза.

Наконец конструкция (линзы и кубики в оправе, грядя прозрачных шариков, нанизанных, как шашлык, на золотые палочки и прочие оптические непонятности), судя по всему, была полностью готова. Элкон еще раз заглянул в книгу, звонко ее захлопнул (отчего взвилось небольшое облачко пыли), встал, потянулся с видом довольного собой человека. Правда, лицо у него оказалось достаточно странное: как у человека, которому показали завещание на громадную сумму и обширные поместья, но человек опасается, что оно фальшивое...

Тут он заметил Сварога — но недовольства не выражил — наоборот, широко улыбнулся:

— Командир, в Горроте все прекрасно получилось. Не зря «Трактат о замысловатой оптике» так усердно запрещали и жгли. Просто счастье, что Яношу попался *полный* набор... Если и здесь получится...

— И что будет? — спросил Сварог.

— Во-первых, разгадка кое-каких странностей, — сказал Элкон, не сводя глаз со своего сооружения. — А во-вторых, мы с вами обходным путем проникнем в очередную государственную тайну.

— Откровенно говоря, не люблю я государственных тайн, — проворчал Сварог. — Иногда от них такие хлопоты и неприятности...

— Я тоже с некоторых пор стал склоняться к этой точке зрения, — сказал Элкон. — Но вот тайна, если и здесь удастся, поможет в первую очередь на м...

— Ну, тогда давайте побыстрее, — сказал Сварог, испытывая скорее нетерпение, чем любопытство. — Вертите, что там следует...

Присев на корточки, Элкон осторожно вставил в верхнюю грань одного из кубиков прозрачный зеленый стержень с карандаш величиной — до его золотистой грибообразной шляпки. Какое-то время ничего не происходило, потом и стеклышики на стержне, и кубики, и линзы, и гроздья шариков — решительно все налилось изумрудно-зеленым сиянием цвета сочной молодой травы. Да так и осталось таким.

Элкон плюхнулся прямо на камень площадки, свесил руки меж колен, уставился в небеса с самой блаженной улыбкой, какой у проигравших не бывает. Одним прыжком оказавшись рядом с ним, держась чуть в сторонке, чтобы ненароком не нарушить эту хрупкую машинерию, Сварог шепотом спросил:

— Ч то?

— Полное подтверждение гипотезы, — скал Элкон, прямо-таки зачарованно таращась в облака. — Научного объяснения вы все равно не поймете, командир, да его еще и нужно обсчитать, завершить, оформить по всем правилам... главное. Ни в Хелльстаде, ни в Горроте нет апейрона. Понимаете? Нет. Вообще. И Хелльстад, и Горрот — уникальный пример на планете — каким-то образом экранированы от потока апейрона. Хелльстад — в результате каких-то трудов Фаларена, которые мы уже никогда не узнаем, — я не отыскал в здешних компьютерах ни следа. Горрот — несомненно, трудами Брашера и его команды. А практическое значение... Ни здесь, ни там не действуют техника и магия ларов, потому что они основаны на апейроне... как бы проще...

— Да как дикарю, — сказал Сварог. — Я тут и в самом деле дикарь.

— Апейрон неотъемлемой составной частью присутствует во всяком изделии ларов — от летающего замка и

установок Магистериума до простенького женского украшения. Как кислород в воздухе. Как соль в супе. Как сталь в мече, как золотая нить в дорогой ткани... Как, наконец, красные кровяные шарики в крови. В Хелльстаде и Горроте он просто уничтожается без остатка, весь. Всех деталей процесса я еще и сам не понял, нужно будет поработать с компьютерами. Но суть ясна. Именно поэтому оружие ларов бессильно и здесь, и в Горроте. Именно поэтому падают замки, отказывает оружие и не действует магия... кроме древней, доштурмовой, которой, как мне теперь совершенно ясно, владеет Яна, быть может, единственная... Потому что «хелльстадская магия», как теперь опять-таки совершенно ясно, это и не магия вовсе — какие-то технологии, то ли неоткрытые нами пока, то ли забытые. Земное оружие на здешних обитателей действует, а вот с заклинаниями хуже — они, видимо, тоже основаны на том, что родилось после Шторма... Вы неуязвимы, командир... — он убрал с лица улыбку. — И те, что в Горроте, тоже. А вот хелльстадское оружие на Горрот действует, потому что построено по иным принципам, — Экон посерезнел. — Теоретически рассуждая, и х оружие тоже способно воздействовать на нас.

— А где тут место токеретам? — быстро спросил Сварог.

— Пока не знаю, — честно признался Элкон. — Там у меня, сами понимаете, пока что не было возможностивести эксперименты... и образцов их техники у меня нет.

Кое-что действует, подумал Сварог. Взять те же самые зажигательные ракеты, которые они только что обрушили на Приморье. Нужно срочно проверить: могут ли на ши энергетические поля помешать взрыву ядерной бомбы, если они решат перейти от мелких пакостей к крупным и, не особенно и терзаясь угрызениями совести, шарагнут из-под земли боеголовку в сколько-то килотонн. Мне от этого вреда не будет, и Элкону тоже — а вот Хелльстад может выгореть дотла, и останемся мы, Высокие Господа Небес, посреди радиоактивной пустыни...

— Элкон, — сказал Сварог, — я не думаю, что вы ошибаетесь. До сих пор вы не ошибались никогда. Предпо-

ложим, все так и обстоит. Вы понимаете, обладателями какой тайны мы оказались?

Теперь понятно, почему Рагнарок безнаказанно прошел в Горрот, выпустил пару ракет и вернулся, — он построен в незапамятные времена, когда поток апейрона откуда-то из центра Галактики еще не накрыл Солнечную систему. Теперь многое, очень многое понятно. Но не находится ли у ларов в запаснике чего-то, изготовленного без применения апейрона? Давным-давно забытого, но сохранившегося в рабочих чертежах? С одной стороны, и с Горротом можно будет разобраться, с другой — Хелльстад полностью потеряет неуязвимость, и у Сварога не останется никаких козырей?

— Понимаю, — сказал Элкон. — Можете быть спокойны, командир — дальше меня и вас эта тайна не уйдет. Пока сами не распорядитесь.

Сварог шагнул к нему так, что они стояли лицом к лицу.

— Молчите, Элкон, — сказал он. — Перед всем и каждым.

— Есть, командир, — парень выпрямился по стойке «смирно».

Уж в нем-то Сварог мог быть уверен. А значит, открывается простор для новых комбинаций... и гаданий касается Токеранга. Но если он ошибся и там, наверху, нет ничего «безапейронного», если Брашеро унес свои секреты с собой в Горрот и никто не может их повторить... С одной стороны, задача усложняется, с другой — упрощается. Технологии против технологий. Инфразвук, например, на экипажи токеретских подлодок подействовал смертельно... но было бы то же самое с торпедами Оклера? Черт, а ведь завтра состоится... Ну что ж, день-другой вряд ли играют роль...

— Отправляйтесь в компьютерную, Элкон, — сказал Сварог. — Когда закончите со своим, у меня будет еще парочка собственных заданий. Да и мне нужно кое-что продумать и рассчитать, не откладывая. Есть планы...

Глава XI

ЦВЕТ ПОДВЕНЕЧНЫЙ, ЗОЛОТОЙ...

Свадьба вообще дело хлопотное. А уж королевская — тем более. Хорошо еще, что происходила она в столь специфическом месте, как Хелльтад, так что Сварог оказался избавлен от кучи дурацких ритуалов.

Нельзя сказать, что сам он был изможден и измучен трудами праведными. Церемонию ему старательно разработали два больших знатока этого ремесла, взятые из двух земных королевств. Стол и винный погреб обеспечивали Золотые Болваны Велордерана, и делали это, как он убедился, с большим знанием дела. А разные мелочи твердой рукой взвалил на себя принц Элвар, заявивший, что он раз сто был посаженным отцом на свадьбах и спрятится прекрасно. И с громадным красно-желтым бантом на левом плече, знаком своей высокой должности на этом торжестве, стоял со Сварогом у нижней ступеньки роскошной лестницы, где они оба должны были встречать гостей и перекинуться с каждым парой словечек — скучно, чтобы не задерживать остальных. Мажордом тоже был здешний: высоченный золотой истукан с лицом, исполненным в виде физиономии щекастого усача, якобы выпивохи и весельчака. И выглядел крайне внушительно, когда с прибытием очередной летающей лодки ударял

высоченным жезлом в специально для этой цели положенную тут же мраморную плиту и гаркал титул и имя гостя чуть ли не на весь прилегающий парк.

Вот именно, гости... Порой Сварог удивлялся про себя, не показывая чувств.

К его некоторому удивлению, Канцлер приглашение принял и явился с супругой, крайне величественной дамой с таким выражением лица, словно она то и дело собиралась спросить у Сварога: «А не рано ли вам сочетаться браком, молодые люди?» К еще большему его удивлению, принц Диамер-Сонирил тоже явился, но его супруга оказалась полной противоположностью мужу — низенькой и полненькой хохотушкой с седыми кудрями (понаблюдав за ней немного, Сварог стал подозревать, кто именно кого на себе женил).

Если канцлер порой, неосознанно для себя, ступал так, словно шагал по тонкому льду, Диамер-Сонирил шествовал с обычной чопорностью, а его жена и вовсе озиралась с несказанным любопытством.

Подружки невесты, как и полагается, прибыли едва ли не раньше всех: Канилла, конечно, с Родриком, Аурика в одиночестве, а вот Томи объявились рука об руку с Леверлином, с которым могла познакомиться только в Латеранском замке. Впрочем, все они, как и полагалось, тут же оставили своих кавалеров и исчезли в тех загадочных помещениях дворца, где одевали невесту. Туда же без малейшей сословной розни проследовали супруга Диамер-Сонирила и привезенная принцем Элваром с собой гостья: симпатичная темноглазая вдовушка (судя не по ленте на плече, а общитому белой лентой чепчику, одовевшая достаточно давно), одетая со всей возможной для каталаунской жительницы пышностью, поначалу откровенно робевшая, но потом чуточку успокоившаяся.

Дальше шли опять-таки по статусу: сначала Элкон со своей ронерской маркизой, потом четверо юных сподвижников Сварога с подругами, наперечет юными и незнакомыми лариссами. За ними — маркиз Оклер с женой (попутно Элвар просветил Сварога еще об одной услов-

ности: все приглашенные имеют право явиться с детьми, но только если те совершеннолетние, а также неженатые либо незамужние).

После ларов настал черед земных монархов: очаровательная Лавиния Лоранская (в одиночестве), Мара (тоже одна) и его величество Бони Первый (с белокурой, довольно симпатичной, но явно не особенно благонравной девицей). Поскольку согласно стародавнему обычаю на свадьбу должны съезжать все без исключения короли, Сварог, к своему сожалению, не увидел своего доброго знакомого короля Шагана (опасно занедужившего), зато получил сомнительное удовольствие лицезреть двух мозгляков из Вольных Майоров (которых надеялся больше никогда в жизни не увидеть); король Тейл из Шотерна с женой и дочерью, да король Виррел из Корта с женой (папенька Лавинии). И только после этих двух, ему абсолютно неинтересных и ничем непримечательных, по лестнице стали подниматься те, кого он с охотой пропустил бы вперед: Шег Шедарис с Теткой Чари, Паколет, стараниями Бони не только барон, но еще граф и маркиз (правда, сопровождавшую его девицу они с Бони, такое впечатление, выбирали в одной лавке). Маргилена с мужем, Арталетта, Старая Матушка, Интагар с женой и двумя дочерьми, вдовец Баглю с двумя статными усатыми сыновьями, адмирал Амонд с женой, герцог Раган с женой и дочерью, молодой герцог Брейсингем и князь Гарайла (оба в одиночестве, причем если герцога это откровенно печалило, Гарайла, наоборот, чувствовал себя прекрасно). Граф Гаржак, один, как перст, герцог Лемар с очаровательной девицей, выглядевшей вполне совершеннолетней (но Сварог подозревал, что годочек ей на пару меньше). Ну, что поделать, полезный для государства человек, заслужил приглашения...

Замыкали шествие старуха Грельфи, мэтр Анрах и мэтр Лагефель (последний, откровенно говоря, был Сварогу, в общем, безразличен и зван только потому, что неудобно как-то его не позвать, если он столько лет живет и работает в замке). С превеликой охотой Сварог пригласил бы

и капитана Зо с боцманом Блаем, но это оказалось никак невозможно сделать из-за присутствия Баглю, у которого с капитаном давняя кровная вражда. Патриархальные гланские нравы таковы, что Баглю мог и на торжественной церемонии за палаш схватиться... В Глане на любом пиршестве или торжестве бдительно следят, чтобы за одним столом не оказались кровники, для того есть специальные старики, помнящие все недоразумения меж родами и кланами за последние сто лет...

«Ну вот, кажется, и все», — подумал Сварог, когда торжественное шествие закончилось и гости оказались в огромном зале в синих тонах, щедро убранном цветочными гирляндами и вензелями новобрачных из белых лилий — здесь им предстояло провести какое-то время в светской болтовне, пока слуги обносят их вином и мороженым. Кажется, все. Дядюшка Элвар почти что трезв, отец Грук, в новехонькой рясе, с искусственной работы крестом Единого на груди, заточен в одну из комнат под присмотром двух каталаунцев, которым крепко-накрепко наказано не пропускать в комнату и наперстка. Карак ожидают на своем месте, где и положено первому министру королевства, в драгоценной мантии и с целой гирляндой положенных ему по должности орденов на шее (конечно, уменьшенных под его рост). На пиршественном столе перед прибором каждого гостя уже лежит «подарок от новобрачных» — массивная золотая ложка весом не менее трех паундов (один паунд — не менее 125 г), с гербами жениха и невесты и полудюжины брильянтов.

Церемония ожидалась не такая уж долгая и затейливая, но Сварог все равно откровенно маялся из-за того, что выставлен на всеобщее обозрение, хотя почти все до единого собравшиеся — люди свои, если не друзья, то надежные сподвижники или, по крайней мере, доброжелательно к нему расположенные сановники империи. Не считая, конечно, Лавинии (пару раз награждавшей его ангельской улыбкой) и двух абсолютно ему ненужных корольков с их унылыми супругами. Но тут уж никуда не

денешься — этикет. Гораздо противнее было бы видеть здесь поддельного Стакора...

Он посмотрел на часы и шепнул Элвару:

— Давно ей пора быть...

— Ну что вы хотите, мой венценосный кузен? — хмыкнул принц. — Опоздание невесты при одевании — это прямо-таки ритуал, тут уж терпеть приходится. Пройдитесь пока меж гостями, словцом перекиньтесь, жениху это тоже положено... Пить не вздумайте, пока не сядете за стол, жениху не полагается ни глотка, — он шумно вздохнул и уныло добавил: — И мне тоже, вот незадача...

И незаметно для окружающих, но чувствительно подтолкнул Сварога кулаком в поясницу. Подавив вздох, Сварог начал обход гостей. Первым ему попался Канцлер, от которого Сварог предпочел бы очутиться подальше. Однако опытный царедворец с самым что ни на есть радостным лицом подхватил Сварога под локоть, громко поздравил, а тихонечко добавил:

— И как это вы оба ухитряетесь отыскивать и поворачивать себе на пользу юридические казусы...

— Но ведь ни один закон не нарушен? — также тихо спросил Сварог.

— Ну, кто же говорит... Однако — казусы. К примеру, теперь ваша невеста — в какой-то степени подчинена принцу Диамер-Сонирилу... — он посмотрел с некоторым уважением. — Но, в общем — хороший ход... Уж если мне здесь немного не по себе, можно представить, что будет за облаками... С политической точки зрения — неплохо придумано...

Расставшись с ним, Сварог оказался едва ли не в объятиях принца Диамер-Сонирила, с ходу поинтересовавшегося, когда ему представится возможность произвести здесь положенную инспекторскую проверку. В самом скором времени, заверил Сварог, прикидывая, как устроить перед его высочеством внушительный парад гармов, глорхов да и существ гораздо более поразительного облика.

Мара подмигнула и чуть заметно показала язык. Большинство просто поздравляли с разной степенью изящества и красноречия. Бони, выбрав время, когда вокруг Сварога стало относительно пустовато, подтащил за локоть Пасколета и наставительно сказал:

— Еще раз поблагодари командира. А то по-прежнему бы в Равене гусей тырил и кошельки стриг.

Князь Гарайла, едва отбарабанив положенные поздравления, шепотком поинтересовался, не близится ли какой войны, а то со Святой Землей получается какая-то глупая волокита. Сварог заверил его, что кое-что намечается, но это пока страшный секрет, улыбнулся сияющему Интагару и неторопливо продолжал обход гостей. Зато от герцога Лемара отвязаться так просто не удалось — прохвост закатил, что уж там, великолепную речь, изобиловавшую метафорами, гиперболами, панегириками и прочими перлами ораторского искусства. Судя по всем этим красивостям, над герцогом снова повисла парочка незакрытых уголовных дел — надо будет потом поинтересоваться у Интагара...

На его счастье, снова подкрался Элвар, легонько подтолкнул в поясницу и шепотом посоветовал:

— Вот теперь жениху пора поинтересоваться, как у невесты обстоит с платьем... Вон в тот коридор...

Сварог прошел в боковой коридор, остановился перед чуточку приоткрытой дверью, за которой лязгали ножницы, щелкали щипцы для завивки и доносились те патетически-деловитые голоса женщин, какими они обычно разговаривают о всяких пустяках. Послышался наставительный голос супруги Диамер-Сонирила:

— Вита, родная, но нужно же немного поплакать... Хотя бы пару слезинок, в конце концов, старинная традиция...

Вслед раздался чуточку дрожавший от робости голос мельничихи:

— И печальную бы песню спеть, ваше императорское высочество... Чтобы — к счастью...

— Полагаете, милочка? — раздался ничуть неспесивый голос принцессы.

— Уж, это непременно, ваше императорское высочество. У нас в Каталауне завсегда... И никому во вред не пошло...

— А действительно, я что-то такое помню, — вмешалась Томи. — Чтобы — к счастью... Знаете что-нибудь подходящее, Тальфри?

— Ну, еще бы, госпожа маркиза! Сколько раз на свадьбах... Его величество не даст соврать...

И тут же она завела высоким, чистым голосом, порой исполнявшимся столь щемящей тоски, что у Сварога, так и торчавшего глупо под дверями, мороз пробегал по коже:

— Скользкий снег хрустит,
санки вдаль бегут,
а в санях к венцу милую везут,
а идет к венцу не добром она,
волею чужою замуж отдана.
Если б я сейчас превратился в снег —
я бы задержал этих санок бег...

«Черт знает, что такое, — сердито подумал Сварог. — Традиции у них, понимаете ли... С печальными песнями, да еще и слез требуют...» Мельничиха пела, вкладывая всю душу:

— Я бы их в сугроб вывалил сейчас,
обнял бы ее я в последний раз.
Обнял бы ее и к груди прижал,
этот нежный рот вновь поцеловал,
чтоб любовь ее растопила снег,
чтоб растаял я и пропал навек...

Когда песня кончилась, послышался тихий, словно бы чуточку удрученный голос Яны:

— Так вы меня и в самом деле до слез доведете...

— Хотя бы парочку! — с энтузиазмом воскликнула веселушка-принцесса. — Согласно традициям! Уж как рыдала ваша матушка, хотя у нее с вашим отцом была настоящая большая любовь... Чтобы к счастью...

Решив, что с него хватит этой неуместной меланхолии, Сварог подошел и постучал в приоткрытую дверь. Очень быстро вылетела Томи — с золотистыми кружевными лентами в одной руке, узкими ножницами в другой, во рту у нее торчал пучок булавок с головками из самоцветов, а за поясом — сразу три гребешка мал мала меньше. Завидев Сварога, она ловко вынула изо рта булавки рукой с ножницами, грозно подбоченилась и спросила:

— А у вас тут какие дела, господин жених? Мы ведь с вами сейчас не на службе?

— Никоим образом, — ответил Сварог, немного ошеломленный этим напором. — Совсем наоборот.

— Вот и нечего вам тут болтаться! — воинственно выпалила Томи, загораживая дорогу. — Не мешок из дерюги мастерим, а платье невесте приводим в полный порядок! Придет время, позовут! — Повернулась и вошла в комнату, не озабочившись плотно прикрыть за собой дверь. В комнате клацали ножницы, деловито переговаривались женщины, потом уже Томи звонким печальным голосом затянула:

*— Говорите, я молчу!
 Все припомните обиды
 и нахмуритесь для вида,
 мою руку не допустите к плечу.
 Говорите, говорите, я молчу...*

Сварог растерянно потоптался в узком коридоре — весь в синем бархате, золотых позументах и бриллиантах, с желтым пучком жениховских лент на плече. В комнате пели уже хором:

*— Говорите, я молчу!
 Как уверенно вы лжете...
 Что же, вы себя спасете,
 я одна по всем долгам плачу.
 Говорите, говорите, я молчу...
 Говорите, я молчу!
 Вас тихонечко жалею,
 оправдаться не умею,
 а вернее — не должна. И не хочу.
 «Замолчите!» — молча я кричу...*

Он вышел в коридор, но не стал приближаться к залу, где слышались веселые разговоры и смех. Показавшийся оттуда принц Элвар с большим знанием дела спросил:

— Не пускают?

Сварог кивнул.

— Дело знакомое, — сказал Элвар. — Пока пуговку не перешьют десять раз, не успокоятся... Кто это все только выдумал... — воровато оглянувшись, он увлек Сварога в глубь коридора, подальше от гостей, извлек из кармана плоскую серебряную фляжку с великолепной чеканкой, изображавшей охотничьи сцены, по его привычкам сущий наперсточек. — Вот тут и стаканчик удобный получается, если колпачок свинтить... Традиции для того и есть, чтобы их нарушали... Ну-ка, для смелости!

Сварог, недолго думая, взял стаканчик и хватил хорошего келимаса (видимо, по случаю торжества принц отказался пока от любимой самогонки). Принц, никогда и не выставлявший себя знатоком хороших манер, прикончил остальное прямо из горлышка. Неподалеку прохаживался Мяус, бросая на Сварога недвусмысленные взгляды.

— Извините, принц, — сказал Сварог и отошел к своему министру полиции.

Ловко взобравшись по портьере так, что их головы оказались на одном уровне, Мяус тихо сообщил:

— Все перепроверено. Наши защитные поля удержат любой ядерный взрыв, мало того, не дадут ему совершившись... Государь, могу я задать не относящийся к делу вопрос?

— Давайте, — сказал Сварог.

— Насколько мне известно из общения с людьми, вы с госпожой Яной после завершения церемонии будете продолжать совершенно те же, непонятные мне, но крайне необходимые людям занятия. Для чего, собственно, нужна эта долгая церемония, если отношения меж вами нисколечко не изменятся?

— У людей есть свои программы, Мяус, — сказал Сварог. — И в некоторых случаях они их скрупулезно выполняют. Понятно?

— Понятно, — сказал Мяус.

Тем временем из узкого коридорчика послышался бесцеремонный стук кулаком в дверь и бас принца Элвара:

— Посаженный отец явился за невестой!

На сей раз его впустили, не чиня препятствий, — видимо, полагалось согласно этикету. Совсем недолго его не было, потом дверь шумно распахнулась, вновь послышалась бас принца:

— Господин жених, передаю вам невесту!

Сварог пошел туда. И замер на миг.

Белое платье здесь служит траурным, выходить замуж принято в других: в основном в красных и синих, но дворянство предпочитает золотистый... Вот и сейчас на Яне красовалось короткое платье из золотистых кружев, с пышным подолом, с расширенными к локтю рукавами, украшенное лентами, бантиками и еще какими-то красавицами, про которые Сварог не знал, как они называются, — вроде полосок золотого кружева с подвесками-цветами из драгоценных камней, жемчужными нитями, сплетенными в сложные узоры. Смелый вырез (к которому она радостно вернулась после пары недель навязанного Сварогом пуританства в одежде) обшил крохотными бриллиантами. Это было красиво и ничуть не казалось дурной пышностью — настоящее подвенечное платье королевы. В ушах и на шее сверкали сапфиры, способные привести в горькую зависть любую из присутствующих здесь дам — это уже Сварог открыл свои сундуки, предварительно поручив Грельфи проверить каждое украшение. Прическа показалась ему какой-то странной, он ждал чего-то высокого, пышного, затейливого — и только потом сообразил, что это и есть шалантъе, знаменитая прическа выходящих замуж принцесс, которым еще предстоит надевать корону: завитые локоны струятся вдоль щек, падают на грудь, плечи, только пониже затылка — небольшой узел, утыканый теми самыми булавками с самоцветными головками. Она улыбнулась Сварогу, она была ослепительна, сказочная принцесса — но Сварог

с неудовольствием увидел на щеках слезинки, правда, очень маленькие — уговорили-таки хранительницы традиций...

— Ну, все готовы? — бдительно осмотрев их, спросил принц Элвар и махнул столь же огромным, как и бант, желто-красным платком посаженного отца.

В зале раздался гулкий бас мажордома, которому вторили не способные сравниться с ним по мощи голоса церемониймейстеров:

— Дамы и господа! Выход жениха с невестой!

Присутствующие вмиг замолчали и построились в две шеренги. Сварог пошел меж ними к противоположной двери огромного зала, медленно и степенно, как его старательно учил Элвар, держа поднятую на уровень плеча руку Яны, залитую сапфировым блеском перстней и браслетов. Те, мимо кого они проходили, попарно присоединялись к процессии. Со всех сторон послышалась музыка клавесинов и раздалась уже другая песня, на сей раз без малейшего уныния исполнявшаяся бархатным мужским баритоном:

*— Ваш образ в это сердце вписан кровью,
и не найти мне слов ему под стать;
вы пишете, а мне его читать,
и даже вам я смысла не раскрою.
Мне самому загадочна порою
и недоступна ваша благодать,
и, веря в то, что смог я угадать,
на веру принимаю осталльное...*

Судя по всему, бесповоротно кончилась пора, когда следовало петь грустные песни, и это радовало. Сварог покосился на Яну — она смотрела перед собой серьезно, ничего вокруг не видя, похоже, происходившее для нее было очень важно, и он смущенно отвернулся, словно застигнутый за каким-то нехорошим подглядыванием, постарался стать таким же серьезным, коли уж она принимает все так близко к сердцу.

— *Моей душе вы снитесь наяву,
и ваше сердце полнится до края
и не вмещает, радуясь родству.
Рожден любить, любви не выбираю —
для вас я создан, вами и живу
и ради вас живу и умираю...*

Церемониймейстеры проворно распахнули обе створки высоких дверей. Этот зал, гораздо меньший размерами, совсем недавно, еще с утра, был точно таким же роскошным дворцовым помещением, но слуги (болваны золотые, а вот поди ж ты!) постарались, как могли, придать ему вид храма: задрапировали стены темной тканью, гирлянды и вензеля составили исключительно из лилий, символизировавших, как с давних пор повелось, непорочность невесты. Не удержавшись, Сварог показал Яне глазами на ближайшую гирлянду. Яна едва заметно улыбнулась и тут же стала невероятно серьезной, опустилась на одно колено, и Сварог, повинуясь нажиму ее пальцев, сделал то же самое.

Алтарь, перед которым они стояли, был самым настоящим, старинным, работы какого-то известного мастера — под честное слово позаимствованный принцем Эльваром в одном из храмов Каталауна: потемневший от времени серебряный крест Единого, врезанный в верхнюю его половину, а ниже чуть потускневшие росписи, изображавшие святого Катберта и святого Сколота в тот момент, когда они, изловивши очередное демоническое создание, вразумляли его посредством не столько слова Божьего, сколько знаменитым молотом Катберта и не менее прославленным увесистым посохом Сколота... Демоническому созданию приходилось весьма несладко. На заднем плане, воздев ясные очи к небу, помещалась непорочная девица, только что спасенная святыми от козней демона.

На алтаре возвышался отец Грук, совершенно не похожий себя прежнего: волосы и борода тщательно расчесаны, новая коричневая ряса безукоризненно чиста, крест Единого сияет серебром. Вид у священника был самый импозантный и внушающий нешуточное почтение. Со-

вершенно другой человек. Сварогу пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы вспомнить его у пивной бочки в окружении лысых молодцов или шествующим к виселице с закрученными за спиной руками, в разодранной рясе. Что ж, в конце концов, сана его не лишили. Все законно.

— Поднимитесь, дети мои! — возгласил отец Грук совершенно незнакомым, звучным, проникновенным голосом. — И да свершится же таинство из числа не печальных, а радующих душу!

Где-то в сторонке тихонько заиграл орган — и здесь исправно работали музыкальные системы Фаларена.

— Святые церемонии не терпят многословия, — продолжал отец Грук в совершившейся тишине. — Ибо сказано святым Катбертом: лучше поступок, нежели долгие слова. Дети мои, непорочная девица и бравый рыцарь! Те, кто намерен жить в миру, не должен обитать в нем без второй половинки, дабы продолжить род свой, дабы совместно переживать радости и печали, дабы быть опорой друг другу в несчастье и в удачах, дабы вместе противостоять врагу рода человеческого. И видя перед собой юную пару, решившуюся проделать рука об руку жизненный путь, пока смерть не разлучит их, наставляю и велю: храните любовь и верность друг другу, доброту и уважение во все дни, и да не встанут перед вами раздор, блудодейство, ссоры и отчуждение. Обнимите друг друга, дети мои, и выскажите друг другу втайне от окружающих свои самые заветные желания!

Они повернулись друг к другу и обнялись. Ухо Сварога защекотал жаркий шепот Яны:

— Я хочу, чтобы ты был мне верен...

И Сварог, не особенно и раздумывая, прошептал:

— Я бы очень хотел полюбить тебя по-настоящему...

Когда они вновь повернулись к алтарю, отец Грук, напрягши голос, прогрохотал:

— Объявляю вас мужем и женой отныне и навеки, и да будет вам судьбой нести вдвоем радости и печали! Благословляю вас правом, данным мне Единым!

Кто-то, бесшумно подошедший сбоку, протянул золотую тарелочку с двумя обручальными кольцами. И они надели кольца друг другу — на средний палец, как заповедено. Сварог давно уже, решив, что в серьезных делах не должно быть шуток, заменил герб Хелльстада на герб Гэйров, добавив к нему в навершие филина — как символ той мудрости, которой ему сплошь и рядом недоставало. Яна волновалась, и ей удалось надеть ему кольцо только со второй попытки — правда, судя по благосклонному взгляду отца Грука, это вовсе не было какой-то дурной приметой.

— Поцелуйте друг друга, новобрачные, и перейдите к представителю мирских властей с его мирскими заботами!

Поцелуй, надо сказать, затянулся надолго. Потом, сделав всего три шага вправо, они оказались перед высокой, в рост человека, тумбой, на которой восседал Карак, придавший себе самую величественную позу, какую только ухитрился. Тут же встав и держа перед собой вертикально сверток пергамента с несколькими подвешенными к нему печатями, сделавший невероятную карьеру серенький домовой провозгласил:

— Согласно законам славного королевства Хелльстад, я, первый министр барон Карак, вручаю вам бумагу о законном браке, должным образом зарегистрированную в Брачном кодексе. Тот же, кто посмеет объявить этот брак незаконным, понесет наказание по законам королевства, и лучше бы ему не родиться на свет! Счастья вам и удачи, согласия и любви, новобрачная пара!

Снова кто-то подошел сзади, и на плечи Сварогу легла алая мантия короля. Благодаря опыту, он легко справился с застежками и пряжками, а потом помог Яне, путавшейся с непривычки. Еще миг — и на головах у обоих оказались митры, с большим искусством выполненные из сосновых шишек.

Говоря по правде, митра Яны была красивым ювелирным изделием, и не более того... В свое время в одной из кладовых, примыкавших к кабинету Фаларена, Сва-

рог нашел четыре мантии и две запасных митры — все как одна подходившие на его голову. А вот подобного головного убора гораздо меньше размером, годного для женской головки, не оказалось: видимо, Фаларен так и собирался прожить свою нескончаемую жизнь вечным холостяком. Ну, а переделывать уже имеющиеся хельстадские короны Сварог не рискнул: кто знает, как это повлияло бы на них. Ну, по крайней мере, мантия на Яне была настоящая.

Как она сияла, гордо выпрямившись и прижимая к груди увешанный печатями свиток! Сварог залюбовался. Это и называется — исполнение мечты...

Взяв его под руку, глядя снизу вверх преданно и восхищенно, Яна прошептала так тихо, что он едва расслышал:

— Спасибо... Я твоя навсегда...

И тут же раздался зычный бас мажордома, поддержаный церемониймейстерами:

— Его величество король, его величество королева приглашают гостей к пиршественному столу!

И все так же чинно, возглавляемые королевской четой, двинулись в следующий зал. Подружки невесты, все трое, шагали сразу за ними, умело скрывая недовольство на лицах: этикет не позволял бурных поздравлений с поцелуями и объятиями.

Хорошо еще, как оказалось, этикет для пиршественного стола каждый король волен устанавливать по своему усмотрению. А потому Сварог заранее распределил места: принцы и Канцлер оказались по его левую руку, как и юные сподвижники. Странная Компания сидела по правую руку Яны (помещавшейся справа от Сварога), министры — чуть позади, ну, а совершенно несимпатичных ему корольков Сварог отправил в дальний конец подковообразного стола, полагая, что для них и такой чести достаточно.

Как всегда на любых пирах, первые минуты царила некоторая скованность, но потом, опять-таки как всегда, дело наладилось: зазвенели первые кубки, послышались громкие здравицы в честь виновников торжества, зазвяка-

ли вилки и ножи, целясь на обильные и многими (в том числе Сварогом) впервые раз виденные яства, лица чуточку раскраснелись, разговоры стали громче... В общем, наладилось дело.

Нашлись, правда, такие, которым, сразу видно, было чуточку не по себе из-за присутствия гармов Сварога и Яны. Акбар, как и подобает солидному псу, смирнехонько сидел возле кресла Сварога, время от времени смачно жуя очередное угощение (которые ему по сигналу Сварога подносил специально для того отраженный Золотой Болван). Пепельного цвета Фиалка Яны (совсем еще щенок, но размерами побольше крупной овчарки) вела себя гораздо более непринужденно: расхаживала вокруг стола, то и дело лезла знакомиться с гостями, тычась мокрым носом и кладя тяжелую лапу на колено. Канцлер и Диамер-Сонирил перенесли это stoически (но явно облегченно вздохнули про себя, когда Фиалка отошла), молодежь (в том числе ничуть не напуганные дочки Интагара) принимала ее радушно, принц Эльвар и отец Грук, которых большими собаками не запугаешь, даже без церемоний потормошили за загривок. Лавиния ее демонстративно гладила, желая показать, что ей и черт не брат. А вот ее пapa, когда Фиалка и до него добралась, весь побледнел и чуть не грязнулся в обморок. Ничуть не огорченная столь холодным приемом Фиалка сгребла у него с блюда здоровенного, отлично зажаренного гуся и удалилась в угол зала не спеша разбираться с аппетитной дичиной, фаршированной чем-то изысканным.

— Ну, и каково себя чувствовать королевой Хелльстада? — тихонько спросил Сварог у сияющей Яны.

Она бросила на него смешливый взгляд:

— Пока, во всяком случае, необычно... Может быть, объявим танцы?..

Сварог маxнул придворному распорядителю танцев, привезенному для такого случая из Снольдера, — он и сам не хотел, чтобы пир превратился в долгую жралку, среди гостей хватало молодых, которым хотелось провести время гораздо интереснее. Если не считать вовсе уж

заядлых обжор, короли в подобных случаях так и поступали: каждое блюдо сменялось танцем, и наоборот. Тут уже допустимы и легкие вольности: приглашение чужих супруг, приглашение дамами мужчин.

Вот уж кому сегодня предстояло выложиться на всю катушку, так это танцмейстеру, получившему от Сварога самые подробные инструкции: проследить, чтобы ни одна дама, пожелавшая бы танцевать, не осталась уныло торчать за столом, да вдобавок сделать все, чтобы пары, хотевшие танцевать только друг с другом (а такие желания недвусмысленно проявляли не только Канилла с Родриком, но и Томи с Леверлином), никто не «разбивал»... В общем, масса нюансов.

Люди постарше — Канцлер, Диамер-Сонирил, адмирал Амонд, герцог Раган и Баглю — ограничились тем, что прошли круг по залу в старомодной медленной фартачette. Зато молодежь явно намеревалась повеселиться на славу. Граф Гарайла, хотя никак не мог причислять себя к оной, к удивлению Сварога, три танца подряд танцевал со Старой Матушкой, которой это никакого неудовольствия не доставляло. И он вспомнил: был у них в молодости какой-то неудачный флирт... Поженить их, что ли? Не дряхлые старцы, в конце концов...

Опять-таки к его некоторому удивлению, его пригласила на быстрый гудаберт, а потом на медленную фаргаду тихая смуглянка Аурика, красавица и неплохой эксперт по «спектру». Он испугался, что повторится история Томи, когда та в него влюблялась хоть и ненадолго, зато по уши, — нет, вроде бы ничего подобного... В фарагуде он несколько раз оказывался неподалеку от Томи с Леверлином и пришел выводу: там что-то определенно назревает. Возможно, Леверлин и был тем самым «галантным дворянином», с которым Томи познакомилась тогда в Латеранском дворце.

Маргилена, как на любом дворцовом балу, беспрестанно меняла кавалеров (вспомнив данные ей наставления, Сварог подозревал сидевшего в сторонке Мяуса и отдал ему кое-какие распоряжения). Дочери Интагара

танцевали в основном с сыновьями Баглю. Элкон — с ронерской подругой. Арталетта — со всеми, кто приглашал. Понемногу установилось некое равновесие: танцующие присмотрелись и поняли, какие пары не стоит «разбивать», чтобы, чего доброго, не нарваться на дуэль за пределами дворца.

Улучив подходящий момент, когда танцующие возвращались к столу, Сварог взял под локоть Леверлина, смотревшего вслед Томи затуманенными глазами. Сказал веско:

— Я тебе ничего не запрещаю и ни от чего не отговариваю, но имей в виду: это еще девочка.

— Как это замечательно, — сказал поэт, положительно, пребывая в некоем трансе. — Самая красивая здесь, и вдобавок...

Сварог усмехнулся: как говорила Канилла, мы еще сами не знаем, большая это любовь или просто пылкая страсть, но что-то определенно пылкое. То-то и у Томи глаза затуманены. Ладно, все будет нормально...

Подойдя к своему креслу, он обнаружил, что Мара самым оживленным образом беседует с Яной, что-то напшелтывает ей на ухо, сопровождая слова энергичными движениями — а Яна чуточку покраснела, опустив голову. Понятно, не знавшая ревности боевая подруга вновь старалась для него, как могла. Улучив момент, Сварог показал Маре кулак, что не произвело на нее никакого впечатления, продолжала, чертовка, наставления новобрачной.

Рядом Гарайла, не торопившийся садиться за стол, старательно и громко объяснял Старой Матушке наилучшие приемы кавалерийской разведки в зависимости от местности. Она притворялась, что слушает с живейшим интересом. «Пожено, — подумал Сарог. — Негоже маршалу гвардии всю жизнь пробыть холостяком, да и Стальная Матушка, хоть ее так и зовут, интереса к супружеской жизни не потеряла, даже и фаворит на данный момент имеется...»

Принц Элвар ходил по пятам за танцмейстером и добивался, когда же наконец объявили райду. Маргилена,

вряд ли случайно оказавшись рядом, быстро прошептала на ухо:

— Не смотри с таким подозрением. Сегодня, с кем бы ни плясала, законного мужа кое-чему учить буду. Он робко склоняется...

Самое интересное, что подметил Сварог — Лавиния Лоранская и граф Гаржак буквально не отходили друг от друга: один танец за другим, перешептывания у портьеры, пылкие многозначительные взгляды Лавинии, кое-какие дозволенные в медленных танцах легкие вольности... «Ладно, пусть развлекаются, — благодушно подумал он, — Гаржака и сотня красавиц не перевербует...»

Обозревая зал, Сварог пришел к выводу, что свадьба все же удалась на славу. Пожилые чинно беседуют, Баглю с Раганом и Интагаром — сплошь коллеги по нелегкому ремеслу — играют в кости за отдельным столиком, супруга Диамер-Сонирила, явно довольная праздником, танцует с маркизом Оклером, оба мэтра, очень похоже, углубились в разговор о высоких материях, ну, а самые молодые веселятся вовсе уж самозабвенно. Причем Томи с Леверлином настолько увлечены друг другом, что Сварог, похоже, оказался прав — там не то что назревает, там летит вперед семимильными шагами...

А вечером будет великолепный фейерверк, такой, что в летающих замках обзавидуются и будут гадать, что за праздник нынче в Хелльстаде (если не считать присутствующих здесь ларов, все остальные представления не имеют, в чем тут дело). Жаль, что не успел Брагерт, вот уж кого с удовольствием увидел бы, но он застрял в Лоране, дело сложное и путаное, причем ниточка, похоже, ведет к очередному убийце, которого очаровательная Лавиния по своей милой привычке намерена к Сварогу подослать...

Рядом с портьерой оказался Золотой Кот, взглядом позвал Сварога. Тот подошел, не мешкая.

— Ваше величество, — сказал министр полиции. — Только что персона, поименованная как король Тейл из Шотера, украдкой спрятала себе в карман золотую солонку весом примерно в два с половиной паунда, являющую-

ся дворцовым имуществом, а, следовательно, вашим. Как прикажете отреагировать?

— Оставить без последствий, — сказал Сварог, с трудом подавив смех, — ай да его величество, за столом солонки тырит. Королевство у него, впрочем, такое, что даже соседи не зарята...

Он сделал условный знак танцмейстеру, и вскоре несколько голосов подхватили:

— Танец новобрачных! Королевский танец!

Яна встала ему навстречу прежде, чем он успел подойти. Присутствующие, в большинстве своем прекрасно знавшие этикет, проворно освободили середину зала, отодвинувшись к стенам. Глянув на вопросительно уставившегося танцмейстера, Сварог бросил:

— Лагетон.

Это было что-то вроде смеси танго с вальсом — только вальс гораздо медленнее того, из покинутого Сварогом мира. Настала тишина, зазвучали первые аккорды, Яна, полузакрыв глаза, медленно кружилась в объятиях Сварога, и ее очаровательное личико было столь счастливым, что он даже ощутил некоторую неловкость — можно подумать, все это стоило ему каких-то особенных усилий. Усилий особо и тратить не пришлось.

В этой фигуре можно было чуточку прижаться друг к другу, и Яна прильнула, веселая, хмельная, раскрасневшаяся и от вина, и от праздника, как-то очень уж лукаво шепнула ему на ухо:

— Хочешь настоящий лагетон... как в древности?

— Хочу, — сказал он, даже не пытаясь гадать, что за сюрприз ему хотят преподнести.

— Тогда смотри мне прямо в глаза и не отвлекайся ни на что вокруг...

Сварог так и поступил. Звучала музыка, Сварог с Яной медленно кружились, не размыкая объятий. Первая странность, которую он отметил, — удивленные взглазы доносились словно бы откуда-то с низу. Чуточку повернув голову, он оторопел, но собрал всю силу воли и ухитрился не сбиться с такта.

Они танцевали не на паркете, а высоко над ним. В воздухе. Уардах в пяти над полом, так, словно под ногами у них сказался невидимый, но прочный помост.

— Не бойся, — прошептала Яна, глядя на него смешливо и загадочно. — Ничего не случится... Когда я рядом, ничего не случится...

Странно, но он нисколечко не испугался — и они танцевали, высоко над головами примолкших гостей, над огромным роскошным столом, пересекая зал из конца в конец, поднявшись уже так высоко, что пару раз пришлось огибать исполинские люстры. Яна вела его уверенно, словно они танцевали на паркете.

— Мне так радостно счастливо... — прошептала она, — как давно уже не было... Можно, я немного пошалю?

— Шалите, супруга моя, — сказал Сварог.

Высокое окно рядом с ними вдруг распахнулось беззвучно и легко, они оказались над балконом, над кронами деревьев, усыпанных гирляндами разноцветных лампочек — уже начинало темнеть, — над подсвеченными радужными струями фонтанов, высоко над великолепным парком. Музыка словно сопровождала их, и они по-прежнему медленно кружились в объятиях друг друга.

— Древний Ветер? — спросил он тихонько.

— Конечно, — так же тихо ответила Яна. — Просыпается вот...

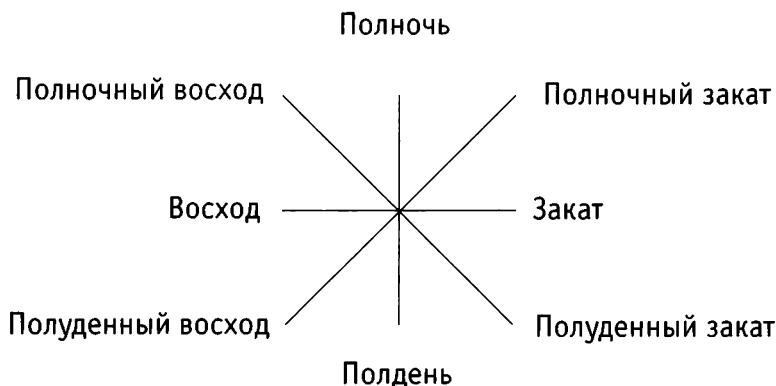
Она улыбалась, полузакрыв глаза, ее лицо в полумраке было таинственным, загадочным, чуточку иным. Все вокруг было покойным и счастливым.

Однако Сварога вдруг пронзила короткая, холодная, никак не сочетавшаяся с праздником, с весельем, со счастливой девушкой в его объятиях мысль.

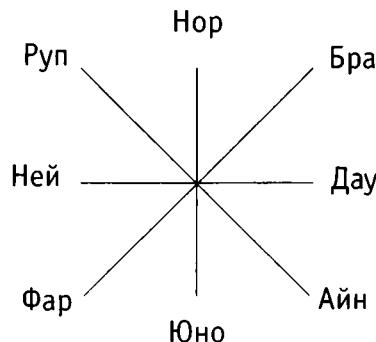
А насколько этот Древний Ветер пригоден для серьезного боя?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистериум, 3466 г. Х. Э.). Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Гланы от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

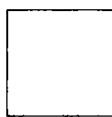
КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

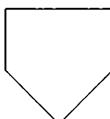
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ щиты

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

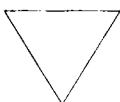
1. Дотир

2. Джунарг

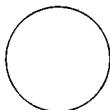

3. Даугар

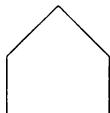
4. Дроглор

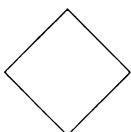
5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона:

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта*

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

* Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятное в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрепленное с золотым скипетром.

Шаган — дроглор. На синем поле — золотой колокол.
Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

Прочие гербы

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Шит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дроглор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма* с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограненный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинутнов**). Зубцы отсутствуют.

* Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

** Квинут — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинутнов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звенями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранный пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукружиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточеннное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограниченным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха.

Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобиля и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобиля патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен* Гонзак (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Не-

* Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

которые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и учёные записки второго (о чём второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронера, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю не-плохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пре-

бывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землею с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оного служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы та-ковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают деяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошелем особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла

серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Соры — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оного наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сирин, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвиающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носятся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скучные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Совы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

ЗОЛОТЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).
2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).
3. Похоронных дел мастера.
4. Приказчики торговые и банкирские.
5. Меховщики.
6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).
7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).
8. Водопроводных дел мастера.
9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).
10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклянной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.
2. Моряки.
3. Речные матросы.
4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).
5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).
6. Содержатели псарен и псари.
7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведе-

ний рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но единовременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо

в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содергательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оное делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытать членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне

смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскиющий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий некритически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашаются, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрестанных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путанным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявлennая ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаемо столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удается достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего, — как это было с Сандоварским

Уложением*. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включаю в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но такое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Сословия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов** (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь

* Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владыкам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

** Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаюсь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычье предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, простирающимися из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжащей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и

повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаяешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее нemo — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает все-охватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии предстающие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое стянуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистью силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищащие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владетели не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало

любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычайному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — зной жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от наложенного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столично-го храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к коему примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой неправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в

особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устраниением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедля приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляет Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общинностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их сорганизована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как

и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадаются там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый ки-

расирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексилумы. Вексилум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллом. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживается.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и удаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых,

ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы истари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника,

перехватывая его курьёров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа*.

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных плennого летуна, будь он и дворянин, вешали

* С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами*. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается

* Пулометы в те времена на вооружении еще не появились.

никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнудданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаком чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и неувечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, од-

нако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброва, обязванного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, съязмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под

знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова*. А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресно-

* Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

водные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рука-ва. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, вслывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а про-чие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скучна для землепашства или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны ма-лым детям, каждый клочок земли для них — что любимая без-делушка, каковую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофина находится Инбер Колта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров*, и рас-положены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет

* Югер — квадратная лига.

стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являются собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рисуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученыe люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому договору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скучен и каменист. Есть там при городке, также именуемом

Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда припłyвают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Переайдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о подживающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронеры заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплод-

ные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грома стоит храм морского божества Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, будто охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случай такие нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копью Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Ка-тайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу некоторых природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятысот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица былого королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве

что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноглавой столицы (понятно, весьма обезлюдовшей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур является собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скучна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рисуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль*.

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копях добывают красную яшму и полосатую**, а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис*** и бакан****. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверьй и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

* Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

** За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

*** Речь идет о гранате-альмандине.

**** Бакан — родонит, или орлец.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в озnamенование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов

Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — краченый шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным затыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тулей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются на-смешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашореми осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореми»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореми. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были местью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определят). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Матерь олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался про-

никнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно*.

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и

* Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гравастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно

увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог

Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто периздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуются три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного богоодхновленного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу отискажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.

13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1—5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6—8 классы приравнены к полковникам, 9—10 — к капитанам, 11—12 — к лейтенантам, 13—14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой ауреи = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофина чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряным ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галия» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в пол-асса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебреникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукуручек.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние времена это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным биллонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полу билон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении деяжные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

~

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканят давно по причине тщательно скрываемой бедности онного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

- Чертополоха.
- Пещерного Медведя.
- «Громовая гора».

Медали:

- «Серебряное кольцо».
- «Медное кольцо».
- «Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носятся на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

- «Круглая башня».
- «Ладья богатства».
- «Созвездие».

Медали:

- «Золотая пчела».
- «Серебряная пчела».
- «Медная пчела».
- «Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благососто-

яния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов*.

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»

(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

* В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь»*.

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

* Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

«Дубовый лист».
«Львиный коготь».
«Огненное копье».
«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).
«Око» (полицейская).
«Ларец».
«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».
«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».
Орден Заслуги.
«Меч и кольцо».
«Золотой якорь» (военно-морской).
Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».
Орден Верности.
Орден Черного Медведя..
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».

Военные медали:

«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».

Гражданские медали:

«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».

«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой колокол».
Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости.
«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.
Орден Кедра.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».

Гражданские медали:

«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».
«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

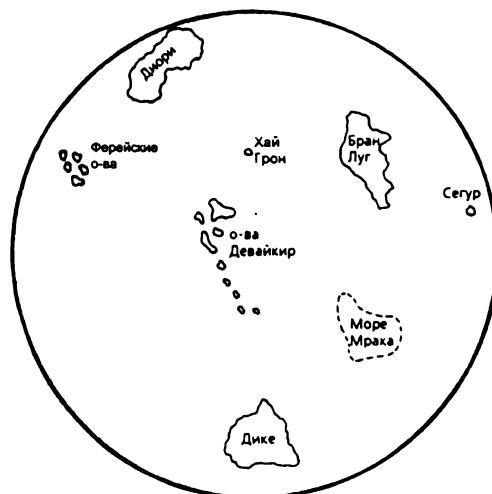
Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

Карты

Планета ТАЛАР

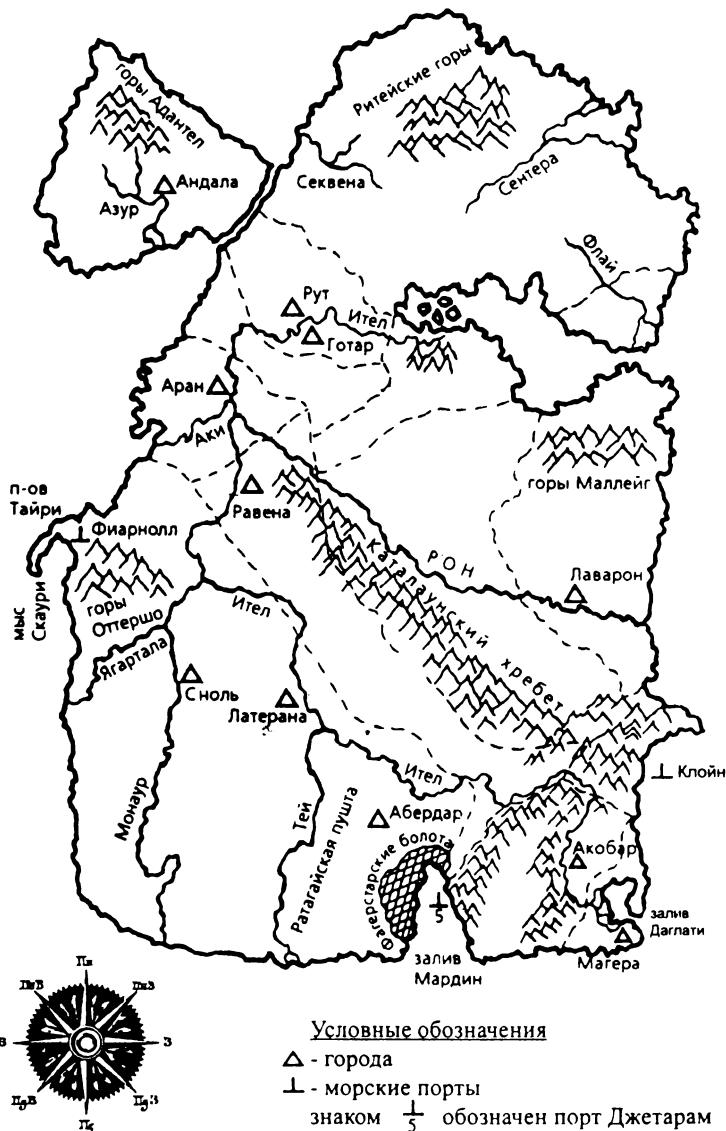
полушарие заката

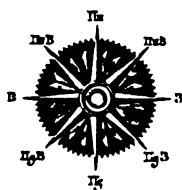
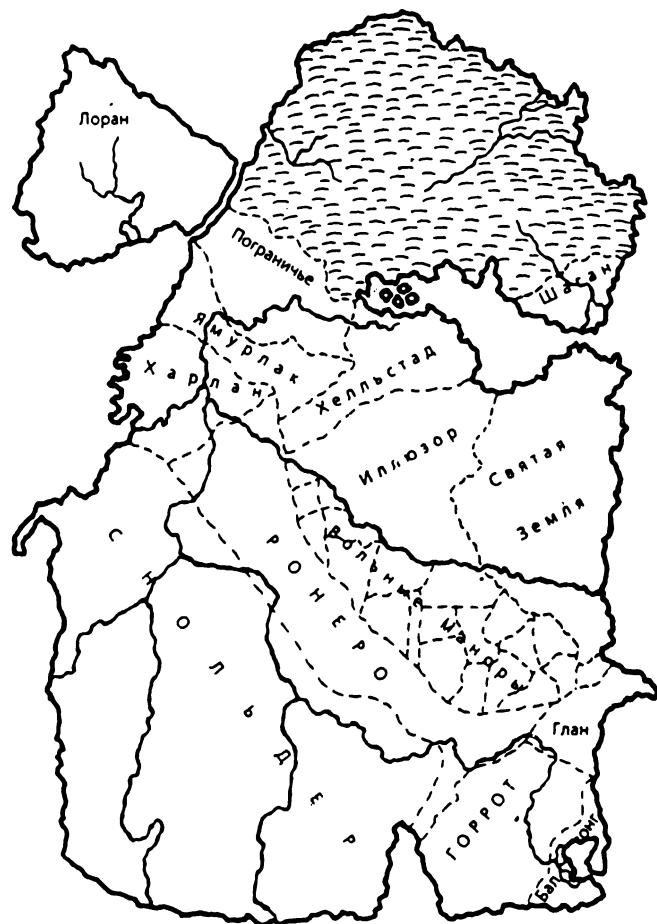
полушарие восхода

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Первые шаги	5
Глава II. Дела давно минувших дней	30
Глава III. Земля и вода	59
Глава IV. О Древнем Ветре и не только о нем	84
Глава V. Сюрпризы и тайны.....	101
Глава VI. Прикладная астрономия по методу Канцлера	136
Глава VII. Всадник на диковинном коне	155
Глава VIII. Королевская охота	176
Глава IX. Ход ферзем	198
Глава X. Сюрприз из сюрпризов	207
Глава XI. Цвет подвенечный, золотой...	221
Приложения.....	242
Карты	300

Официальный сайт А. А. Бушкова – www.shantarsk.ru

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА

Роман

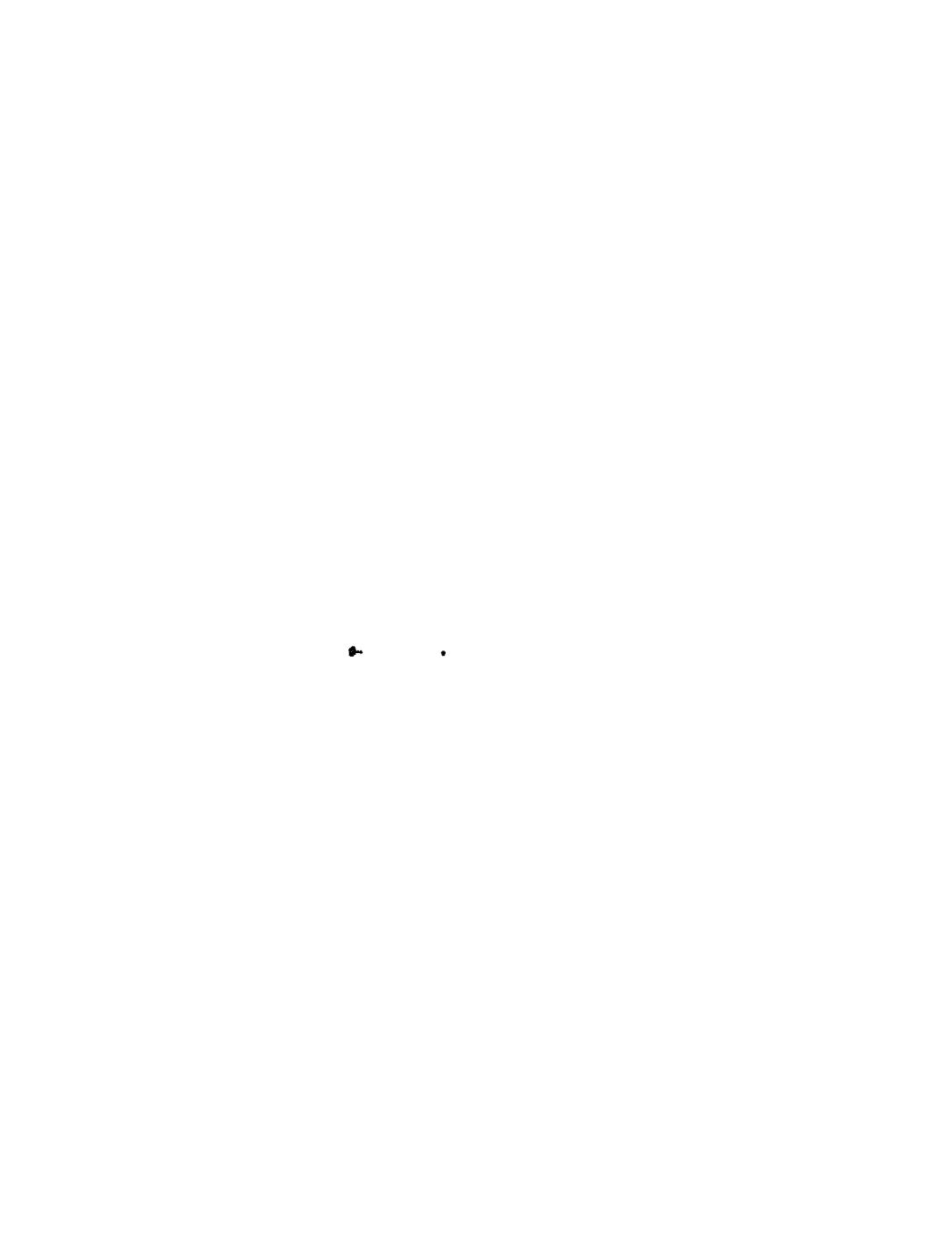
Оформление обложки *Александра Щавелева*
Ответственный за выпуск *Владимир Кузьмин*
Художественный редактор *Александр Гладышев*
Технический редактор *Надежда Ремизова*
Компьютерная верстка *Ольга Тарвид*
Корректор *Лариса Пруткова*

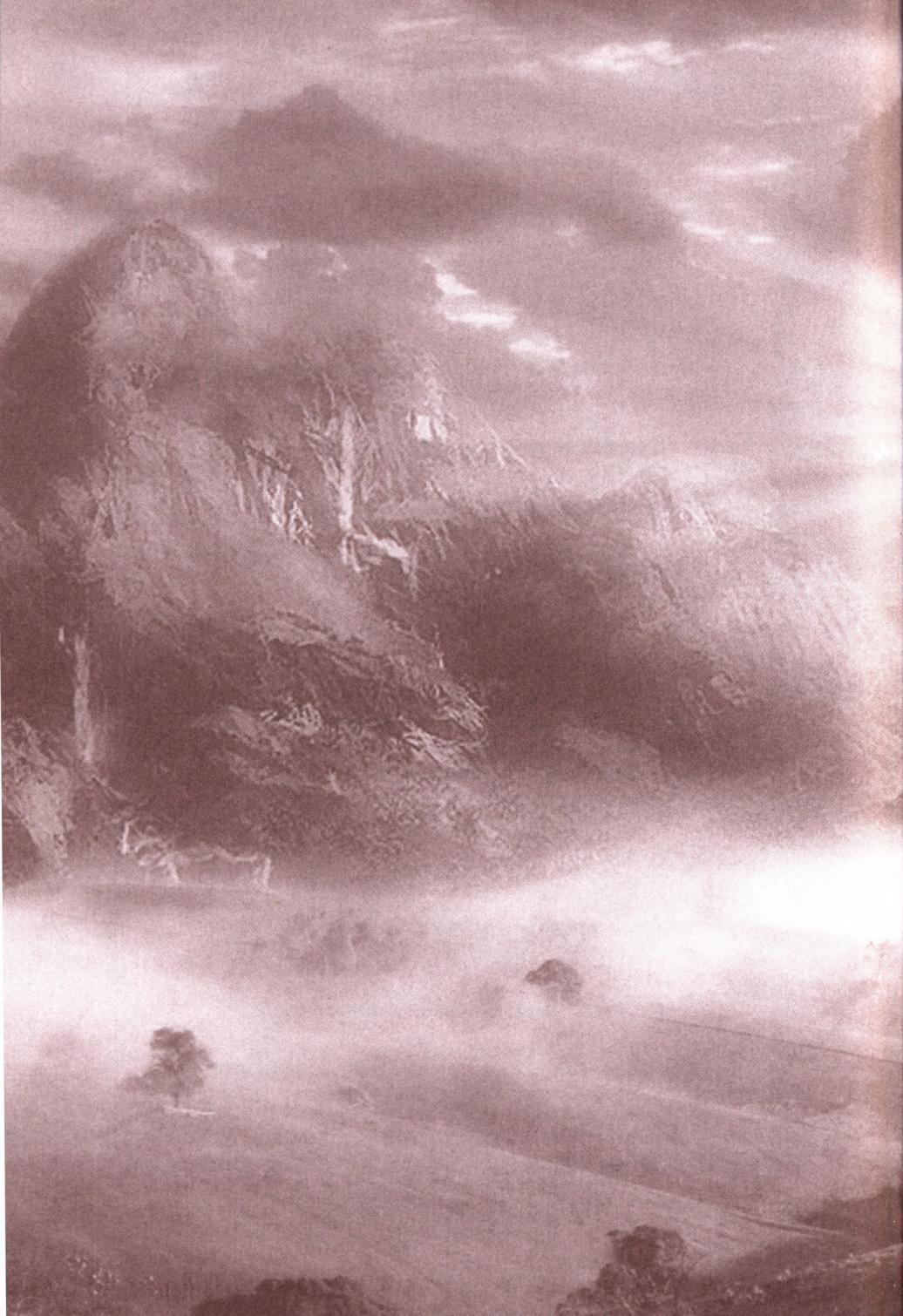
Подписано в печать 25.06.2013.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Palatino».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 20 000 экз.
Изд. № 13-11168. Заказ № С-1584.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, г. Москва, Звездный б-р, дом 21, стр. 3, пом. I, комната 5.
Почтовый адрес: 143421, Московская область, Красногорский район,
26 км автодороги «Балтия», Бизнес-парк «Рига-Лэнд», стр. 3
www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАМЕДИА» ГПК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ИМПЕРИЯ
ЗАНИКУДА
ИЗ ТОКУДА

Пока молодая правительница Империи Четырех Миров Яна-Алевтина готовится пойти под венец, лорд Сварог граф Гэйр продолжает биться над загадкой Токеранга и Горрота. Как сорвать «шапку-невидимку» с Горрота и проникнуть в логово токеретов?..

Воскресшие покойники, токереты во плоти, секретные истории, извлеченные из тайных архивов, разгадка силы апейрона, обретение наследника. Вся эта повседневная королевская жизнь в светском бризе любви, который стремительно набирает силу и поднимает, поднимает Сварога... над Таларом. Так просыпается Древний Ветер. Но хватит ли его силы, чтобы выиграть решающую битву?

ISBN 978-5-373-05494-2

9 785373 054942